

ГРАЖДАНИНЪ

ГАЗЕТА–ЖУРНАЛЬ ПОЛИТИЧЕСКІЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

Журналь „Гражданинъ” выходитъ по понедѣльникамъ.

Редакція (Невскій проспектъ, 77, кв. № 8) открыта для личныхъ объясненій отъ 2 до 4 ч. дня ежедневно, кромѣ дней праздничныхъ.

Рукописи доставляются исключительно въ редакцію; непринятая статья возвращается только по личному требованію и сохраняется три мѣсяца; принятая, въ случаѣ необходимости, подлежатъ сокращенію.

Подписка принимается: въ С.–Петербургѣ, въ главной конторѣ „Гражданина” при книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Бабунова; въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева; въ Кіевѣ, въ книжномъ магазинѣ Гинтера и Малецкаго; въ Одессѣ у Мосягина и К⁰. Иногородные адресуютъ: въ Редакцію „Гражданина”, въ С.–Петербургъ.

П о д п и с н а я ц ѣ н а :

За годъ, безъ доставки . . 7 р. съ доставкой и
пересылк. 8 р.

„ полгода „ „ .. 4 „ „ „
 5 „
 „ треть года. „ „ .. 3 „ „ „
 4 „

(На другіе сроки подписка не принимается. Служащіе пользуются разсрочкою чрезъ гг. казначеевъ).

Отдѣльные №№ продаются по 20 коп.

ГОДЪ Редакція: С.–Петербургъ, Невскій
 пр. 77. ВТОРОЙ

СОДЕРЖАНІЕ: Отъ редакціи. — Великая Княгиня Елена Павловна. Русский. — января 1873 года. К. П. — Областное обозрѣніе. — Дневникъ писателя. — О. Достоевскаго. — Наслѣдство въ полтора ста рублей. Мѣстная картинка. Н. Казанцева. — Общество для противудѣйствія чрезмѣрному распространенію пьянства. Н. — Положеніе пенсіоннаго дѣла за границею и у насъ. Продолженіе. — Одинъ изъ нашихъ Бисмарковъ. Часть III. Гл. II. Графъ Обезьяниновъ въ вагонѣ. Гл. III. Первые минуты въ Петербургѣ. Кн. В. Мещерскій. — Стихотворенія: Посвящается М. В. — Пѣсня при гробѣ хлопа. (изъ Витвицкаго). — Экономическій фельетонъ. Евгеньева. — Некрологъ 1872 года. — Ералашъ. Вѣсти со всего міра: За границею: Похороны Наполеона III. Критическое положеніе итальянскаго короля. Ужаснѣйшій пожаръ въ

домъ умалишенныхъ въ Америкѣ. Печать въ Турціи. Иностранцы—чиновники въ Японіи. Полиція и народное образованіе въ Берлинѣ, Вѣнѣ и С.—Петербургѣ. Чехъ, поросенокъ и король Венгрии. «La femme de Claude» новая комедія А. Дюма—сына. Извѣстія у насъ: Безтактность иныхъ провинціальныхъ корреспондентовъ газетъ. Вопіющія слезы крестьянина. Турція какъ эдемъ. Адресъ женской гимназіи земству. Полезная инициатива моршанской уѣздн. управы. Женскій вопросъ у киргизовъ. Чайныя плантаціи на Кавказѣ. Самоуправства крестьянъ. Таинственный поджигатель въ исторіи нашихъ пожаровъ. Прогрессъ въ дѣлѣ мошенничества. Фактъ благотворительности изъ ряда вонъ. Красивое слово. Другое слово, но печальное. Политическое слово. Оптимиста. — Современная хлестаковщина. Давнишняго обывателя Петербурга.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Содержаніе Нечаевского дѣла на основаніи „Правительственнаго Вѣстника“ будетъ помѣщено въ № 4—мъ.

Статья подъ заглавіемъ „9 января 1873“, посвященная памяти Великой Княгини Елены Павловны, сообщена авторомъ, для

одновременнаго напечатанія въ газету „Московскія Вѣдомости” и намъ.

Библиографическія статьи этого № отложены до слѣдующаго, 22-го января.

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.

Во вторникъ 9-го января, въ два часа пополудни, послѣ непродолжительной болѣзни, тихо угасла, окруженная Ихъ Величествами и всѣми членами Царской Семьи, Великая Княгиня Елена Павловна на 68-мъ году своей жизни.

Россіи этой жизни принадлежало 50 лѣтъ; и много, много есть что сказать объ этихъ 50 годахъ жизни покойной Великой Княгини въ Россіи и для Россіи; мы надѣемся въ скоромъ времени познакомить читателей съ подробностями этой жизни, а теперь скажемъ о ней лишь то чтъ знали и успѣли узнать.

Кончина Великой Княгини Елены Павловны есть для Россіи потеря незамѣнимая.

Въ ней угасла послѣдняя представительница эпохи старой, но въ то же время и гораздо чувствительнѣе умираетъ въ ней одна изъ самыхъ живыхъ, самыхъ плодотворныхъ для добра

носителницъ великихъ идей Россіи новой, Россіи свободной, Россіи современной!

Эти прожитые покойною Великой Княгинею 50 лѣтъ въ Россіи были не только посвящены ей всецѣло и исключительно, но были прекраснымъ примѣромъ для подражанія и полныхъ великаго смысла служеніемъ своему новому отечеству.

Въ основу своихъ 50 лѣтъ жизни въ Россіи покойная Великая Княгиня положила мысли, которыя исторія должна почитать безсмертіемъ.

Положеніе русской Великой Княгини не есть преимущество, не есть право наслаждаться тѣмъ, чего другіе не имѣютъ, а *трудная и великая должность* передъ престоломъ и государствомъ, для исполненія которой нѣтъ предѣловъ въ усиліяхъ и любви къ Россіи.

Вотъ мысль лежавшая въ краю угла этой угасшей жизни, лежавшая потому, что положена была Великою Княгинею сознательно. И если мы вспомнимъ, что эти мысли были ею признаны и примѣнены къ жизни полъ-вѣка назадъ, то есть, тогда, когда Великой Княгинѣ было 17 лѣтъ, то мы поймемъ сколько нравственнаго богатства приобрѣла она себѣ въ собственность въ эти 50 лѣтъ, поймемъ и то, почему всякое дѣло, всякое учрежденіе, — а дѣлъ и учрежденій этихъ было много, — носившее печать мысли и имя Великой Княгини Елены Павловны, связывались

съ этою мыслью и съ этимъ именемъ не случайно, а подъ вліяніемъ потребности Ея прекрасной души и умъня Ея даровитой природы создать дѣло, вдохновить его жизнью, практически обставить, пустить въ ходъ, и посвятить пользѣ Россіи.

Покойная Великая Княгиня, дочь Принца Павла Вюртембергскаго воспитывалась до 16 лѣтъ въ одномъ изъ парижскихъ пансіоновъ, въ самой скромной и простой обстановкѣ.

Въ 1823 году Принцесса Вюртембергская пріезжаетъ въ Россію. Въ Гатчино, на послѣднемъ привалѣ Ея долгаго путешествія и въ первомъ мѣстѣ пребыванія Ея въ Россіи встрѣчаетъ Ее весь дворъ съ императоромъ Александромъ I и вдовствующею Императрицею Марією Ѳедоровною во главѣ. Здѣсь—же производитъ первое сильное впечатлѣніе будущая Великая Княгиня Россіи. Къ величайшему изумленію и всеобщему очарованію, молодая Принцесса въ каждомъ изъ тѣхъ кто Ей представляется — встрѣчаетъ какъ будто знакомаго и съ каждымъ говоритъ о томъ что Она успѣла о немъ узнать. Представлены Ей были Кутузовъ, Милорадовичъ, Карамзинъ. Послѣдняго молодая Принцесса привѣтствуетъ какъ исторіографа своего новаго отечества и

говорить ему: „прошу знать что я уже читала исторію вашу по русски”.

Здѣсь начинается новая эра воспитанія Великой Княгини. Одна изъ свѣтлѣйшихъ личностей въ русской исторіи, Императрица Марія Ѳедоровна, была во многомъ воспитательницею и нравственною руководительницею молодой Великой Княгини. Это счастливое для Нея событіе объясняетъ многое въ прекрасной жизни ученицы Императрицы Маріи Ѳедоровны, и есть одна изъ причинъ развитія нравственной личности Великой Княгини въ томъ прекрасномъ, искренно русскомъ и высоко человѣчномъ духѣ, который собой проникъ Ея жизнь.

Такъ начала Великая Княгиня Елена павловна сво служеніе Россіи, и можно безъ преувеличенія сказать, что съ поры этого начала въ теченіе поль-вѣка ни одна минута Ея жизни не пропала даромъ.

Кончина Императрицы Маріи Ѳедоровны раздѣлила святое и прекрасное ея наслѣдство — благотворительныя и воспитательныя учрежденія — между Императрицею Александрою Ѳедоровною и Великою Княгинею Еленой Павловною, въ удѣль которой достались Маріинскій институтъ, повивальный институтъ съ родильнымъ госпиталемъ и завѣдываніе

капиталомъ завѣщаннымъ Императрицею Маріею Ѳедоровною на пенсіи бѣднымъ вдовамъ офицеровъ. Затѣмъ Великая Княгиня получаетъ въ свое завѣдыванье училище для взаимнаго обученія, переименованное въ училище св. Елены, нѣсколько лѣтъ спустя принимаетъ въ свое вѣдѣніе Елизаветинскую дѣтскую больницу, во время Крымской войны учреждаетъ Крестовоздвиженскую общину сестеръ милосердія, затѣмъ послѣ упраздненія общества посѣщенія бѣдныхъ — беретъ подъ свое непосредственное покровительство Максимиліановскую лечебницу и наконецъ въ послѣдніе годы, принявъ подъ свое покровительство русское музыкальное общество, даетъ ему новую жизнь.

Вотъ перечень отъ Нея получившихъ жизнь и непосредственное руководство учреждений. Но дѣло не въ перечнѣ, а въ томъ, какъ мы сказали, что каждому изъ этихъ учреждений Она посвящала не досужное, а *все* свое время, каждую минуту этого времени.

И среди этихъ заботъ, самая чудная, самая высоко-христіанская и глубоко-патріотическая — выразилась въ учрежденіи сестеръ милосердія во время Крымской войны. Спросите у этихъ сестеръ милосердія изъ оставшихся въ живыхъ, и вы узнаете, что въ тѣ

минуты, когда Она создавала это учреждение, Великая Княгиня являлась имъ какъ будто въ ореолѣ святости. Мало того, что Она возымѣла мысль учрежденія, Она сама выбирала каждую изъ сестеръ милосердія изъ многихъ, Она входила въ ихъ душу, цѣлые дни съ ними проводила въ наставленіяхъ и руководительныхъ бесѣдахъ, каждую осыпала ласками, укрѣпляла вѣрою, вдохновляла любовью, благословляла какъ мать и какъ сестра, и послѣ всѣхъ этихъ чудныхъ минутъ и заботъ возымѣла утѣшеніе увидѣть какъ на бастіонахъ Севастополя и у одра севастопольцевъ-героевъ показали себя эти ангелы любви, посланные Ею къ солдатамъ и морякамъ!

Война кончается. Разцвѣла жизнь отъ мира новаго царствованія. И здѣсь наступаетъ еще новая прекрасная минута въ жизни Великой Княгини Елены Павловны. Едва только новый Государь произноситъ слово освобожденія крестьянъ, Великая Княгиня проситъ позволенія это слово осуществить въ своемъ имѣніи и надъ своими крестьянами. Въ 1859 году, получивъ это дозволеніе, она вводитъ въ своемъ имѣніи Карловкѣ то положеніе для крестьянъ, которое 2 года послѣ составило сущность положенія 19 февраля 1861 года. Но этимъ Она не ограничилась. Великая Княгиня является

какимъ—то живымъ средоточіемъ духовныхъ интересовъ этого дѣла для всѣхъ кого довѣріе Государя и закипѣвшая реформа призывали въ ея дѣятели. Вокругъ Нея, если можно такъ выразиться, происходила та часть работы по крестьянскому дѣлу, которая была одною изъ главнѣйшихъ — работа душевная, во имя свободной мысли и любви къ Россіи. Здѣсь Она являлась во всемъ блескѣ умной женщины, и давая каждому свободу высказываться, пользовалась своимъ умомъ чтобы сглаживать различныя мнѣнія и примирять ихъ представителей. Съ тѣхъ поръ почти по день ея кончины Великая Княгиня не переставала быть этимъ живымъ средоточіемъ новыхъ потребностей русской жизни!

Наконецъ, ясное пониманіе силы искусства въ дѣлѣ развитія народной жизни — побуждаетъ Великую Княгиню взять подъ свое покровительство русское музыкальное общество, но не какъ нибудь и не для формы, а, какъ Она сама говорила, для того чтобы учрежденіе это было крѣпко и здорово въ своихъ основахъ, и богато жизненнымъ содержаніемъ для полного своего развитія. Именно эта—то цѣль самыми настойчивыми усиліями и ежеминутными заботами Великой Княгини была достигнута, и вполне достигнута, ибо музыкальное общество съ

его консерваторіями — одно изъ самыхъ живыхъ и успѣшно идущихъ учрежденій въ семьѣ учрежденій свободныхъ и самостоятельныхъ.

Все—ли мы сказали о ея дѣлахъ?

Нѣтъ, далеко не все! У покойной Великой Княгини, среди многихъ прекрасныхъ чертъ ея личности, была черта высоко—симпатическая. Великая Княгиня любила, такъ сказать, заставлятъ иностранцевъ любить Россію и оцѣнивать ея прекрасныя стороны. Зная Россію и людей такъ, какъ мало знаютъ ихъ въ обществѣ простыхъ смертныхъ, Великая Княгиня, если можно такъ выразиться, прилагала къ ознакомленію иностранцевъ съ Россіею особенную ревность и умѣлость: Она умѣла имъ показывать людей и дѣла ихъ съ самой привлекательной стороны. Но этого мало: Она всею своею возвышенною душою съумѣла понять то что составляетъ лучшее достояніе и богатство ея — вѣру и церковь; такъ, оцѣнивъ всю красоту и прелесть нашихъ молитвъ Она, поручала переводить всѣ лучшія книги и собранія молитвъ на иностранныя языки. Ея заботами переведены между прочими: литургія, канонъ Андрея Критскаго и молитвословъ.

А теперь, въ день Ея кончины, сколько узнано было добрыхъ дѣлъ, о которыхъ Она одна знала; Ея казна была подобно Ея сердцу —

неисчерпаемымъ источникомъ помощи для всякаго кто къ Ней обращался, и помощи всегда полной, сознательной и отъ Нея исходящей — но никогда не банальной!

Это отвращеніе отъ всего похожего на банальность, на общія мѣста, уваженіе къ людямъ за ихъ личность и требованіе того же отъ нихъ для Себя, глубокое презрѣніе ко всему похожему на царедворство во всѣхъ его проявленіяхъ, удивительное умѣнье людей узнавать и людей заставлятъ говорить съ Нею откровенно и о дѣлѣ близкомъ ихъ уму и сердцу, свѣтлый и живой умъ, горячо воспринимающее сердце, пониманіе жизни человѣка вообще и русскаго въ особенности, доступность для всякаго, кто въ Ней нуждался и наконецъ, что выше всего было, — любовь къ добру и къ добру для Россіи — таковы были главныя черты привлекательной личности покойной Великой Княгини, съ помощью которыхъ Ея высокое положеніе не только никогда не понижалось, но все выше, все ярче, все нравственно—сильнѣе становилось среди окружавшей Ее жизни, и чѣмъ выше, тѣмъ все доступнѣе, тѣмъ благотворнѣе, тѣмъ полезнѣе для людей!

Да! Съ закрытіемъ могилы надъ такою русскою Великою Княгинею мириться не легко, ибо послѣ Нея чтъ остается кромѣ памяти

тысячей людей Ее знавшихъ и Ею подвинутыхъ на все доброе, полезней и благородное?

Остаются эти люди, остаются дѣла и учрежденія, умомъ, сердцемъ и средствами Великой Княгини созданныя и духомъ Ея вдохновенныя! Остается исторія.

Да! Все это остается! Но Ея нѣтъ!

Награды здѣсь Она не приняла; жизнь Ея не была ни особенно счастлива, ни особенно свѣтла беззаботностью! Она утѣшала себя тѣмъ, что столько людей сдѣлала счастливыми и столько окрѣпила людей своимъ никогда не падавшимъ и никогда не смущавшимся духомъ.

Слѣдовательно, если есть утѣшеніе, то оно заключается въ томъ, что награда Ея, здѣсь не полученная, ждетъ Ее тамъ, гдѣ — Царство Спасителя сказавшаго міру: „да не смущается сердце ваше, вѣруйте въ Бога и въ Мя вѣруйте!”

Русскій.

9 ЯНВАРЯ 1873 ГОДА.

Свѣтлая звѣзда скатилась съ нашего небосклона. Многіе осиротѣли у насъ, точно дѣти потерявшія мать — ищутъ и не находятъ и

плачуть. Великая Княгиня Елена Павловна преставилась въ Вѣчность.

Благословенна будетъ память Ея во всей Россіи; но Ею облагодѣтельствованные будутъ носить въ сердцѣ свѣтлый Ея образъ, покуда живы, со скорбью, что потеряли Ее, съ любовью и благодарнымъ сознаниемъ, что знали Ее и видѣли въ жизни.

Въ нынѣшнемъ году, въ сентябрѣ, исполнится 50 лѣтъ съ того дня какъ она вѣзжала въ Россію молодою Принцессой и началась ея многообразная и плодотворная дѣятельность для Россіи. Съ этого дня огонь, теплившійся въ душѣ 15-лѣтней дѣвицы, живой, воспріимчивой, впечатлительной, сталъ разгораться и зажигать около себя, вверху и внизу, другіе огни; завязавшаяся въ Нея мысль стала входить въ силу и возбуждать мысль всюду, гдѣ только мѣсто мысли живой и дѣятельной. Ея красота, физическая, умственная и нравственная, съ умѣньемъ обласкать, приблизить къ себѣ, одушевить, стала безсознательно очаровывать всѣхъ кого вводила Она въ кругъ своей мысли. Кто зналъ и не любилъ Ея? Кто искавшій у Нея помощи на дѣло добра — былъ ею отринуть? Кто, входя въ кругъ Ея, не подчинялся Ея обаянію и не чувствовалъ себя возбужденнымъ и подвигнутымъ въ глубинѣ духовной своей

природы? Вся Она исполнена была жизни и мысли: возбуждая все около Себя, Она сама отовсюду искала и принимала живыя впечатлѣнія, стремясь всякую истинную и плодотворную мысль превратить въ дѣло и на всякое дѣло поставить людей разумѣющихъ его и по немъ ревнующихъ. Окруженная блескомъ и роскошью двора и восторженною преданностью многихъ, но много испытавшая борьбы и горя, она ни на минуту не отдавалась нѣгѣ своего положенія, ни на минуту *духа не угашала въ себѣ* — до послѣдняго дня своей жизни. И по истинѣ, у смертнаго одра Ея просится на уста, въ поученіе живымъ, апостольское слово: *тщаніемъ не лѣниви, духомъ горяще Господеви работающе.*

Испытавшіе жизнь знаютъ какъ много значить, сколько можетъ распространить добра около себя подобная натура и въ обыкновенномъ общественномъ положеніи.

Сила творить силу, сила вызываетъ силу, сила отъ силы зачинается въ мірѣ духовныхъ соотношеній. Но Усопшая стояла въ жизни на внѣшней высотѣ, на широкомъ мѣстѣ, откуда всѣмъ было Ее видно, и откуда Ея вліяніе могло распространяться на широкомъ полѣ. И подлинно въ лицѣ Ея объявлялось и оправдывалось предо всѣми высокое и благодѣтельное общественное

значеніе *Сана*. Она носила свой санъ достойно и праведно, и все богатство души и внѣшнихъ благъ, дарованное ей Промысломъ, расточила не Себѣ, но людямъ и дѣлу, которому служила.

Еслибъ можно было припомнить и вызвать всѣхъ Ею облагодѣтельствованныхъ, какой многочисленный сонмъ сталъ бы у Ея гроба! Сколько талантовъ отыскала Она, ободрила, воспитала, вывела на свѣтъ и въ дѣятельность! Много сыщется именъ, славныхъ или извѣстныхъ въ наукѣ и искусствѣ, — связанныхъ съ Ея именемъ, выросшихъ подъ Ея покровительствомъ. Стоило Ей только услышать, что въ томъ или другомъ безвѣстномъ углу проснулось дарованіе и нуждается въ поддержкѣ, въ средствахъ къ образованію, какъ уже рука Ея готова была дать, а главное, готово было въ сердцѣ Ея нетерпѣливое желанье — призвать, увидѣть, распросить челоуѣка, живымъ словомъ своимъ ободрить его, поднять его на высоту и отпустить, возбужденнаго, веселаго, съ вѣрою въ свое призваніе, съ отраднымъ сознаниемъ сочувственной силы! Сколько найдется общественныхъ и государственныхъ дѣятелей послѣдняго 25-тилѣтія, которыхъ Она первая узнала, приблизивъ ихъ къ Себѣ, и вывела на дѣло Своимъ покровительствомъ и Своимъ просвѣщеннымъ сочувствіемъ. Сколько разъ —

обиженнымъ, оклеветаннымъ, несчастнымъ помогала Она своимъ высокимъ вліяніемъ и заступничествомъ возстановить правду свою и найти доступъ къ милости! Наконецъ, сколько бѣдныхъ благословляли и благословляютъ имя Ея за вѣдомыя Единому Богу личныя Ея благодѣянія!

Но Она не довольствовалась личными благодѣяніями. Благотворительность Ея проникнута была мыслью утвердить доброе дѣло, провести его въ общество, положить въ немъ зерно прочнаго, непрерывно дѣйствующаго общественнаго учрежденія, поставить его *разумно*. И когда, по мысли Ея, дѣйствіемъ Ею самою выбранныхъ и возбужденныхъ людей возникало учрежденіе, съ какимъ неутомимымъ вниманіемъ слѣдила Она за ходомъ его, вникая во всѣ подробности, осматривая, спрашивая, поддерживая во всѣхъ дѣятеляхъ силу духовную!

Нерусская по рожденію, Она положила сердце въ новомъ своемъ отечествѣ и посвятила Россіи всю свою дѣятельность. Всѣ великія событія внѣшней и внутренней жизни русскаго государства отзывались у Ней въ сердцѣ глубоко, вызывали въ Ней живое, дѣятельное участіе, и со многими изъ нихъ, въ самыя знаменательныя эпохи новѣйшей исторіи, связано Ея имя.

Стоить припомнить, въ эпоху восточной войны и осады Севастополя, съ какой неутомимою ревностью двинулась Она на помощь раненымъ и больнымъ, посредствомъ Ею созданной и одушевленной Крестовоздвиженской общины; и когда нибудь безпристрастная исторія обнаружить вполнѣ, какая доля участія принадлежитъ Ей въ успѣшномъ приведеніи къ концу великаго дѣла освобожденія крестьянъ въ Россіи.

Для общества Она была свѣтлымъ цѣнтромъ умственного одушевленія и собранія бывшія въ Ея гостиныхъ на долго останутся въ памяти всѣхъ кто ищетъ въ бесѣдѣ свѣтлаго, праздничнаго возбужденія мысли, отрезвленія отъ будничной жизни. У Нея можно было встрѣтить всѣхъ прїѣзжавшихъ изъ внутренней Россіи или изъ за границы людей, чѣмъ либо замѣчательныхъ въ служебной и общественной дѣятельности, въ наукѣ, въ искусствѣ. Всякаго Она умѣла приблизить къ себѣ, всякаго Она поднимала на свою высоту, со всякимъ умѣла вести рѣчь именно о томъ въ чемъ онъ полагалъ свое дѣло; всякій уходилъ отъ Нея съ сознаниемъ Ея высокаго достоинства и не съ приниженнымъ, но съ возвышеннымъ самосознаниемъ. Въ Ея кругу, около Нея свѣтло было, духовно и чисто. Многіе на Нее *озирались*. Многіе про себя думали: чтль

Она подумаетъ? какъ Ей покажется? Для многихъ и то уже великое горе, если послѣ Нея не на кого будетъ озираться!

И Ея уже нѣтъ! Еще такъ недавно, въ концѣ декабря, въ день Ея рожденья, собравшись къ Ней, старые друзья и слуги видѣли привѣтливый взглядъ, слышали Ея привѣтливое слово. Еще можно было обманываться и надѣяться, еще видна была въ Ней, сквозь болѣзненную усталость, прежняя Ея живость, казавшая Ее молодою передъ старыми Ея сверстниками. И вотъ, 9 января судиль Богъ тѣмъ же людямъ собраться въ слезахъ и въ таинственномъ молчаніи у бездыханнаго Ея тѣла.

Горькая потеря! Съ каждымъ днемъ, съ каждымъ годомъ яснѣе стануть выступать для насъ достоинства Усопшей — и все чтъ мы потеряли въ Ней. Она уже *взята отъ земли*; но какъ сложились, по кончинѣ, въ ровную, спокойную красоту черты лица Ея, живыя и подвижныя, такъ сложится на вѣчную Ей память милый Ея образъ, величавый, сіяющій мыслию, и *всѣхъ привлечетъ къ себѣ*.

К. П.

ОБЛАСТНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Новый судъ въ губерніяхъ пермской и вологодской. — Не пора ли также въ балтійскій край и въ привислинскій и что для этого надобно? Wacht am Rhein среди самарскихъ колонистовъ и русскій языкъ въ балтійскихъ школахъ и канцеляріяхъ. — Кабакъ или школа — кто одолѣетъ въ Алексинскомъ уѣздѣ и что значить работать съ малыми средствами? Единственное средство противъ пьянства, рекомендуемое саратовскимъ священникомъ. — Какого мнѣнія на этотъ счетъ лица духовныя въ Тамбовѣ и Казани. — Цензурой или штрафами возвысить церковную проповѣдь?

Объявлено узаконеніе о введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года въ губерніяхъ Пермской и Вологодской. Въ первой половинѣ текущаго года введены будутъ учрежденія мировыя, а въ первой половинѣ 1874 всѣ остальные. Впрочемъ, въ пяти уѣздахъ Вологодской губерніи (Велико-Устюжскомъ, Никольскомъ, Усть-Сысольскомъ, Яренскомъ и Сольвычегодскомъ) существующія судебныя учрежденія оставляются временно безъ измѣненія. Это расширение дѣйствія судебныхъ уставовъ дало одной газетѣ поводъ выразиться, что новый судъ все ближе придвигается къ Сибири, т. е. къ восточнымъ русскимъ

окраинамъ. Но мы охотнѣе, признаемся, желали бы видѣть его приближеніе къ нашимъ западнымъ окраинамъ. Кто же не замѣчаетъ, что и безъ того какая-то могущественная историческая сила насъ принуждаетъ тяготѣть въ востоку болѣе, нежели это было бы желательно для беспрепятственнаго внутренняго развитія. Разные заатлантическіе и европейскіе наши друзья съ убѣжденіемъ внушаютъ намъ, что мы призваны цивилизовать востокъ; мы сами все далѣе двигаемся въ степи съ вѣрою въ эту миссію. Не мѣшало бы однако помнить, что и на западѣ у насъ если не будетъ русской цивилизаціи, то этимъ самымъ открывається просторъ цивилизаціи инаго духа, инаго языка. Каждый упущенный годъ не тоже ли, что шагъ отступленія? Очень хорошо вводитъ земскія учрежденія въ оренбургскій край, распространять городскую реформу на Сибирь, двигать на востокъ новый судъ, но почему же и суду, и земству, и преобразованію городского управленія не пора дать простора и въ губерніяхъ балтійскихъ, привислинскихъ и западнаго края? Въ прошломъ году уже сдѣланъ первый опытъ примѣненія къ западному краю мировыхъ судебныхъ установленій, и этотъ опытъ, конечно, оправдался прекрасными результатами, хотя и произведенъ былъ съ нѣкоторымъ отступленіемъ отъ общаго

порядка судебныхъ уставовъ. Въ „Кіевлянинъ" и въ „Виленскомъ Вѣстникѣ", въ обзорахъ прошлаго года, отмѣчено благодѣтельное вліяніе начавшагося въ краѣ судебного преобразованія, и въ то время, какъ „Виленскій Вѣстникъ" преимущественно указываетъ на его внутреннее, нравственное значеніе — для общества и личности, „Кіевлянинъ" уже за то одно воздаётъ мировому суду благодарность, что онъ во время холеры заставилъ—таки исполнять предписанныя мѣры. По крайней мѣрѣ стала возможна дезинфекція, а прежде и того не было. „Рижскій же Вѣстникъ", сѣтуя, что балтійскій край не удостоился до сихъ поръ получить хотя бы только мирового суда, прибѣгаетъ по этому случаю къ аллегоріи о полуувядшемъ, захирѣвшемъ „василькѣ", который всю надежду на оживленіе свое возлагалъ лишь на солнце. „Но солнце, продолжаетъ органъ русскихъ людей балтійскаго края, еще не восходило для насъ, — еще мы не сподобились милости царской на равноправность съ общимъ нашимъ отечествомъ, — насъ не коснулось еще обновленіе". Почему же оно не коснулось, — въ этомъ—то и вопросъ, — почему, какъ носятъ слухи, отложено судебное преобразованіе въ главнѣйшихъ своихъ частяхъ и для привислинскаго края, хотя разработанные

проекты, какъ говорятъ, восходили даже на разсмотрѣніе высшихъ государственныхъ установленій? Но отвѣтъ здѣсь труднѣе, чѣмъ это кажется.

Не заключается ли хотя намекъ на отвѣтъ въ слѣдующемъ обстоятельстве, которое о самарскихъ колонистахъ рассказываетъ секретарь мѣстнаго статистическаго комитета („Сам. Губ. Вѣд." № 100). „Германія, говоритъ онъ, снабжаетъ колонистовъ особою патріотическою литературою, состоящей изъ повѣстей, рассказовъ и біографій героевъ послѣдней войны и разнообразныхъ стихотвореній, въ которыхъ прославляются Бисмаркъ и нѣмецкіе генералы. Нѣмецкая пѣсня „Wacht am Rhein" посылается не только съ нотами, но и съ латинскимъ переводомъ. Вообще наши колонисты читаютъ только нѣмецкую заграничную литературу и въ этомъ отношеніи стоятъ въ полной зависимости отъ двухъ—трехъ нѣмецкихъ пасторовъ и тѣхъ германскихъ книгопродавцевъ, которые снабжаютъ ихъ книгами. До сихъ поръ для нашихъ колоній не издается ни одной нѣмецкой газеты, которая знакомила бы ихъ съ русскою жизнью. Говоря съ колонистами и слыша ихъ сужденія, авторъ замѣтокъ о колонистахъ въ „Самарскихъ Вѣдомостяхъ" думаль, что онъ переѣхалъ въ

Мекленбургъ, такъ они стоятъ чужды всему русскому и живутъ въ какомъ то особенномъ мѣрѣ. Изъ старыхъ колоніи колонисты почти не говорятъ по русски и знаютъ Россію столько же, сколько нѣмецкій крестьянинъ гдѣ нибудь въ окрестностяхъ Инспрука или Мюнхена.

Такимъ образомъ, внутри самой Россіи мы не всегда успѣваемъ ассимилировать себѣ, хотя бы только по языку, небольшія горсти колонистовъ, продолжающихъ и среди насъ жить Мекленбургомъ или Мюнхеномъ. Представимъ же себѣ это обстоятельство въ безконечно большихъ размѣрахъ, во всей совокупности его источниковъ и послѣдствій, и не окажется ли, что кромѣ внѣшнихъ прекрасныхъ учрежденій необходимъ еще извѣстный умственный, нравственный, политическій и вообще духовный закалъ, для поддержки, прочнаго дѣйствія и для безпрепятственнаго распространенія самихъ учрежденій. Въ области внутренней политики на окраинахъ этотъ закалъ прежде всего сказывается въ двухъ вещахъ въ томъ, на сколько образованно, дѣятельно, неуступчиво и дисциплинировано мѣстное собственно-русское населеніе и въ томъ — насколько русскому языку, въ значеніи языка государственнаго, дано простора въ мѣстныхъ учрежденіяхъ. Въ западномъ краѣ по крайней мѣрѣ значеніе

русскаго языка ни въ чемъ не сокращено противъ губерній внутреннихъ, и это, конечно, весьма облегчило всѣ мѣры для введенія въ краѣ мировыхъ учрежденій. Между тѣмъ въ привислинскихъ губерніяхъ, по малому еще распространенію русскаго языка, невозможно миновать дилеммы: — или остаться на нѣкоторое время безъ новаго суда, или ввести судъ на русскомъ языкѣ, въ большей части случаевъ не совершенно понятномъ населенію, чтъ идетъ въ разрѣзъ съ основными началами правосудія. Къ балтійскому краю тоже самое слѣдуетъ приложить еще въ большей мѣрѣ, потому что здѣсь русскій языкъ мало распространенъ въ жизни, — для нѣмецкихъ присутственныхъ мѣстъ довольно переводчиковъ, — а мертвое школьное изученіе далѣе школьныхъ стѣнъ не проникаетъ. Слѣдовательно, если только мы не хотимъ изъ новыхъ нашихъ учрежденій на окраинахъ сдѣлать новое орудіе къ стѣсненію и ущербу русскихъ національныхъ интересовъ, то прямой расчетъ требуетъ спѣшить расширеніемъ правъ русскаго языка, въ качествѣ языка государственнаго. Для этого во всѣхъ государственныхъ школахъ, не исключая дерптскаго университета, онъ долженъ быть сдѣланъ языкомъ преподаванія и, совмѣстно съ этимъ, во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ — хотя бы даже и сословныхъ, — онъ же долженъ

быть сдѣланъ дѣловымъ языкомъ переписки. Никакое различіе здѣсь между коронными и сословными присутственными мѣстами критики не выдерживаетъ, потому что сословное представительство и управленіе также есть учрежденіе государственное и въ его организаціи государство властно руководиться своими, то есть общими интересами. Если же мы станемъ на эту точку зрѣнія, то и поймемъ, что мировой судъ въ западномъ краѣ возможно было ввести только потому, что правительство тамъ выдержало систематически свой взглядъ на государственное значеніе русскаго языка. Еслибы въ западномъ краѣ до сихъ поръ, какъ въ былое время, въ школахъ преподаваніе шло на польскомъ языкѣ и вообще польскій языкъ пользовался такимъ же значеніемъ, какое въ балтійскомъ краѣ присвоено языку нѣмецкому, то, конечно, мѣстному населенію западнаго края долго бы еще не видать даже мирового суда. Слѣдовательно, и въ балтійскомъ краѣ порядокъ долженъ быть тотъ же. Прежде чѣмъ судить населеніе на языкѣ, недостаточно ему извѣстномъ, необходимо этотъ языкъ сдѣлать языкомъ преподаванія всѣхъ школьныхъ предметовъ и всей дѣловой переписки присутственныхъ мѣстъ. Насилія здѣсь нѣтъ: ибо школа для того и существуетъ, чтобы выучивать между прочимъ и языку, а служба въ

присутственныхъ мѣстахъ также открыта лишь для тѣхъ, кто имѣеть извѣстный уровень необходимыхъ познаній. Кажется, противъ этого возражать невозможно.

Не будемъ разбирать, имѣеть ли затѣмъ само русское населеніе необходимый для ассимиляціи твердый духовный закалъ. Но все, что въ частности можно бы бы сказать о мѣстномъ населеніи, не слѣдуетъ ли приложить также и къ коренному населенію самихъ внутреннихъ областей? И вотъ — этотъ неотступный вопросъ о народномъ образованіи въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Пока еще цѣлое стоитъ на весьма низкой степени, какъ требовать, чтобы его части, каждая отдѣльно, достигали надлежащей умственной и нравственной высоты? Откуда намъ почерпать цивилизующія силы, когда собственный то народный бытъ нашъ устраивается къ лучшему съ великими трудами и въ очень незначительныхъ размѣрахъ? Недавно предсѣдатель алексинскаго училищнаго совѣта сдѣлалъ по своему уѣзду сравнительный расчетъ объ отношеніи кабаковъ къ школамъ и оказались слѣдующіе весьма любопытные выводы. Въ Алексинскомъ уѣздѣ — 62,700 жителей, которые большею частью живутъ въ недостаткѣ, а нѣкоторые и въ бѣдности. На это населеніе существуетъ 186 кабаковъ, въ которыхъ

продается ежегодно до 670,000 ведеръ полугара. Школь же въ уѣздѣ 21. Значить, на каждую школу приходится болѣе 8 кабаковъ, на 100 жителей приходится 1 съ небольшимъ учащійся и 95 ведеръ водки. За всю водку поступаетъ въ 186 кабаковъ 301,320 руб. въ годъ; а на 21 школу населеніе расходуетъ 2,000 р. Слѣдовательно, каждый житель, считая тутъ и младенцевъ, истрачиваетъ въ годъ на водку 4 р. 80 коп., а на школы — три копѣйки съ небольшимъ. Еслибы пристрастіе къ вину жителей Алексинскаго уѣзда сократилось только на половину, то по крайней мѣрѣ 150,000 руб. могли бы они сберечь для прочихъ нуждъ своихъ, и не два десятка, а цѣлыя сотни прекрасныхъ школъ можно было бы открыть на эти деньги. Въ рѣчи своей предсѣдатель алексинскаго училищнаго совѣта высказалъ, впрочемъ, твердую увѣренность, что рано или поздно школа должна сокрушить кабакъ, потому что школа даетъ крестьянину возможность съ большею пользою употребить свое время и открываетъ ему интересъ болѣе сильный, нежели одурѣніе отъ спиртныхъ напитковъ. И даже теперь уже школы, при небольшомъ своемъ числѣ, положили начало этой побѣдоносной борьбѣ. Уже теперь крестьяне рассказываютъ, какъ малолѣтнія дѣти, возвращаясь изъ школы,

сообщаютъ семьѣ до тѣхъ поръ почти невѣдомыя ей религіозныя истины, какъ вся семья слушаетъ книгу, занесенную изъ школы десятилѣтнимъ ученикомъ или ученицею. Именно дѣти ученики являются ходатаями въ пользу распространенія по деревнямъ книгъ, такъ что на примѣръ въ Алексинскимъ уѣздѣ изъ недавно заведенныхъ книжныхъ складовъ въ теченіи какого нибудь полугода продано болѣе чѣмъ на 100 рублей всякаго рода недорогихъ книгъ. И вообще на рѣчи предсѣдателя алексинскаго училищнаго совѣта мы останавливаемся съ особеннымъ удовольствіемъ, потому что въ ней съ простотою, ясностью, но также и съ вѣрою въ торжество добра изложены главнѣйшія препятствія къ развитію у насъ народныхъ школъ. На примѣръ, здѣсь говорится, что лучшіе учителя бѣгутъ изъ народныхъ школъ, гдѣ для нихъ нѣтъ ни сколько нибудь достаточнаго жалованья, ни хотя бы сноснаго помѣщенія. Эта потеря лучшихъ преподавателей, замѣченная повсюду, конечно, должна обратить на себя серьезное вниманіе земства. Видимо, для того, чтобы связать учителей съ школами надо, какъ говоритъ алексинскій предсѣдатель, окружить ихъ тѣми удобствами, тѣмъ далеко не прихотливымъ комфортомъ, который необходимъ для бодрого хода ихъ жизни и занятій. Надо заботиться также

о свѣтлыхъ и просторныхъ школахъ, чтобы не приходилось, какъ напимѣрь случается въ Алексинскомъ уѣздѣ, одной части учениковъ выходить на улицу, чтобы другой дать мѣсто для чистописанія. Земство, если само не можетъ строить школь, то обязано по крайности придти на помощь тѣмъ сельскимъ обществамъ, которыя рѣшились бы на крупныя затраты при постройкѣ школьныхъ зданій. Алексинскій предсѣдатель считаетъ необходимымъ въ такихъ случаяхъ или принимать на счетъ земства всю внутреннюю отдѣлку такихъ школь, или же отпускать пособія на постройку рублей по 100–150. Но всего любопытнѣе бюджетъ пособія, которое испрашиваетъ онъ у земства на школы, въ размѣрѣ всего 1,750 рублей на 21 школу. Въ томъ числѣ полагается:

на награды учителямъ . . .	по 24 р.
„ученическія библіотеки . . .	2 „ 40 к.
„раздачу книгъ ученикамъ	3 „ 25 „
„раздачу книгъ лучшимъ ученикамъ на экзаменахъ	4 „ 75 „
„учебники и учебныя пособія	14 „ 75 „

Кромѣ того, на вспомошествованіе при постройкѣ школь и

внутреннее ихъ устрой-
ство не менѣе. „ 400 „ — „
на двѣ библіотеки для учител. „ 80 „ — „
„мелочи и непредвидимые
расходы. „ 100 „ — „

Изъ этого бюджета, который мы съ намѣреніемъ воспроизводимъ здѣсь, видно, что при добромъ желаніи можно дѣлать дѣло и съ самыми малыми средствами и что жалоба на безденежье, сдѣлавшаяся классическимъ общимъ мѣстомъ нашего земства, не всегда имѣетъ въ себѣ только одинъ смыслъ. Напримѣръ, въ данномъ случаѣ, какъ ни мала сумма испрашиваемаго пособія, а предсѣдателю училищнаго совѣта пришлось еще зубами растягивать свой расчетъ, чтобы окончательно раскошелить земство. Онъ расчелъ, что всего требуется взять лишь по $\frac{3}{4}$ коп. съ десятины, что необходимо эти $\frac{3}{4}$ считать долею не послѣдней, а первой копѣйки всѣхъ земскихъ сборовъ, что нелѣпо откладывать собственныя заботы о народномъ образованіи до какаго-то таинственнаго и никому неизвѣстнаго срока обогащенія и процвѣтанія нашей земли, — наконецъ пришлось даже разбирать возраженіе: „справедливо ли, чтобы сословіе высшее, которое, естественно, не будетъ пользоваться

народными школами, несло также всю тяготу ихъ содержанія, тогда какъ то сословіе, которое по преимуществу въ этихъ школахъ нуждается, тратитъ ежегодно сотни тысячъ на удовлетвореніе грубо-чувственныхъ побужденій". Ужели еще до сихъ поръ у насъ въ земствѣ говорятъ о сословіяхъ для уклоненія отъ обязанностей, сопряженныхъ съ развитіемъ общественнаго благосостоянія и прямо направленныхъ къ тому, чтобы не бросались бесполезно и безнравственно милліоны народнаго добра и не гибли духовныя и тѣлесныя силы русскаго крестьянства?

Любопытно совпаденіе мыслей. Г. Аксаковъ, предсѣдатель алексинскаго училищнаго совѣта, бьетъ на то, что школа среди крестьянъ невидимо созидаетъ извѣстное общественное мнѣніе — чрезъ cadaго ребенка, прошедшаго ученье, чрезъ каждую книгу, проникшую въ семью. Когда въ общественномъ мнѣніи крестьянъ пьянство станетъ дѣломъ столь же позорнымъ, какъ въ образованномъ обществѣ взяточничество, тогда дѣло школы можно считать упроченнымъ, и здѣсь школа же сама и является творительницей общественнаго мнѣнія. Священникъ Казанскій въ „Саратовскихъ Епарх. Вѣд.“ также указываетъ на это отсутствіе въ средѣ крестьянъ общественнаго неодобренія пьянства, какъ на обстоятельство, еще болѣе

разнуздывающее народную падкость къ вину. На языкѣ автора это называется „неорганизовавшимся еще хорошо самоуправленіемъ крестьянъ“, и состоитъ въ томъ, что „крестьянское самоуправленіе, выражающееся въ лучшихъ, какъ надобно полагать, представителяхъ общества, не только не караетъ общественнымъ мнѣніемъ недостатки лица, приносящіе ущербъ его собственному карману, но даже проступки, соединенные со вредомъ для другаго, очищаетъ на своемъ судѣ попойкою съ виновнаго всему обществу? Гдѣ-же, спрашиваетъ, тутъ общественное мнѣніе и совѣсть?“ Кажется, послѣ такого энергическаго вопроса должна бы слѣдовать рѣчь о томъ кѣкъ развить общественное мнѣніе и общественную совѣсть; но авторъ толки свои о „болѣзни народа“ сводитъ къ другому вопросу: „возможно ли послѣ этого духовенству сообразно высокоподнявшейся дороговизнѣ на всѣ жизненные предметы, поднять плату за разныя требоисправленія съ такого спивающагося народа?“ и склоненъ отвѣтить, что невозможно, потому что мужикъ безъ всякаго стѣсненія отговаривается священнику своимъ пьянствомъ и за молебень болѣе 3–5 копѣекъ платитъ не въ состояніи. „Но если, (продолжаетъ авторъ) кто какимъ либо образомъ и добьется малаго

возвышенія платы, то ужъ никакъ не избѣгнетъ всевозможнаго злобнаго нареканія и жалобъ; о любви къ своему пастырю, стало быть, и рѣчи быть не можетъ". Въ концѣ концовъ авторъ убѣжденъ, что въ рукахъ духовенства остается всего одно средство для уменьшенія пьянства — убѣждать крестьянъ къ составленію общественныхъ приговоровъ противъ злоупотребляющихъ водкою. Другими словами, священникъ хочетъ достигнуть, чтобы крестьяне со всякаго, кто покажется на улицѣ пьянымъ, брали, въ пользу бѣдныхъ, извѣстный штрафъ.

А мы, признаемся, ожидали другой еще мѣры отъ священника. Мы думали, что какъ школа внутри себя самой имѣетъ извѣстную силу для борьбы съ народными недостатками чрезъ воспитаніе и грамотность, такъ и служеніе священника вооружаетъ его нравственными средствами для дѣйствования противъ пороковъ и заблужденій паствы. Вовсе не дѣло православнаго священника подговаривать крестьянъ къ наложенію штрафовъ на пьяницъ, и мы, признаемся, всегда съ недовѣріемъ относимся къ такимъ общественнымъ приговорамъ, предметомъ которыхъ дѣлается нравственное поведеніе крестьянъ. Съ нами, повидимому, соглашается и духовное начальство тамбовской епархіи. На вопросъ одного изъ

приходскихъ священниковъ: какія мѣры можетъ употреблять приходское попечительство къ исправленію нравственности прихожанъ и можетъ ли приходскій священникъ являться на мірской сходъ въ качествѣ пастыря, для нравственнаго вліянія, начальство тамбовской епархіи отвѣчало, что по закону кругъ дѣятельности приходскихъ попечительствъ состоитъ: въ исправленіи нуждъ храма, въ изысканіи средствъ содержанія причту, учрежденіи школъ, больницъ, богадѣленъ и другихъ благотворительныхъ заведеній, въ оказаніи бѣднымъ помощи при жизни и при смерти и содержаніи въ порядкѣ кладбищъ. Заботу же объ исправленіи народной нравственности правительство на церковно-приходскія попечительства не возлагаетъ, а потому тамбовское епархіальное начальство считаетъ совершенно излишнимъ входить въ разсужденіе, какія мѣры можетъ употреблять приходское попечительство къ исправленію народной нравственности: мѣры убѣжденія или мѣры наказанія? Объ участіи же священника въ мірскомъ сходѣ начальство епархіи замѣчаетъ, что гражданскими законами это не требуется, а законы духовные опредѣляютъ даже наказаніе за вмѣшательство священно-церковнослужителей въ мірскія дѣла. Устраненіе же злоупотребленій на сходахъ и направленіе общественнаго голоса

въ хорошую сторону лежитъ непосредственно на обязанности тѣхъ лицъ, которымъ законъ далъ право распоряжаться дѣйствіями схода — на сельскихъ старостахъ и мировыхъ посредникахъ. Что же касается того, какъ приходскому священнику исполнять апостольскую заповѣдь: „настой благовременно и безвременно“, при отнятіи у него права участія въ мірскихъ сходахъ, то за рѣшеньемъ недоумѣній по этому вопросу тамбовская консисторія предлагаетъ приходскому священнику обратиться къ толкованію этой апостольской заповѣди святыми отцами. Ужъ конечно, при такомъ взглядѣ, начальство тамбовской епархіи не согласилось бы съ приведеннымъ выше мнѣніемъ о томъ, что священникъ для дѣйствія противъ пьянства имѣетъ въ рукахъ своихъ единственное средство — общественные приговоры и штрафы.

Не напрасно же казанскій протоіерей Адорацкій („Изв. Каз. Епар.“ № 22) задаетъ вопросъ: кто, смотря на русскій народъ, непросвѣщенный, безграмотный, не имѣющій яснаго, отчетливаго понятія почти (почти?!) ни объ одной спасительной истинѣ вѣры и благочестія, не скажетъ, что жатвы много, а дѣлателей опытныхъ и неутомимыхъ мало? Примѣняя же это къ священникамъ, онъ продолжаетъ: „Мы спимъ, и все какъ-то мало и

глубоко заботливы, а врагъ сѣть. Мы и не замѣчаемъ его дѣйствій, доколѣ не покажутся плевелы, уже укоренившіеся и выросшіе, такъ что ихъ уже трудно бываетъ вырывать"... Слѣдовательно, вотъ въ чемъ дѣло и кромѣ общественныхъ приговоровъ и штрафовъ сколько средствъ у священника чисто священническихъ! Если почти ни одной истины вѣры и благочестія народъ отчетливо не понимаетъ, то надобно же ихъ разъяснять ему. И дѣйствительно, точно въ подтвержденіе нашей мысли, съ разныхъ сторонъ раздаются изъ самого же духовенства голоса о томъ, чѣмъ проявляется современное проповѣдничество духовенства. (См. „Тульск. Епарх. Вѣд.“ № 24, „Сарат.“ № 23, „Пензенск.“ № 21). Оказывается, что когда пастырю слѣдовало бы звать всѣхъ въ храмъ Божій для молитвы, онъ иногда самъ, иногда чрезъ посланнаго, созываетъ всѣхъ на работу для помочей. Какъ же послѣ этого проповѣдывать? Сказать ли: „не пейте, будьте трезвы“; но самъ же напиваетъ ихъ до пьяна. Сказать ли: „почитайте праздники“; но самому же первому приходится молчать и дожидаться болѣе благопріятнаго времени. А Богъ знаетъ, наступитъ ли когда нибудь это благопріятное время, если священнику вѣчно приходится бороться съ прихожанами за хлѣбъ насущный. Если же иной

священникъ и соберется написать цѣлый рядъ катехизическихъ поученій, — то почти уже долженъ потерять надежду получить ихъ отъ цензора обратно". По большей части, говорить одинъ изъ честныхъ отцовъ, поученія совершенно исчезаютъ — отъ всеистребляющаго ли огня, (какъ одинъ цензоръ не однажды заявлялъ объ этомъ печатно, хотя все прочее въ его домѣ было цѣло), или отъ человѣческихъ рукъ, или отъ чего либо другаго, но только исчезаютъ и никогда не возвращаются авторамъ". За подробностями о томъ, чего стоитъ священнику сказать проповѣдь, отсылаемъ любопытствующихъ къ вышеуказаннымъ статьямъ; сами же здѣсь поставимъ вопросъ: какими однако мѣрами это можетъ быть устранено, тѣмъ болѣе, что учительство даже по книгѣ „о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ" поставлено первою должностію священника, и невозможно, сказано въ ней, „чтобы ученіе не было предъ тайнодѣйствіями первѣйшимъ". Ужъ, конечно, не посредствомъ улучшенія цензуры можетъ быть возвышено церковное проповѣдничество, хотя одинъ почтенный саратовскій священникъ и увѣряетъ, что слѣдуетъ только вмѣнить цензорамъ ихъ цензорство „не въ одну номинальность лишь для формуляра, а въ непремѣнную обязанность, достойное

прохождение которой может—дескать принести несомнѣнную пользу въ общемъ дѣлѣ пастырскаго учительства" (вотъ до чего уже дошло, что цензура считается благодѣтельницаю церкви!). Другой же священникъ для оживленія и усиленія церковной проповѣди полагаетъ необходимымъ, чтобы улучшены были средства содержанія духовенства, или по крайней мѣрѣ способъ ихъ полученія, — чтобы въ каждомъ приходѣ заведены были дома, вполне удобные для житья. Кромѣ этого, онъ же полагаетъ необходимымъ, чтобы въ нашихъ семинаріяхъ болѣе обращали вниманія на практическую сторону проповѣди, — чтобы въ каждомъ благочинническомъ округѣ была заведена обязательно хорошая библіотека богословской и проповѣднической литературы и, кромѣ всего остальнаго, чтобы говореніе проповѣдей, хотя бы по печатнымъ книгамъ, сдѣлать безъ всякихъ отговорокъ обязательнымъ въ каждый воскресный и праздничный день; а нерадѣющихъ объ этой обязанности — сначала штрафовать деньгами, а потомъ увольнять за штатъ. Какія изъ этихъ мѣръ и какое имѣютъ значеніе, намъ придется, вѣроятно, еще не разъ говорить, но замѣтимъ, что далѣе идти, кажется, уже некуда. Вы, въ качествѣ пастыря, готовы предложить штрафъ съ пьянаго крестьянина; а вотъ является

другой пастырь и говорить: крестьянинъ пьетъ не потому ли, что вы не хотите учить его быть трезвымъ, а за это я предлагаю брать штрафъ съ васъ самихъ. Цензурою возвышать проповѣдь, штрафами располагать къ проповѣди — вотъ наше время!..

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ.

IV.

Нѣчто личное.

Меня нѣсколько разъ вызывали написать мои литературныя воспоминанія. Не знаю напишу—ли, да и память слаба. Да и грустно вспоминать; я вообще не люблю вспоминать. Но нѣкоторые эпизоды моего литературнаго поприща мнѣ по неволѣ представляются съ чрезвычайною отчетливостью, не смотря на слабую память. Вотъ, на примѣръ, одинъ анекдотъ:

Разъ весной по утру я зашелъ къ покойному Егору Петровичу Ковалевскому. Ему очень нравился мой романъ „Преступленіе и Наказаніе“, появившійся тогда въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Онъ съ жаромъ хвалилъ его и передалъ мнѣ одинъ драгоцѣнный для меня отзывъ одного лица, имени котораго не могу выставить. Тѣмъ временемъ въ комнату вошли

одинъ за другимъ два издателя двухъ журналовъ. Одинъ изъ этихъ журналовъ пріобрѣлъ въ послѣдствіи небывалое доселѣ ни у одного изъ нашихъ ежемѣсячныхъ изданій число подписчиковъ, но тогда только лишь начинался. Другой, напротивъ, уже оканчивалъ замѣчательное и вліятельное на литературу и публику существованіе свое; но тогда въ то утро его издатель еще не зналъ, что изданіе его уже такъ близко къ своему берегу. Вотъ съ этимъ—то издателемъ мы вышли въ другую комнату и остались наединѣ.

Не называя его имени, скажу лишь, что первая встрѣча моя съ нимъ въ жизни была чрезвычайно горячая, изъ необыкновенныхъ, для меня вѣчно памятная. Можетъ помнить и онъ. Тогда еще онъ не былъ издателемъ. Потомъ произошли многія недоразумѣнія. По возвращеніи моемъ изъ Сибири мы очень рѣдко встрѣчались, но разъ мелькомъ онъ сказалъ мнѣ чрезвычайно теплое слово и по одному поводу указалъ на одни стихи, — лучше что онъ написалъ когда-либо. Прибавлю, что видомъ и обычаемъ никто менѣе его не походилъ на поэта, да еще изъ „страдающихъ“. А между тѣмъ, онъ одинъ изъ самыхъ страстныхъ, мрачныхъ и „страдающихъ“ нашихъ поэтовъ.

— Ну, вотъ мы васъ обругали, сказалъ онъ мнѣ (т. е. въ его журналѣ за „Преступленіе и Наказаніе“).

— Знаю, сказалъ я.

— А знаете почему?

— По принципу, должно быть.

— За Чернышевскаго.

Я остолбенѣлъ отъ удивленія:

— NN., который написалъ критическую статью, продолжалъ издатель, сказалъ мнѣ такъ: „Романъ его хорошъ, но такъ какъ онъ въ своей повѣсти два года назадъ, не постыдился надругаться надъ несчастнымъ ссыльнымъ и окарикатурить его, то я его романъ обругаю“.

— Такъ это все таже глупая сплетня о „Крокодилѣ“? вскричалъ я сообразивъ. Да неужто и вы вѣрите? Читали вы эту мою повѣсть сами, „Крокодила“?

— Нѣтъ, не читалъ.

— Да вѣдь все это сплетня, самая пошлѣйшая сплетня, какая только можетъ случиться. Вѣдь нужно имѣть умъ и поэтическое чутье Булгарина, чтобы въ этой бездѣлкѣ, повѣсти для смѣху, прочитатъ между строкъ такую „гражданскую“ аллегорію, да еще на Чернышевскаго! Еслибъ вы знали какъ глупа такая натяжка! Никогда, впрочемъ, не прощу себѣ, что два года назадъ не

протестовалъ противъ этой подлой клеветы, когда только что ее выпустили!

Этотъ разговоръ мой съ издателемъ уже давно угаснувшего теперь журнала, происходилъ лѣтъ семь тому назадъ и вотъ я до сихъ поръ еще не протестовалъ противъ „клеветы“ — то пренебрегалъ, то „не было времени“. Между тѣмъ эта низость, мнѣ приписываемая, такъ и осталась въ воспоминаніяхъ иныхъ особъ несомнѣннымъ фактомъ, имѣла ходъ въ литературныхъ кружкахъ, проникла и въ публику и уже не разъ приносила мнѣ непріятности. Пора сказать обо всемъ этомъ хоть одно слово, тѣмъ болѣе, что оно теперь кстати и хотя голословно, но опровергнуть клевету, впрочемъ, тоже въ высшей степени голословную. Долгимъ молчаніемъ моимъ и небрежностью я до сихъ поръ какъ бы подтверждалъ ее.

Съ Николаемъ Гавриловичемъ Чернышевскимъ я встрѣтился въ первый разъ въ пятьдесятъ девятомъ году, въ первый же годъ по возвращеніи моемъ изъ Сибири, не помню гдѣ и какъ. Потомъ иногда встрѣчались, но очень не часто, разговаривали, но очень мало. Всегда, впрочемъ, подавали другъ другу руку. Герценъ мнѣ говорилъ, что Чернышевскій произвелъ на него непріятное впечатлѣніе, т. е. наружностью,

манерою. Мнѣ наружность и манера Чернышевскаго нравились.

Однажды утромъ я нашель у дверей моей квартиры, на ручкѣ замка, одну изъ самыхъ замѣчательныхъ прокламацій, изо всѣхъ которыя тогда появлялись; а появлялось ихъ тогда довольно. Она называлась „Къ молодому поколѣнію“. Ничего нельзя было представить нелѣпѣе и глупѣе. Содержанія возмутительнаго, въ самой смѣшной формѣ, какую только ихъ злодѣй могъ-бы имъ выдумать, чтобы ихъ же зарѣзать. Мнѣ ужасно стало досадно и было грустно весь день. Все это было тогда еще вновѣ и до того вблизи, что даже и въ этихъ людей вполнѣ всмотрѣться было тогда еще трудно. Трудно именно потому, что какъ-то не вѣрилось чтобы подъ всей этой сумятицей скрывался такой пустякъ. Я не про движеніе тогдашнее говорю, въ его цѣломъ, а говорю только про людей. Что до движенія, то это было тяжелое, болѣзненное, но роковое своею историческою послѣдовательностію явленіе, которое будетъ имѣть свою серьезную страницу въ петербургскомъ періодѣ нашей исторіи. Да и страница эта кажется еще далеко не дописана.

И вотъ мнѣ, давно уже душой и сердцемъ несогласному ни съ этими людьми, ни со смысломъ ихъ движенія, — мнѣ вдругъ тогда

стало досадно и почти какъ—бы стыдно за ихъ неумѣлость: „зачѣмъ у нихъ это такъ глупо и неумѣло выходитъ?“ И какое мнѣ было до этого дѣло? Но я жалѣлъ не о неудачѣ ихъ. Собственно разбрасывателей прокламацій я не зналъ ни одинаго, не знаю и до сихъ поръ; но тѣмъ—то и грустно было, что явленіе это представлялось мнѣ не единичнымъ, не глупенькою продѣлкой такихъ—то вотъ именно лицъ, до которыхъ нѣтъ дѣла. Тутъ подавлялъ одинъ фактъ: уровень образованія, развитія и хоть какого—нибудь пониманія дѣйствительности, подавлялъ ужасно. Не смотря на то, что я уже три года жилъ въ Петербургѣ и присматривался къ инымъ явленіямъ, —эта прокламація въ то утро какъ бы ошеломила меня, явилась для меня совсѣмъ какъ бы новымъ неожиданнымъ откровеніемъ: никогда до этого дня не предполагалъ я такого ничтожества! Пугала именно степень этого ничтожества. Предъ вечеромъ мнѣ вдругъ вздумалось отправиться къ Чернышевскому. Никогда до тѣхъ поръ ни разу я ни бывалъ у него и не думалъ бывать, равно какъ и онъ у меня.

Я вспоминаю, что это было часовъ въ пять пополудни. Я засталъ Николая Гавриловича совсѣмъ одного, даже изъ прислуги никого дома не было и онъ отворилъ мнѣ самъ. Онъ встрѣтилъ

меня чрезвычайно радушно и привелъ къ себѣ въ кабинетъ.

— Николай Гавриловичъ, что это такое? вынулъ я прокламацію.

Онъ взялъ ее какъ совсѣмъ незнакомую ему вещь и прочелъ. Было всего строкъ десять.

— Ну, что-же? спросилъ онъ съ легкой улыбкой.

— Неужели они такъ глупы и смѣшны? Неужели нельзя остановить ихъ и прекратить эту мерзость?

Онъ чрезвычайно вѣско и внушительно отвѣчалъ:

— Неужели вы предполагаете что я солидаренъ съ ними и думаете что я могъ участвовать въ составленіи этой бумажки?

— Именно не предполагалъ, отвѣчалъ я, и даже считаю не нужнымъ васъ въ томъ увѣрять. Но во всякомъ случаѣ ихъ надо остановить во чтобы ни стало. Ваше слово для нихъ вѣско и ужъ конечно они боятся вашего мнѣнія.

— Я никого изъ нихъ не знаю.

— Увѣренъ и въ этомъ. Но вовсе и не нужно ихъ знать и говорить съ ними лично. Вамъ стоитъ только вслухъ гдѣ нибудь заявить ваше порицаніе и это дойдетъ до нихъ.

— Можетъ и не произвестъ дѣйствія. Да и явленія эти, какъ сторонніе факты, неизбежны.

—И однако всѣмъ и всему вредятъ.

Тутъ позвонилъ другой гость, не помню кто. Я уѣхалъ. Долгомъ считаю замѣтить, что съ Чернышевскимъ я говорилъ искренно и вполнѣ вѣрилъ, какъ вѣрю и теперь, что онъ не былъ „солидаренъ“ съ этими разбрасывателями. Мнѣ показалось, что Николаю Гавриловичу не неприятно было мое посѣщеніе; черезъ нѣсколько дней онъ подтвердилъ это заѣхавъ ко мнѣ самъ. Онъ просидѣлъ у меня съ часъ и признаюсь я рѣдко встрѣчалъ болѣе мягкаго и радушнаго человѣка, такъ что тогда же подивился нѣкоторымъ отзывамъ о его характерѣ, будто—бы жесткомъ и необщительномъ. Мнѣ стало ясно что онъ хочетъ со мною познакомиться и, помню, мнѣ было это пріятно. Потомъ я былъ у него еще разъ и онъ у меня тоже. Вскорѣ по нѣкоторымъ моимъ обстоятельствамъ я переселился въ Москву и прожилъ въ ней мѣсяцевъ девять. Начавшееся знакомство такимъ образомъ прекратилось. За симъ произошелъ арестъ Чернышевскаго и его ссылка. Никогда ничего не могъ я узнать о его дѣлѣ; не знаю и до сихъ поръ.

Года полтора спустя мнѣ вздумалось написать одну фантастическую сказку, въ родѣ подражанія повѣсти Гоголя „Носъ“. Никогда еще не пробовалъ я писать въ фантастическомъ родѣ. Это была чисто литературная шалость,

единственно для смѣху. Представилось дѣйствительно нѣсколько комическихъ положеній, которыя мнѣ захотѣлось развить. Хоть и не стоитъ того, но расскажу сюжетъ чтобы понятно было чтъ потомъ изъ него вывели. Тогда въ Петербургѣ въ Пассажѣ какой-то нѣмецъ показывалъ за деньги крокодила. Одинъ петербургскій чиновникъ, предъ поѣздкой за границу, отправляется съ своей молодой женой и съ неотлучнымъ другомъ своимъ въ Пассажъ и между прочимъ всѣ заходятъ посмотрѣть крокодила. Чиновникъ этотъ, — средняго круга, но изъ тѣхъ которые имѣютъ нѣкоторое независимое состояніе, еще молодой, но заѣденный самолюбіемъ; прежде всего дуракъ какъ и незабвенный маіоръ Ковалевъ, потерявшій свой носъ. Онъ комически увѣренъ въ своихъ великихъ достоинствахъ; полуобразованъ, но считаетъ себя чуть не за генія, почитается въ своемъ департаментѣ за человѣка пустѣйшаго и постоянно обиженъ всеобщимъ къ нему невниманіемъ. Какъ бы въ отместку за это муштруетъ и тиранизируетъ своего безхарактернаго друга, величаясь надъ нимъ своимъ умомъ. Другъ ненавидитъ его, но переноситъ все потому что въ тайнѣ ему нравится его жена. Въ Пассажѣ пока эта дамочка, молоденькая и хорошенькая, чисто

петербургскаго типа, глупенькая кокетка средняго круга, засмотрѣлась на показывавшихся вмѣстѣ съ крокодиломъ обезьянъ, геніальный супругъ ея какъ-то раздражилъ доселѣ соннаго и лежавшаго какъ колода крокодила: тотъ вдругъ разѣваетъ пасть и проглатываетъ его всего цѣликомъ, безъ остатку. Вскорѣ оказывается что великій человѣкъ не потерпѣлъ оттого ни малѣйшаго поврежденія; напротивъ, по свойственному ему упрямству объявилъ изъ крокодила что ему очень хорошо въ немъ сидѣть. Другъ и жена удаляются хлопотать по начальству о его освобожденіи. Для этого представлялось совершенно необходимымъ убить крокодила, взрѣзать его и освободить великаго человѣка; но при томъ, конечно, слѣдовало вознаградить за крокодила нѣмца хозяина и его неразлучную муттеръ. Нѣмецъ сначала въ негодованіи и отчаяніи изъ боязни что его крокодилъ, проглотившій „ганць чиновникъ“, можетъ умереть; но скоро догадывается, что проглоченный членъ петербургской администраціи и оставшійся при томъ въ живыхъ можетъ доставить ему впредь чрезвычайный сборъ во всей Европѣ. Онъ требуетъ за крокодила огромную сумму и сверхъ того чинъ русскаго полковника. Съ другой стороны начальство приходитъ въ немалое затрудненіе,

что слишкомъ ужъ новый по министерству случай и что подобныхъ примѣровъ до сихъ поръ не бывало. „Еслибы намъ хоть какой-нибудь подобный примѣрчикъ прежде, то можно бы дѣйствовать, а то затруднительно". Подозрѣваетъ тоже, что чиновникъ залѣзъ въ крокодила вслѣдствіе какихъ нибудь запрещенныхъ, либеральныхъ тенденцій. Супруга между тѣмъ стала находить что положеніе ея „въ родѣ какъ-бы вдовы" не лишено интереса. Проглоченный супругъ ея между тѣмъ объявляетъ своему другу окончательно, что ему несравненно лучше оставаться въ крокодилѣ чѣмъ на службѣ, ибо теперь онъ уже по неволѣ обратитъ на себя вниманіе чего никогда прежде не могъ добиться. Онъ настаиваетъ, чтобы жена его завела вечера, и чтобы на эти вечера его приносили вмѣстѣ съ крокодиломъ въ ящикѣ. Онъ увѣренъ, что на вечера эти бросится весь Петербургъ и всѣ государственные сановники — смотрѣть новый феномень. Тутъ-то онъ и намѣренъ выиграть: „Буду изрекать правду и учить; государственному мужу подамъ совѣтъ, предъ министромъ выкажу способности", говоритъ онъ, считая себя какъ бы уже не отъ міра сего и уже вправѣ давать совѣты и изрекать приговоры. На осторожный, но ядовитый вопросъ друга: „А ну, какъ если онъ неожиданнымъ какимъ нибудь

процессомъ, котораго, впрочемъ, слѣдуетъ ожидать, переварится во чтонибудь такое, чего не ожидаетъ" — великій человекъ отвѣчаетъ, что уже думалъ объ этомъ; но съ негодованіемъ будетъ сопротивляться этому весьма возможному по законамъ природы явленію. Супруга, однако же, не соглашается давать вечера съ такою цѣлью, хотя ей и нравится мысль о нихъ: „Какъ же это моего мужа будутъ приносить ко мнѣ въ ящикъ?" говоритъ она. Къ тому же и положеніе какъ бы вдовы ей все болѣе и болѣе нравится. Она входитъ во вкусъ; въ ней берутъ участіе. Къ ней ѣздитъ начальникъ ея мужа и играетъ съ ней въ свои козыри... Вотъ первая часть этого шутовскаго разсказа — онъ не доконченъ. Когданибудь непременно докончу, хоть я уже и забылъ о немъ и теперь долженъ былъ перечитать, чтобы припомнить.

Вотъ что, однако же, сдѣлали изъ этой маленькой вещицы. Едва только разсказъ появился въ журналъ „Эпоха" (въ 1865 г.), какъ вдругъ „Голосъ", въ фельетонѣ, сдѣлалъ странную замѣтку. Не помню буквально, да и слишкомъ далеко справляться, но смыслъ былъ въ родѣ того: „Напрасно, дескать, авторъ „Крокодила" вступаетъ на такой путь; это не принесетъ ему ни чести, ни ожидаемой выгоды" и пр. и пр. Затѣмъ, нѣсколько самыхъ туманныхъ и

непріязненныхъ колкостей. Я прочель мелькомъ, ничего не поняль, видѣль только, что много яду, но не зналь за чтль. Этотъ туманный фельетонный отзывъ, самъ по себѣ, разумѣется, не могъ повредить мнѣ; изъ читателей все равно никто бы его не поняль, также какъ и я; но вдругъ недѣлю спустя, Н. Н. С. сказалъ мнѣ: „Знаете, что тамъ думаютъ? Тамъ увѣрены, что вашъ „Крокодилъ" — аллегорія, исторія ссылки Чернышевскаго, и что вы хотѣли выставить и осмѣять Чернышевскаго". Я хоть и удивился, но не очень обезпокоился; мало ли какихъ не бываетъ догадокъ? Мнѣніе это показалось мнѣ слишкомъ единичнымъ и натянутымъ, чтобы оно возымѣло ходъ и я почель совершенно не нужнымъ протестовать. Никогда не прощу себѣ этого, ибо мнѣніе укрѣпилось и возымѣло ходъ. *Calomniez, il en restera toujours quelque chose.*

Я, впрочемъ, убѣжденъ и теперь, что тутъ вовсе и не было клеветы, — да и за что, для чего? Я почти ни съ кѣмъ въ литературѣ не поссорился, по крайней мѣрѣ очень не ссорился. Теперь, въ эту минуту, я всего во второй разъ, въ двадцать семь лѣтъ моей литературной дѣятельности, говорю о себѣ лично. Просто тутъ была тупость, угрюмая, мнительная тупость, засѣвшая въ какую нибудь голову „съ направлениемъ". Я убѣжденъ, что эта многодумная голова совершенно увѣрена

до сихъ поръ, что не ошиблась и что я непременно глумился надъ несчастнымъ Чернышевскимъ. Убѣжденъ даже, что никакими объясненіями и извиненіями не измѣню взгляда ея въ свою пользу даже и теперь. Но вѣдь за то она и многодумная голова. (Я, разумѣется, не объ Андреѣ Александровичѣ говорю; въ качествѣ редактора и издателя своей газеты, онъ тутъ какъ и всегда въ сторонѣ).

Въ чемъ же аллегорія? Ну, конечно — крокодилъ изображаетъ собою Сибирь; самонадѣянный и легкомысленный чиновникъ — Чернышевскаго. Онъ попалъ въ крокодила и все еще питаетъ надежду поучать весь міръ. Безхарактерный другъ его, котораго онъ деспотируетъ — это все здѣшніе друзья Чернышевскаго. Хорошенькая, но глупенькая жена чиновника, радующаяся своему положенію „какъ бы вдовы“ — это... Но тутъ уже такъ грязно, что я не хочу мараться и продолжать разъясненіе аллегоріи. (А между тѣмъ вѣдь она укрѣпилась и именно можетъ-быть послѣдній то намекъ и укрѣпился; я имѣю несомнѣнныя доказательства).

Значить предположили, что я, самъ бывший ссыльный и каторжный, обрадовался ссылкѣ другаго „несчастливаго“; мало того — написалъ на этотъ случай радостный пашквиль. Но гдѣ же

тому доказательства; въ аллегоріи? Но принесите мнѣ что хотите: „Записки сумасшедшаго“, оду „Богъ“, „Юрія Милославскаго“, стихи Фета — что хотите — и я берусь вамъ вывести тотчасъ же изъ первыхъ десяти строкъ вами указанныхъ, что тутъ именно аллегорія о франко-прусской войнѣ или пашквиль на актера Горбунова, однимъ словомъ на кого угодно, на кого прикажете. Вспомните какъ въ старину, въ самомъ концѣ сороковыхъ годовъ напримѣръ, цензора разсматривали рукописи и транспаранты: не было строчки, не было точки, въ которыхъ бы не подозрѣвалось чего-нибудь, какойнибудь аллегоріи. Пусть лучше представляютъ хоть что-нибудь изъ всей моей жизни для доказательства, что я похожъ на злаго, безсердечнаго пашквильянта, и что отъ меня можно ожидать такихъ аллегорій.

Именно поспѣшность и торопливость подобныхъ бездоказательныхъ выводовъ и свидѣтельствуеть, напротивъ, о нѣкоторой низменности духа самихъ обвинителей, о грубости и негуманности взгляда ихъ. Тутъ даже самое простодушіе догадки не извинительно; чтожъ? Можно быть и простодушно изменнымъ, и только.

Можетъ быть я ненавиждѣль Чернышевскаго лично? Чтобы предупредить это обвиненіе я

нарочно разскажалъ выше о нашемъ краткомъ и радушномъ знакомствѣ. Скажутъ, — этого мало и что я питалъ затаенную ненависть. Но пусть же выставляютъ и предлоги къ этой ненависти, если имѣютъ что выставить. Ихъ не было. Съ другой стороны я убѣжденъ, что самъ Чернышевскій подтвердитъ точность моего разсказа о нашей встрѣчѣ, если когда нибудь прочтетъ его. И дай Богъ чтобы онъ получилъ возможность это сдѣлать. Я также тепло и горячо желаю того какъ искренно сожалѣлъ и сожалѣю о его несчастіи.

Но ненависть изъ за убѣжденій быть можетъ?

Почему же? Чернышевскій никогда не обижалъ меня своими убѣжденіями. Можно очень уважать человѣка, расходясь съ нимъ въ мнѣніяхъ радикально. Тутъ, впрочемъ, я могу говорить не совсѣмъ голословно и имѣю даже маленькое доказательство. Въ одномъ изъ самыхъ послѣднихъ №№ прекратившагося въ то время журнала „Эпоха“ (чуть ли не въ самомъ послѣднемъ) была помѣщена большая критическая статья о „знаменитомъ“ романѣ Чернышевскаго „Кто виноватъ“. Эта статья замѣчательная и принадлежитъ извѣстному перу. И чтоже? Въ ней именно отдается все должное уму и таланту Чернышевскаго. Собственно объ романѣ его было даже очень горячо сказано. Въ замѣчательномъ же умѣ его никто и никогда не

сомнѣвался. Сказано было только въ статьѣ нашей объ особенностяхъ и уклоненіяхъ этого ума, но уже самая серьезность статьи свидѣтельствовала и о надлежащемъ уваженіи нашего критика къ достоинствамъ разбираемаго имъ автора. Теперь согласитесь: если бы была во мнѣ ненависть изъ за убѣжденій, я-бы, конечно, не допустилъ въ журналѣ статьи, въ которой говорилось о Чернышевскомъ съ надлежащимъ уваженіемъ; на самомъ дѣлѣ вѣдь я былъ редакторомъ „Эпохи“, а не кто другой.

Можетъ быть я, печатаая ядовитую аллегорію, надѣялся выиграть гдѣ нибудь *en haut lieu*? Но когда и кто можетъ сказать про меня что я заигрывалъ или выигрывалъ въ этомъ смыслѣ въ какомъ-нибудь *lieu* т. е. продавалъ свое перо. Я думаю даже что самъ авторъ догадки не имѣлъ такой мысли не смотря на все свое простодушіе. Да и не укрѣпилась бы она ни за что въ литературномъ мірѣ, если бы только въ этомъ состояло обвиненіе.

Что же касается до возможности обвиненія въ пашквильной аллегоріи на счетъ иныхъ какихъ нибудь домашнихъ обстоятельствъ Николая Гавриловича, то опять таки повторяю что не хочу даже и прикасаться съ этой точки къ моему „оправданію“ чтобы не вымараться...

Мнѣ очень досадно что на этотъ разъ я заговорилъ о себѣ. Вотъ что значить писать литературныя воспоминанія; никогда не напишу ихъ. Весьма сожалею что несомнѣнно надоѣлъ читателю; но я пишу дневникъ, дневникъ отчасти личныхъ моихъ впечатлѣній, а какъ разъ недавно я вынесъ одно „литературное" впечатлѣніе, косвенно вдругъ напомнившее мнѣ и этотъ забытый анекдотъ о забытомъ моемъ „Крокодилѣ".

На дняхъ одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ мною людей, мнѣніемъ котораго я высоко дорожу, сказалъ мнѣ:

Я только что прочелъ статью вашу о „Средѣ" и о приговорахъ нашихъ присяжныхъ („Гражданинъ" № 2). Я съ вами совершенно согласенъ, но статья ваша можетъ произвести неприятное недоумѣніе. Подумають что вы за отмѣну суда присяжныхъ и за новое вмѣшательство административной опеки...

Я былъ горестно изумленъ. Это былъ голосъ человека въ высшей степени безпристрастнаго и стоящаго внѣ всякихъ литературныхъ партій и „аллегорій".

— Неужели такъ можно истолковать мою статью! Послѣ этого ни объ чемъ нельзя говорить. Экономическое и нравственное состояніе народа по освобожденіи отъ

крѣпостнаго ига — ужасно. Несомнѣнные и въ высшей степени тревожные факты о томъ свидѣтельствуяютъ поминутно. Паденіе нравственности, дешовка, жида-кабатчики, воровство и дневной разбой — все это несомнѣнные факты и все растеть, растеть. Ну чтожь? Если кто нибудь, тревожась духомъ и сердцемъ, возьметъ перо и напишетъ, — что же, неужели закричать что онъ крѣпостникъ и стоять за обратное закрѣпощеніе крестьянъ?

— Во всякомъ случаѣ надо желать чтобы народъ имѣлъ полную свободу самъ выйти изъ грустнаго своего положенія, безо всякой опеки и поворотовъ назадъ.

Да не премѣнно же такъ, и это именно моя мысль! И еслибы даже отъ упадка народнаго (сами же они, оглядываясь иногда на себя, говорятъ теперь по мѣстамъ: „Ослабѣли, ослабѣли!“) — еслибы даже, говорю я, произошло какое нибудь уже настоящее, несомнѣнное несчастіе народное, какое нибудь огромное паденіе, большая бѣда — то и тутъ народъ спасетъ себя самъ, себя и насъ, какъ уже неоднократно бывало съ нимъ, о чемъ свидѣтельствуеть вся его исторія. Вотъ моя мысль. Именно — довольно вмѣшательствъ!.. Но какъ однакоже могутъ быть поняты и

перетолкованы слова. Пожалуй и еще натолкнешься на аллегорію!

Ө. Достоевскій.

НАСЛѢДСТВО ВЪ ПОЛТОРАСТА РУБЛЕЙ.

Мѣстная картинка.

Я постоянно живу въ деревнѣ, въ одномъ изъ уѣздовъ С-ской губерніи и никогда не занимаюсь ходатайствомъ по чужимъ дѣламъ; но было одно дѣло малолѣтняго крестьянина сосѣдней деревни, которое я, по довѣренности родственниковъ малолѣтняго, велъ съ начала до конца. Передамъ нѣкоторыя замѣченныя мною характеристическія черты изъ быта крестьянъ и отношенія ихъ къ суду и адвокатами. Очеркъ этотъ не вымыселъ: все это вѣрно записано съ природы.

Истцами въ этомъ дѣлѣ были крестьяне сосѣдней деревни Крутой Горки, молодая вдова Марья Семенова и ея отецъ Семень, 50-тилѣтній старикъ; они просили взыскать съ ододеревенца ихъ богатаго крестьянина Михея Рѣдкова и его племянника Ивана Рѣдкова 150 рублей, за захваченный ими неправильно хлѣбъ, принадлежавшій умершему мужу Семеновой и, по наслѣдству, малолѣтнему ея сыну. Дѣло это

мировымъ судьей рѣшено было въ пользу Рѣдкова; я перенесъ дѣло на мировой съѣздъ.

Понятно, что мои кліенты ждали не дождались окончанія дѣла, да иначе и не могло быть: эти 150 руб. были все состояніе Марьи Семеновой и ея малолѣтняго сына; но какъ нарочно дѣло затянулось; первый мировой съѣздъ не состоялся, потомъ подоспѣли выборы новыхъ судей и дѣло съ апрѣля затянулось до августа.

Въ теченіи этого времени старикъ Семень, робкій изъ робкихъ крестьянъ, каждую недѣлю заходилъ ко мнѣ; въ церковь ли пойдетъ къ обѣдни, работаетъ ли въ полѣ по близости — непременно зайдетъ. Зайдетъ бывало на дворъ и сидитъ тамъ, никого не беспокоя, поджидаетъ когда я выйду и все это время держать свою шляпу въ рукахъ, отъ чего я никакъ не могъ его отучить. Выйду я, онъ тихонько подойдетъ ко мнѣ и начнетъ спрашивать объ дѣлѣ.

—А я все объ дѣльцѣ то, что ничего не слышать? былъ постоянно его вопросъ.

—Погоди, дядя, отвѣчалъ я, вотъ придетъ повѣстка, тогда и поѣдемъ.

—То-то, то-то, мы съ дѣвкой совсѣмъ затужились. (Крестьянскіе старики имѣютъ привычку называть своихъ дочерей дѣвками, хотя бы онѣ были давно уже замужемъ).

—Да зачѣмъ вы очень тужите?

— Какъ же, отецъ родной, все сумнительно: дѣльце то больно затянулось. Рѣдковъ то аблаката нанялъ, даль ему тридцать цѣлковыхъ, говорить: тысячи не пожалѣю, а ей, моей то дѣвкѣ, ни гроша не дамъ, въ острогъ, говорятъ, упеку, да еще за ербовую бумагу взыму.

— Кто же у Рѣдкова адвокатъ? спросилъ я, заинтересованный тѣмъ съ кѣмъ я буду имѣть дѣло на съѣздѣ.

— А вотъ что сидѣльцомъ то у насъ былъ, Егоръ Трифонычъ; грамотѣй, неча и говорить. Онъ намнясь три дня въ городу жилъ, говорятъ все исхлопоталъ. Рѣдковы то ему купили новый полушубокъ да возъ муки отвезли.

Я хорошо зналъ Трифоныча, бывшаго сидѣльца изъ деревни Крутой Горки, и невольно улыбнулся: вспомнилось мнѣ, что какъ то разъ, услыхавъ о его большой грамотности, я предложилъ ему переписать нѣсколько бумагъ; но долженъ былъ тотчасъ же ему отказать, убѣдившись что онъ не можетъ написать двухъ словъ правильно; и этотъ человекъ — адвокатъ, берущій за веденіе дѣла въ 150 руб. по 50 руб., включая 30-рублевый полушубокъ и возъ муки, т. е., 33 проц., какого процента не получаютъ иногда въ столицахъ лучшіе адвокаты. Часто вмѣстѣ съ отцемъ заходила и Марья, всегда

скучная и убитая горемъ; ея слова были повтореніемъ словъ ея отца.

Въ началѣ августа, въ воскресенье, ко мнѣ по обыкновенію пришелъ Семень и на этотъ разъ торопясь вытащилъ изъ за пазухи бумагу: это была повѣстка о вызовѣ на мировой съѣздъ его дочери.

—Вотъ вечеръ старшина мнѣ въ правленіи отдалъ, просилъ дать руку, чтобы расписаться; а я дать руку побоялся, сказалъ онъ подавая повѣстку.

Я вель дѣло не по формальной довѣренности, а по словесному заявленію, почему объяснилъ старику чтобы онъ, 19 числа, съ дочерью ѣхалъ въ городъ, куда и я пріѣду.

—Мы съ вечера поѣдемъ, сказалъ старикъ, боязно какъ бы не запоздать; тамъ ужъ въ городѣ заночуемъ. Да ужъ вы то пріѣзжайте, упрашивалъ онъ.

Я успокоилъ старика, сказавъ что непременно пріѣду, и мы разстались.

19 числа я выѣхалъ изъ дома очень рано, чтобы поспѣть къ 10 часамъ на мировой съѣздъ. Городъ Б. былъ отъ моей усадьбы въ 40 верстахъ и я къ 9 часамъ былъ уже въ городѣ. При въѣздѣ въ квартиру я тотчасъ замѣтилъ старика Семена съ дочерью пореди двора у телѣги. Онъ, по

обыкновенію безъ шляпы, стояль облокотясь на тельгу.

Хозяйка квартиры встрѣтила меня словами: — Наконецъ то вы пріѣхали, а Семень съ дочерью затужились совсѣмъ; ужъ я ихъ уговаривала, уговаривала — не вѣрять: боятся чтобы не взыскали за бумаги.

Изъ объявленія вѣвѣшеннаго на дверяхъ сѣзда я узналь, что дѣло Семеновой съ Рѣдковымъ назначено къ слушанію послѣднимъ, почему предложилъ Семену и Марѣ идти обѣдать.

— Нѣтъ, отвѣчали они, мы сбѣгали на базарь, купили калачикъ, подождемъ здѣсь, и усѣлись на заваленкѣ.

Квартира моя была недалеко отъ зданія суда, почему я, отъ нечего дѣлать, пошелъ въ залу сѣзда. Какъ нарочно въ этотъ день разбирались дѣла крестьянъ при посредствѣ доморощенныхъ адвокатовъ. Въ числѣ адвокатовъ были: бывшій писецъ бывшаго уѣзнаго суда, мѣщанинъ арендаторъ одного помѣщичьяго имѣнія кончившій курсъ въ приходскомъ училищѣ, сынъ портнаго, бывшій ученикъ уѣзнаго училища и некончившій курса, и, наконецъ, къ величайшему моему изумленію банкротъ, бывшій торговецъ, а теперь барышникъ лошадей, съ которымъ я нѣсколько разъ встрѣчался на конномъ базарѣ.

Всѣ они сидѣли въ числѣ публики на особой скамье и совѣтовались между собою.

Изъ числа публики мнѣ бросилась въ глаза жалкая фигура чувашанина въ рваномъ кафтанѣ и лаптяхъ. Онъ безпрестанно переходилъ изъ залы суда въ прихожую и обратно; это меня заинтересовало.

— По какому дѣлу вы вызваны сюда? спросилъ я его, принимая за истца или отвѣтчика.

— Я ни по какому, я пишу апелляцію, отвѣчалъ онъ нечистымъ русскимъ языкомъ.

— Гдѣ вы научились?

— Я былъ помощникомъ волостнаго писаря, а теперь безъ мѣста и пишу просьбы.

„Вотъ еще новый адвокатъ“, подумалъ я.

Читатель можетъ быть не повѣрить этому, и я самъ желалъ бы охотно не вѣрить; но къ несчастію это суцая правда. Подобные аблакаты, за неимѣніемъ лучшихъ величающіе себя адвокатами, наводняютъ кляузами наши новые суды и какъ пиявки сосутъ кровныя деньги крестьянъ. Нѣкоторые изъ нихъ до того дерзки, что рѣшаются брать дѣла не только по мировому суду, но въ окружныхъ судахъ.

Въ числѣ публики около адвокатовъ сидѣлъ и повѣренный Рѣдковыхъ, сидѣлецъ Трифонычъ. Это былъ довольно бойкій крестьянинъ, лѣтъ 35, похожій съ виду и на сидѣльца и на писаря. Онъ

важно крутилъ свои усы и разговаривалъ съ аблакатами.

Я еще разъ предложилъ ему кончить дѣло миромъ до суда и съ согласія довѣрителей предлагалъ помириться на 100 рубляхъ.

— Мы будемъ говорить объ этомъ завтра, отвѣчалъ онъ не безъ нѣкотораго сознанія собственнаго достоинства.

Наконецъ наступило время разбора нашего дѣла и я позвалъ своихъ кліентовъ. Робко подходя къ рѣшеткѣ, они повторили судьямъ давно заученныя слова, что предоставляютъ мнѣ право говорить за нихъ на судѣ.

Я не буду описывать судебныхъ преній, скажу только что дѣло моихъ довѣрителей было выиграно окончательно и я получилъ исполнительный листъ на взысканіе съ Рѣдковыхъ 150 руб. въ пользу Марьи Семеновы и ея сына.

Разочарованный Трифонычъ (хотя по правдѣ ему нечего было разочаровываться: 30 руб. полушубокъ и возъ муки давно были у него, но онъ не хотѣлъ ударить себя въ грязь лицомъ предъ другими адвокатами) потребовалъ копію съ рѣшенія и съ заявленіемъ о неудовольствіи на рѣшеніе счелъ почему то нужнымъ обратиться, но окончаніи засѣданія, не къ предсѣдателю суда, а къ товарищу прокурора.

Кліенты мои выѣхали изъ города тотчасъ по окончаніи засѣданія, а я замѣшкался въ городѣ и выѣхалъ къ вечеру. Поздно вечеромъ на полпути къ дому, обгоняя обозъ, я замѣтилъ давно знакомую мнѣ шляпу старика Семена и услышалъ его голосъ: —постойте, постойте!

Въ попыткахъ подбѣжалъ ко мнѣ Семень и держа шляпу на—отлетѣ спросилъ: что же теперь будетъ?

Я вновь объяснилъ ему, что дѣло кончено и деньги скоро будутъ взысканы.

—Да вишь ты Трифонычъ—то, говорятъ, не доволенъ, хочетъ опять прошеніе подать; онъ и записочку Михею вонъ съ этими обозчиками послалъ. Нельзя ли какъ записочку перехватить?

Я отвѣчалъ, что дѣло въ другой сѣздъ перенести нельзя и записочку перехватывать не нужно.

—Ну ладно, ладно, прощайте, и онъ торопливо побѣжалъ къ своей телѣгѣ.

На третій день ко мнѣ вновь пришелъ Семень, какъ онъ выражался, понавѣдаться объ дѣлѣ.

—А записочка то попалась ко мнѣ, прибавилъ онъ тихо; я полштофа въ Озеркахъ поставилъ извощику: онъ мнѣ записочку то и передалъ, вотъ она. И онъ подалъ мнѣ замазанный клочекъ сѣрой бумаги.

Записка была послана незапечатанною въ родѣ открытаго письма и такъ какъ открытыя письма не составляютъ тайны, то я передамъ читателямъ содержаніе записки, соблюдая въ точности ея орѳографію.

„Милостивому государю Михею степановичу вдеревню Крутыя Горки дѣло наше проиграно да не совсѣмъ можно подать апеляцію пріезжайте въгородъ немедля и привезите денекъ, вашъ поверенный егоръ Трифоновъ.

—А ужъ какъ Михай—то ругается, говорилъ Семень, и не приведи Господи: я, говорить, къ самому губернатору, къ прокурору пойду, а денегъ моихъ вамъ не видать. Я, говорить, недоволенъ этимъ судомъ, въ Бузулукъ подамъ.

Я успокоилъ старика, посовѣтовалъ отдать записку Трифоныча Михею и онъ ушелъ.

Черезъ нѣсколько дней ко мнѣ зашелъ охотникъ, крестьянинъ деревни Крутыя Горки, Дмитрій Васильевъ. Онъ познакомился со мной нѣсколько лѣтъ тому назадъ на охотѣ за перепелами и съ тѣхъ поръ часто заходилъ ко мнѣ; мы были очень дружны. Это былъ нестарый еще крестьянинъ, лѣтъ сорока, довольно умный и по крестьянски развитой, но не грамотный. Онъ очень любилъ разговаривать и я часто говорилъ съ нимъ о разныхъ предметахъ хозяйства, рассказывалъ ему какія улучшенія я

предполагаю ввести въ своей дачѣ. Онъ выслушивалъ внимательно, не противорѣчилъ, но относился ко всѣмъ улучшеніямъ какъ то недовѣрчиво.

— Да, это хорошо, говорилъ онъ, но при этомъ какъ-то недовѣрчиво улыбался; однако мы по прежнему оставались друзьями.

На этотъ разъ я рассказалъ Дмитрію о пользѣ разведенія лѣсовъ и выгодахъ лѣсоразведенія въ нашей мѣстности, сообщилъ ему планы объ устройствѣ на будущую весну въ своей усадьбѣ питомника для разведенія различныхъ породъ деревь.

— А крѣпко сердается на меня Михей, прервалъ меня Дмитрій; все, говоритъ, отъ тебя это вышло, кабы не ты, не взялся бы онъ, — это про васъ то онъ говоритъ, — хлопотать за Марью.

— Ты то чѣмъ тутъ виноватъ? спросилъ я Дмитрія.

— Какъ же Марья то при мнѣ въ первый разъ приходила къ вамъ совѣтоваться объ этомъ дѣлѣ.

— Да тебѣ то что бояться Михея, пускай сердится.

— Да все же нехорошо, вѣдь Михей у насъ первый человекъ, тысячами ворочаетъ. Да онъ только сердится, а не больно тужить: говоритъ дѣло-то Марьи рѣшено неправильно, потому на судѣ былъ не самъ прокуроръ, а его помощникъ

(т. е. товарищъ); это ему кто-то въ городѣ растолковаль. Утрось Михей встрѣтилъ меня на водопоѣ и говорить: — „Хотѣли вы меня съѣсть, но Богъ не выдасть: я нашель въ городѣ человѣчка, написалъ то есть все какъ было и въ самый главный судъ подалъ". Онъ, говорятъ, на прошенье то 30 цѣлковыхъ истеряль.

Я за нѣсколько дней передъ этимъ отослалъ исполнительный листъ судебному приставу, который долженъ былъ на дняхъ пріѣхать, почему въ сущности эти свѣдѣнія для меня не были интересны, но меня интересовало это дѣло все съ той же точки, то есть, какъ крестьяне относятся къ суду и какъ боятся они своихъ мироѣдовъ.

На другой день въ деревню Крутыя Горки пріѣхаль судебный приставъ. Я въ качествѣ повѣреннаго долженъ былъ присутствовать при взысканіи. На квартирѣ судебного пристава я засталъ сельскаго старосту крутогорскаго общества, молодаго богатаго крестьянина, родственника Михея, сотскаго, десятника, однимъ словомъ всѣ мѣстныя власти.

—Нельзя ли меня уволить отъ этого дѣла, ваше благородіе, сказалъ судебному приставу староста: дядя Михей серчать будетъ.

Судебный приставъ, конечно, отказаль уволить старосту отъ присутствія при взысканіи.

Мы пошли въ домъ Ивана Рѣдкова, племянника знаменитаго богача — міроѣда Михея; тамъ никого не было. По закону судебный приставъ, за отсутствіемъ хозяина, долженъ былъ передать повѣстку о назначеніи новаго срока домашнимъ или сосѣдямъ; но такъ какъ домашнихъ никого не было въ домѣ, то староста позвалъ сосѣдку, которой было поручено присматривать за домомъ. Сосѣдка, пожилая крестьянка, скоро пришла; но узнавъ, что ей хотятъ отдать повѣстку, страшно испугалась.

— Я ихнихъ дѣловъ не знаю, говорила она судебному приставу и ни за что не возьму повѣстки, какъ они кумились такъ и сватайся, а мое дѣло сторона.

Пришлось отдать повѣстку десятнику.

Изъ дома Ивана Рѣдкова всѣ власти отправились къ Михею Рѣдкову.

Большая сосновая изба Михея, съ выходящимъ на улицу крыльцомъ, была заперта извнутри; чанные (крытые, тесовые) ворота были такъ же на запорѣ; на дворѣ лаяла стая псовъ. Десятникъ побѣжалъ на гумно за хозяевами. Полчаса ожиданія; наконецъ сѣни отворились и старуха жена Михея впустила насъ въ избу.

— Дома хозяинъ?

— Нѣтути; онъ въ городу съ Трифонычемъ, вотъ третій день пошелъ.

Едва только судебный приставъ разложилъ на столѣ бумаги, чтобы написать Михею такую же повѣстку, какъ къ воротамъ подскакала телѣжка запряженная парой сытыхъ коней. Это пріѣхаль изъ города Михей съ своимъ адвокатомъ.

Михей, толстый, приземистый крестьянинъ ввалился въ избу, за нимъ шель его адвокатъ Трифонычъ въ новомъ дубленомъ полушубкѣ, отъ котораго такъ и несло кислымъ запахомъ новой овчины.

— Господи, что это такое! закричалъ Михей, бросивъ шапку и рукавицы на полъ, какія тамъ еще деньги, грѣхъ одинъ, охъ, охъ...

— Полно, полно, Михей Степанычъ, уговариваль его Трифонычъ.

— Грѣхъ вамъ будетъ, обратился онъ ко мнѣ, зачѣмъ вы за Марью хлопотали?

Сельскія власти стояли молча, судебный приставъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на Михея.

— Меня весь міръ одобритъ! кричалъ Михей; я сходку соберу, какія тамъ еще деньги.

— Полно, не шуми, дядя, счель своей обязанностію сказать староста.

— Ты то изъ чего хлопчешь, накинулся Михей на старосту, тебѣ то какое тутъ дѣло?

Староста замолчалъ.

—Михей Степановичъ, сказалъ судебный приставъ, я долженъ взыскать съ васъ по исполнительному листу 75 руб.; можете вы сейчасъ заплатить эти деньги?

—Нѣтъ, не буду платить.

—Въ такомъ случаѣ долженъ буду приступить къ описи вашего имѣнія.

—Что жъ, описывайте, зорите, только ужъ дайте мнѣ подписку, что воротите эти деньги, если моя пеляця будетъ въ мою пользу.

—Мы подали на рѣшеніе съѣзда апелляцію, сказалъ Трифонычъ.

—Вы хотите сказать касационную жалобу, поправиль его приставъ.

—Да, то есть касационную жалобу, повториль сконфуженный адвокатъ; такъ нельзя ли подождать взыскивать до окончанія дѣла?

Судебный приставъ предъявилъ ему исполнительный листъ.

—Нѣтъ, ни за что не заплачу, продолжалъ лютовать Михей, я къ губернатору, въ синодъ подамъ, а не заплачу.

Въ это время возвратился Иванъ Рѣдковъ.

—Ничего не подѣлаешь, уговариваль онъ дядю, надо заплатить.

Но Михей не слушалъ.

Зная хорошо характеръ Михея и его состояніе, (онъ надняхъ получилъ за проданный скоть

болѣе тысячи руб.), я предложилъ судебному приставу приступить къ описи имѣнія.

Когда судебный приставъ взялъ карандашъ и бумагу и пошелъ на дворъ, для описи строенія, староста заявилъ, что Михей заплатитъ. Дѣйствительно Михей отправился въ чуланъ, долго тамъ возился и считалъ, наконецъ принесъ деньги. Вслѣдъ за нимъ принесъ деньги и Иванъ Рѣдковъ.

Власти стали собираться домой; дѣло было кончено.

При выходѣ изъ избы меня остановилъ Михей.

— Не сердитесь на меня, сказалъ онъ; я знаю вы невиноваты, это все Марья съ Семеномъ, Богъ съ ней; може я чего въ сердцахъ не ладно сказалъ, не сердитесь.

Ожиданія мои сбылись. Михей понялъ наконецъ правоту моего дѣла.

Черезъ нѣсколько дней ко мнѣ зашелъ крутогорскій староста.

— А ужъ какъ бранилъ меня дядя Михей, сказалъ онъ: зачѣмъ, говоритъ, ты тутъ хлопоталъ, тебѣ какое дѣло? ты, говоритъ, ихъ руку держишь. А мнѣ какъ послушаться начальства: чтъ велитъ начальство то и дѣлаю. Вонъ дядя то Михей своей гордостью что взялъ: деньги заплатилъ, Трифонычу отдалъ 30 рублевый полушубокъ да возъ муки. Иванъ—

отъ больно тужиль: за что, говорить, мы Трифоныча то наградили?

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Михей все еще хлопочеть; съ Трифонычемъ онъ поссорился: просиль съ него обратно деньги, а тотъ не отдасть, почему Михей и нашель какого то другаго адвоката. Старикъ Семень и Марья давно получили деньги; но все еще не могутъ успокоиться и время отъ времени заходятъ ко мнѣ сообщить, что Михей ѣздиль въ городъ, писалъ куда то и хочеть все воротить деньги.

Н. Казанцевъ.

ОБЩЕСТВО ДЛЯ ПРОТИВУДѢЙСТВІЯ ЧРЕЗМѢРНОМУ РАСПРОСТРАНЕНІЮ ПЬЯНСТВА.

Во Франціи въ настоящее время непомѣрно распространилось употребленіе крѣпкихъ напитковъ. Въ прежнее время французы пили виноградное вино и не упивались до безобразія; но развитіе свеклосахарныхъ заводовъ, о которыхъ такъ хлопотали государственные люди Франціи сороковыхъ годовъ и протекціонисты, произвели тамъ въ употребленіи крѣпкихъ напитковъ переворотъ. Вино было дешевле спирта и народъ пиль вино; теперь спиртъ сталъ

дешевле вина и народъ сталъ пить спиртъ. Въ прежнее время гектолитръ спирта стоилъ 200 фр., а теперь, вслѣдствіе развитія винокуренія изъ патоки и свеклосахарныхъ остатковъ, цѣна на спиртъ понизилась до 50 фр. за гектолитръ и французы обратились къ спирту и превратились въ пьяницъ. Французы—протекціонисты хотѣли имѣть свой сахаръ, требовали наложить запрещеніе или большую пошлину на чужой сахаръ, чтобы отъ него не зависѣть и поощрять свой... И судьба, покровительница свободной торговли, сказала: хорошо, мои милые протекціонисты, я вамъ даю свой сахаръ, но въ придачу къ нему получите и пьянство, а вмѣстѣ съ нимъ и безнравственность, и развратъ, и нищету, а наконецъ и коммуны; и судьба сдержала свое слово! Такъ то наказывается всякая недальновидность, несправедливость и эгоизмъ. Пусть не думаетъ фанатикъ протекціонистъ, что всякое зло, причиненное потребителю, пройдетъ ему даромъ, безнаказанно. Наказаніе будетъ, рано или поздно, но будетъ, потому что судьбы справедливы. Такъ случилось и съ Франціей.

Сильное распространеніе пьянства во Франціи обратило теперь на себя вниманіе французскаго общества, и вотъ французы нашли необходимою образовать изъ среды себя

особое общество для противудѣйствія гибельному развитію этого порока. Оно теперь образовалось и работаетъ надъ статистикой пьянства и надъ тѣми мѣрами, какія нужно принять и употребить для борьбы съ этимъ зломъ.

Изъ обнародованной программы общества видно, что потребление спирта во Франціи, составлявшее въ 1820 г. 350,000 гектолитровъ, въ 1850 увеличилось до 580,000, а въ 1869 г. до 1.000,000 гектолитровъ, не считая *корчемнаго* спирта (котораго навѣрно выпивается столько же). Число питейныхъ завѣденій возрасло во Франціи до такой степени, что находится въ пропорціи 1 каб. на 102 жит. Соразмѣрно этому увеличиваются и пьянство, и нищета, и преступленія. Число умершихъ отъ запоя возрасло съ 1849 по 1869 г. отъ 331 до 587 чел. въ годъ. Число самоубійствъ отъ пьянства съ 24 до 664, а число преступленій связанныхъ съ пьянствомъ быстро возрастаетъ.

У насъ статистики пьянства не имѣется. Мы слышимъ безпрестанно и повсемѣстно жалобы о пьянствѣ русскаго народа, пропускаемъ эти жалобы мимо ушей и только. Мы имѣемъ подъ рукою только кое-какія, отрывочныя цифры по этому предмету. Сравнимъ теперь эти цифры съ французскими.

Въ Одессѣ (труды одесс. стат. ком.) на 140,000 ж. въ 1866 г. считалось (кромѣ трактировъ и гостинницъ) 1,936 кабаковъ, т. е., 1 к. на 72 ч. Въ Вѣсьегонскѣ (журнальная корреспонденція) на 3,669 ж. находится 36 кабаковъ, т. е., 1 каб. на 100 чел. Въ Харьковѣ (по извѣстіямъ г. думы) считается жителей 62,000 ч., а кабаковъ 675, т. е., 1 к. на 92 ч. Въ Сибири, въ Красноярскѣ (кореспонденціи) на 9,500 жит. имѣется 200 каб., т. е., 1 к. на 50 ч. Въ Енисейскѣ на 6,500 ж. 300 кабаковъ, т. е., 1 к. на 20 ч. Въ селеніи Глиняково (близъ Одессы) на 2,000 ж. находится 102 кабака, т. е., 1 к. на 20 ч. Въ селеніи Витимѣ (на Ленѣ) по свидѣтельству г. губернатора В. Сибири, на 124 крестьянскихъ дома находится 40 каб., т. е., 1 к. на 3 дома или на 10—15 душъ. Стало бытъ въ Вѣсьегонскѣ пропорція кабаковъ къ числу жителей такова, какъ во Франціи, въ Харьковѣ на 8 проц. больше, въ Одессѣ на 25 проц., въ Красноярскѣ на 50 проц., въ Енисейскѣ на 80 проц., въ селеніи Глиняково на 80 проц., а въ селеніи Витимѣ на 90 проц. больше. Если французы считаютъ свою пропорцію кабаковъ къ жителямъ огромною, то чтъ сказать о нашей?

Число умершихъ отъ запоя возрасло во Франціи съ 1849 по 1869 г. съ 331 до 587 чел. въ годъ. Число самоубійствъ отъ пьянства съ 24 до 664 ч., а всего вмѣстѣ до 1,251 чел. въ годъ.

Статистическихъ цифръ объ умершихъ и самоубійцахъ отъ запоя мы не имѣемъ (потому что у насъ считаютъ эти цифры пустяками), но мы представимъ нѣсколько цифръ объ этомъ предметѣ случайно нами замѣченныхъ по Петербургу.

Въ Петербургѣ умерло отъ пьянства сего 1872 года:

11 апрѣля умеръ отъ пьянства	1
16 „ найденъ повѣсившимся отъ пьянства .	1
17 „ найдены утонувшими отъ пьянства . .	2
18 „ умеръ отъ пьянства	1
17 іюня въ пьяномъ видѣ бросился въ Фонтанку	1
18 „ умеръ отъ пьянства	1
19 „ бросился изъ окна отъ пьянства . . .	1
19 „ повѣсился отъ пьянства	1
19 „ отъ пьянства набросилъ на себя петлю, но былъ удержанъ	1
20 „ отъ пьянства повѣсился	1
20 „ отъ пьянства упалъ и умеръ	1
21 „ отъ пьянства хотѣлъ повѣситься, но удержанъ	1

21 „ отъ пьянства поднять на улицѣ мертвый
1

21 „ отъ пьянства бросился изъ окна . . .
1

По этимъ цифрамъ, случайно замѣченнымъ, выводимъ, что отъ пьянства въ Петербургѣ можетъ быть каждый день умираетъ или насильственно лишаетъ себя жизни 1 человекъ. Если это такъ происходитъ цѣлый годъ, то значить въ одномъ Петербургѣ умираетъ въ годъ отъ пьянства по крайней мѣрѣ 300 человекъ. Если по этому масштабу положимъ на Москву такихъ смертей 200 ч. въ годъ, то значить въ однѣхъ нашихъ столицахъ, въ Петербургѣ и Москвѣ на 1.300,000 жит. число смертей и самоубійствъ отъ пьянства дойдетъ въ годъ до 500 чел., тогда какъ на всю Францію или на 35.000,000 жит. число этихъ умершихъ доходитъ только до 1,251 ч.

Если бы во Франціи оъ пьянства умиралъ народъ по приведенному нашему масштабу, то на Францію пришлось бы такихъ умершихъ 13,000 въ годъ или въ 10 разъ больше того, сколько теперь тамъ умираетъ, или другими словами: у насъ ежегодно умираетъ отъ пьянства въ десять разъ больше, нежели во Франціи. Положимъ народонаселеніе наше вдвое больше французскаго, значить и отъ пьянства должно

умирать больше только вдвое, а между тѣмъ умираетъ больше въ десять разъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что или французскія цифры о пьянствѣ невѣрны, или наши цифры ужасны.

Но если за симъ принять въ соображеніе, что въ Одессѣ напримѣръ на 140,000 жит. имѣется 1,936 кабаковъ и что эти кабаки содержатся (почти всѣ) евреями, то результаты отъ пропорціи кабаковъ къ несчастію у насъ выйдутъ еще хуже. Кабатчикъ еврей — это такой кабатчикъ, который у всѣхъ тѣхъ, кто у него пьетъ, вытягиваетъ, выжимаетъ, высасываетъ не только то, что у нихъ есть сегодня въ карманѣ, но и тѣ, что у нихъ будетъ завтра, что будетъ добыто или заработано въ теченіе недѣли, въ теченіе мѣсяца и даже въ теченіе года и наконецъ въ теченіе всей жизни. Если взять нашего кабатчика еврея и кабатчика француза, то выйдетъ, что одинъ еврей-кабатчикъ въ отношеніи опаиванія и прочаго отсюда истекающаго, поспоритъ съ десятью французскими кабатчиками. Стало быть цифру 1,936 одесскихъ кабаковъ, по тому вреду который они приносятъ, надо помножить на десять и принять что въ Одессѣ не 1,936, а 19,360 кабаковъ. Въ цѣлой Россіи, а можетъ быть и въ цѣломъ мірѣ нѣтъ между рабочимъ народомъ

обоихъ половъ столькихъ и такихъ пьяницъ, столькихъ и такихъ нищихъ, столькихъ и такихъ непотребныхъ, какъ въ Одессѣ*) и все это есть произведеніе евреевъ—кабатчиковъ**).

Стало быть въ отношеніи пьянства наше положеніе хуже французскаго. Будемъ продолжать далѣе.

По извѣстіямъ доходящимъ изъ губерній оказывается, что въ земскихъ собраніяхъ гласные отъ крестьянъ заявляютъ, что кабаки внутри селеній развращаютъ не только взрослыхъ, но дѣтей и женщинъ. „У насъ народъ не пьетъ, говорятъ „Моск. Вѣдомости“, а пьянствуетъ, у насъ кабакъ не лавка, гдѣ можно только купить и выпить водки, а тутъ компанія, пляски, пѣсни и развратныя женщины.“ Изъ Весъегонска, Тверской губерніи, писали: у насъ на 3,669 душъ

*) *ΝΤΗ Ο ΕΙ... † Ο Ε, Α%ΑΙ... ΟΤΟ-†Ε ΕΑ... Ο%ΑΟΟΓΟΕ ΓΟ ΑΟΟΟΙ%ΑΙ ~ Ε «ΕΟΤΟΟ†» (Α† Ι.) ΤΕΙΟΥ, -†Ο 1872 „Ο%†. ΣΟΥ... †Ο, Ο ΕΥ... ΤΑΕ%Ο Ο Ο-ΕΙ... Ο ΟΕΑ, Ο%ΕΥΑΤ... Ο%ΔΟΕ Ο%ΑΟΟΓΟΕ Ο.††, ° (ΟΟΕΟΙΕ Α†, Ο †ΙΕ Ε ΤΟ-ΑΙΛΕ††Ε); «, ° Ο%ΔΟΕ Ο Ο-Ο... ††ΑΙΟΤΟ†††††... ° ΤΕ ††Ε%ΑΙ ° %... ΕΑΙ-ΕΙ °, †ΑΕ†-† Ο†Ο†Ο Ο††Ο%††Ο, ΟΕ ΟΑ-Ε, †Ο †Ο †ΟΟ ° ΤΕ Α† ΕΑΙ-ΕΙ °! (ΟΟ††Ε-†ΑΥ ΓΟ ΑΟΟΟΙ%ΑΙΟΥ). ΣΕ†††††††ΕΟΥ, †Ο%ΟΕ††††† †Α... ΟΟΟΟ††† Ε †† ΕΟΟ, †Ο †ΟΕ†† ΟΟ †ΑΕΥΑ† ††... †Ο Ο%Ο, ° Ε ΟΟΕ ΟΟ †-†ΟΕ †Ε-ΑΥ °, †ΟΟΟ †† Ο† ΟΕ††† Ε†; †† Ο%ΔΟΕ ΕΑ †Ε†, ††ΟΟΟ, Ο††ΟΕ Ο%ΑΕ%Ο ††ΑΥ... °† °% †††ΟΕ % †, ° Ε ††-Ο†, † †† % Ο, ΟΕ Ο, ΟΕ†. Ε... Ε†... †Ο ††ΟΥ Α† 50; †Α †Ο †Ε-† †Α, ΟΑ†ΟΕ†Ο... †Ο †ΑΟ†ΟΥ †Ο Α† ††Α... Ε ΕΑΟ Ο%Ο, †††ΟΟΟ... Ε%ΔΕ†† Ο†Ο, Ο†† Α%Ο (Ο. Α... Ε%ΑΔΟ) ΑΟΥ ††† Α, Α †ΑΟ †Ε-ΑΥ ° Ε Ο ΑΟΥΟ†Α† Ε, Ο Α%Ο †ΟΟΟ ††Ε... ††%... †Ο ΟΟΕΟ†† ††, Ο†††Ε† ††Ε† Ε †Ο †Ο... ».*

Α, Ο.

***) *εΰ... ΟΑ-†† Ο Ε-†, Ε††, †ΟΟ, †Ο ††-††-Ε†Ε †Α-Α, ΑΕ, Ο †, Ο, ΟΟΟ... ††-††-Ε†Ο, -Α, ΑΑ, †.*

εΑ%

кабака составить 36 р. 90 к. въ годъ. Но развѣ можетъ кабатчикъ существовать на 36 р. 90 к. въ годъ?

Изъ этого выходитъ, что кабатчикъ для пополненія своего бюджета необходимо *долженъ* прибѣгать къ искусственнымъ и незаконнымъ средствамъ (недомѣръ, разбавленіе вина водою, отпускъ вина подъ залогъ вещей, сбытъ этихъ вещей, а также сбытъ вещей краденыхъ, промыслъ развратомъ и т. д.), потому что иначе кабатчикъ существовать *не можетъ**). Такимъ образомъ существенный доходъ нашего кабака зависитъ не отъ водки, а отъ обмана, воровства, разврата и другихъ незаконныхъ и деморализующихъ промысловъ.

Изъ Екатеринославля писали (корреспондентъ „Голоса”), что тамъ 143 кабака, которые находятся въ рукахъ евреевъ. Патентъ, казенные, земскіе и городскіе сборы стоятъ 112 руб. Квартира кругло 150 р. Прибавьте освѣщеніе и другіе расходы по торговлѣ виномъ, и вы невольно станете въ тупикъ предъ вопросомъ: какимъ образомъ при такихъ значительныхъ расходахъ кабатчика можетъ существовать такое

*) ä†ÈÁÙÒñ, ~ÚÓ Ô†Ù† Á† Ô †,Ó Ô Ó%†ÈÈ, È† † Ò ††Ó ~ ÁÁ, °~†È†Ó %Ó Ó,†. Ó†† ~ÚÓ Ô †,Ó %Ó ÓÈÁ, Ù†† †ÙÈÁ, ÓÓÙÓ†Ù ~ÚÓ †††ÙÈ†Ù ††%Ó†Ó ÈÁ, ° ÙÈÙ, %Ó†Ó% Á† ò,ÓÈ Ù Ù% È ÈÓ†... ,ÓÙ† Ó† È , ° Ù†ÁÙ† ,Ó†È %ÓÁ, Ó†Á†††È È †Á%ÓÁ, Ó†Á†††È Ó Á%ÓÙ, ††È.

множество кабаковъ въ Екатеринославль? Вопросъ разрѣшается между тѣмъ просто: несмотря на разбавленіе вина водою, на недомѣрь и т. п., едва ли хотя одинъ кабакъ можетъ существовать одною продажею вина. Водка здѣсь только ширма и силки для поклонниковъ ея. Ресурсы кабатчиковъ: обобрать пьянаго, принять краденныя вещи, дать пріютъ ворами, насчитать на пьянаго и проч. — вотъ тѣ средства, которыми живутъ и процвѣтаютъ здѣшніе кабаки”.

Изъ этого слѣдуетъ, что открытіе всякаго новаго кабака есть открытіе новаго притона развращенія, воровства и разоренія и проч. Кабатчики конкурируютъ между собою не продажею питей, а деморализаціей и развратомъ. Въ которомъ кабакъ разврата болѣе, тотъ кабакъ и выигрываетъ больше. Такимъ образомъ кабатчики наперерывъ стараются перещеголять и перегнать другъ друга заманчивостью и прелестью разврата и такой развратъ все увеличивается и нѣтъ ему удержа. Люди несутъ въ кабакъ не только свое добро, но и чужое, потому что тамъ все принимаютъ. Вотъ и необходимое увеличеніе воровства, а за воровствомъ и грабежа и т. д.

Вышепомянутый докладъ харьковской г. думы говоритъ: съ лѣстницъ, съ тротуаровъ уносятся

каменные плиты, съ мостовъ вырываются желѣзныя связи, уносятся со столбовъ городскіе фонари; могилы умершихъ не остаются въ покоѣ, разоряются памятники, уносятся желѣзныя рѣшетки, кресты и все это сбывается въ кабакахъ или продается на рынкѣ въ такъ называемомъ *воровскомъ ряду* (уже воровскіе ряды завелись) и вырученныя деньги относятся въ кабаки.

Это дѣлается на улицахъ, а чтль же можетъ дѣлаться въ домахъ отъ деморализаціи и развращенности прислуги?

Изъ Ростова на Дону пишутъ (іюня 1872 г.), что тамъ работники собираются въ партіи и грабятъ по вечерамъ въ глухихъ улицахъ. Въ Костромѣ на дняхъ (іюля 1872) отъ памятника Сусанину отломили бронзовую руку, которую нашли въ кабакѣ.

А число кабаковъ, а стало быть и пьянство, между тѣмъ все растеть.

Изъ Сибири пишутъ, что въ Красноярскѣ до 1863 г. было 10 кабаковъ, въ Енисейскѣ 18, а по тракту изъ Енисейска въ Красноярскъ 20; а теперь въ Красноярскѣ 200 кабаковъ, въ Енисейскѣ 300, а съ января 1872 прибавилось еще 20, а по тракту изъ Енисейска въ Красноярскъ появилось 170 кабаковъ. Г. губернаторъ восточной Сибири въ своихъ циркулярахъ свидѣтельствовалъ, что хлѣбопашество тамъ

падаетъ, а пьянство, развратъ и бѣдность увеличиваются. Въ Харьковѣ въ 1869 году было 439 кабаковъ, въ 1870 — 499, въ 1871 — 568, а въ 1872 — существуетъ 675 кабаковъ, т. е., въ первый годъ прибавилось 60 кабаковъ, во второй 70, а въ третій 107 кабаковъ.

И это кабацкое *crescendo* происходитъ вѣроятно не въ одномъ Харьковѣ, а можетъ быть въ цѣлой Россіи. Докторъ Романовъ („Голосъ”) говоритъ, что „берега Волги въ настоящее время окаймлены, въ буквальномъ смыслѣ, трактирами и кабаками!” И чтль отъ этого тамъ происходитъ можно себѣ вообразить.

Чѣмъ же это кончится и на чемъ это остановится?

„Въ продолженіи минувшихъ праздниковъ (1872 г.)”, писали „Моск. Вѣдом.”, „московскія улицы являли собою прискорбное зрѣлище... мы говоримъ не о мостовыхъ, мы говоримъ о тѣхъ, которые будто послѣ битвы валялись на улицахъ. Это были люди мертвецки пьяные. Изъ нихъ многіе поплатились жизнью за свою неумѣренность, а возмутительные случаи открытаго нападенія на проѣзжающихъ, не ночью, а среди бѣла-дня, доказываютъ, что улицы наши стали *небезопасны отъ пьяныхъ.*”

Пьянство въ Москвѣ прежде до этого дневнаго нападенія на проѣзжающихъ не доходило, стало

быть оно увеличивается и послѣдствія его дѣлаются уже не безопасны для общества.

Одесскія сцены въ прошломъ году и харьковскія въ нынѣшнемъ суть результаты того же народнаго пьянства. Конечно, при нынѣшней нашей петербургской полиціи мы безопасны, но неровень часъ! Развѣ не можетъ случиться, что полиція наша какимъ нибудь образомъ вдругъ оплошаетъ, сдѣлается не такъ разумна, не такъ предусмотрительна и проч. Вѣдь этого перехода нашей полиціи отъ лучшаго къ худшему (какъ уже и были примѣры) никто отрицать не можетъ... а тогда и у насъ (чего Боже сохрани!) могутъ произойти такія же явленія, какъ и въ Москвѣ. Да хотя бы наша полиція всегда была также разумна и предусмотрительна, какъ теперь, но матеріалы разврата, буйства, беспорядковъ все возрастаютъ и наконецъ могутъ возрасти до того, что полиція не въ состояніи будетъ ихъ предупредить.

И выходитъ, что дѣло сдѣлалось серьезно и что надо принимать мѣры противъ пьянства и не какія нибудь обыкновенныя, административныя, полицейскія, внѣшнія мѣры, а надо чтобы общество само вступилось въ это дѣло, обратило на него вниманіе и придумало такія средства противъ бѣдствія, угрожающаго Россіи, которыя были бы самыя лучшія и самыя дѣйствительныя.

Напрасно мы будемъ закрывать глаза, какъ говоритъ «Вѣстникъ Европы» по этому вопросу, предъ очевидностію; напрасно намъ говорятъ, что пьянство наше ничего не значить, что пьянства нѣтъ, что умноженіе кабаковъ пьянства не прибавило, что пьянство происходитъ отъ невѣжества, отъ недостатка образованія и дайте только намъ образованіе!..... и проч., и проч. Нѣтъ, этими пѣснями встревоженное общество (которое жалуется на пьянство отовсюду) уже убаюкать нельзя. Все чтль мы видимъ до сихъ поръ въ происшествіяхъ одесскихъ, харьковскихъ, московскихъ и другихъ, мы видимъ только одну наружную сторону пьянства, но чтль дѣлается дальше, въ глубинѣ въ умахъ, нравахъ, въ страстяхъ народа мы этого не видимъ и еслибы было такое волшебное стекло, сквозь которое мы могли бы это увидѣть, то мы можетъ быть ужаснулись бы. Ясно, что дѣло слишкомъ серьезно и что намъ грозитъ раньше или позже (если дѣло будетъ продолжаться какъ теперь) всеобщее пьянство, разгуль, развратъ, бѣдность со всѣми послѣдствіями отъ этого истекающими и что настало время объ этомъ подумать хорошенько и подумать всѣмъ міромъ. Ежели французы обратили вниманіе на свое пьянство, которое несравненно меньше нашего, то кѣкъ же намъ не обратить вниманіе на свое.

Говорятъ — интернаціоналка, коммуна! и при этомъ вздрагиваютъ отъ ужаса, отъ убійствъ, отъ пожаровъ, отъ злодѣяній, но посмотрите поглубже въ эту бездну..... посмотрите еще поглубже и вы увидите что на днѣ ея не малую роль играетъ французскій кабакъ и пламя свеклосахарнаго алкоголя. И вотъ вамъ еще одно прибавленіе къ новой исторіи Франціи! Одильонъ-Барро, членъ парижской академіи, принимая членовъ общества для противудѣйствія пьянству, сказалъ, что среди тѣхъ негодяевъ, которые обагрили кровью и сожгли Парижъ, *господствующую роль* играло неумѣренное употребленіе спирта и пьянство.

Ergo?....

Н.

ПОЛОЖЕНІЕ ПЕНСИОННАГО ДѢЛА ЗА ГРАНИЦЕЮ И У НАСЪ И ПРЕДПОЛОЖЕНІЯ ОБЕЗПЕЧЕНІЯ ПЕНСИЯМИ НА НАЧАЛАХЪ ВЗАИМНОПОЖИЗНЕННАГО СТРАХОВАНІЯ.

(Продолженіе)

Приступившая къ занятіямъ Высочайше утвержденная коммиссія журналомъ отъ 27 апрѣля 1867 года постановила: имѣть въ виду,

что пенсіи производимыя на основаніи дѣйствующаго нынѣ пенсіоннаго устава до такой степени ничтожны, что не обезпечиваютъ пенсіонеровъ даже въ самыхъ необходимыхъ потребностяхъ жизни. Между тѣмъ, въ общей сложности, пенсіонныя выдачи составляютъ весьма значительный для государственнаго казначейства расходъ, простирающійся до 17 м. и главное возрастающій въ размѣрѣ отъ 500 т. р. до 1 м. р.

Столь очевидная неудовлетворительность теперешней системы пенсій оказывала комиссіи на необходимость преобразованія пенсіоннаго на новыхъ, болѣе соотвѣтствующихъ существу дѣла началахъ, почему для ознакомленія съ пенсіоннымъ вопросомъ необходимо было составить историческое обозрѣніе пенсіонныхъ законоположеній въ Россіи и современное обозрѣніе иностранныхъ пенсіонныхъ законодательствъ.

Объ эти подготовительныя работы были составлены комиссіею и отпечатаны.

Первая изъ этихъ работъ составлена преимущественно по полному собранію законовъ и подлиннымъ дѣламъ государственной канцеляріи, II отдѣленія департамента государственнаго казначейства и предшествовавшихъ работъ прежнихъ комиссій

разсмотрѣнія пенсіонныхъ началъ. Къ обзорѣнію приложенъ сводъ замѣчаній по вопросамъ возникшимъ изъ представленныхъ въ 1850 г. графомъ Блудовымъ основаній новаго пенсіоннаго устава.

Вторая работа — современное обзорѣніе иностранныхъ пенсіонныхъ законодательствъ, по недостатку источниковъ, представляетъ краткое обзорѣніе 15-ти главнѣйшихъ иностранныхъ пенсіонныхъ законоположеній, тѣмъ не менѣе дающее понятіе о положеніи пенсіоннаго вопроса въ западныхъ государствахъ.

Затѣмъ работы комиссіи заключались въ собираніи статистическихъ свѣдѣній, чтобы на основаніи вполне точныхъ матеріаловъ опредѣлить: отношеніе пенсіонеровъ и пенсій къ числу служащихъ лицъ получаемаго ими содержанія*), раздѣливъ число служащихъ, отдѣльно по размѣру получаемаго ими жалованья и содержанія, на особые классы. Всѣ эти подготовительныя работы окончены къ 1 іюля года.

Изъ статистическихъ матеріаловъ, заключающихъ въ себѣ общіе своды оныхъ, при сравнительномъ разсмотрѣніи таблицъ можно съ точностью опредѣлить въ чемъ именно

*) АОН - А. - ф. 00%А Е+1 А ОТОЕ+~ Еі' 0000ЕУ: ЕА' 00·00, АТТ0
Е+Т0, +1, ф, 000Т0, ° і' Е Г, + UE 1 ° і' .

заключаются тѣ недостатки и неудобства настоящаго устава о пенсіяхъ.

Такъ къ 1-му іюля 1868 г. общее число пенсіонныхъ выдачъ составляло 17.370,302 р. 24 коп. на 151,768 пенсіонеровъ или 3,94 проц. государственнаго дохода, исчисленнаго по смѣтѣ 1867 г.

Сравнивая подобные расходы 20-ти иностранныхъ государствъ оказывается, что Россія занимаетъ между ними 15 мѣсто, уступая относительно обезпеченія будущности своихъ служащихъ всѣмъ первокласснымъ державамъ.

Если бы, говорится въ запискѣ члена пенсіонной комиссіи В. И. Хитрово, къ пенсіоннымъ выдачамъ западныхъ государствъ можно было присовокупить еще всѣ дополнительныя выдачи, расходующіяся на тотъ же предметъ учрежденными или покровительствуемыми правительствами пенсіонными вдовыми и сиротскими кассами, которымъ Россія можетъ отчасти сопоставить только эмеритальныя кассы морскаго и военнаго вѣдомствъ, то убѣдимся, что въ Россіи на пенсіи расходуются сравнительно едва-ли не меньше, чѣмъ даже въ Австріи, наименѣе расходующей на этотъ предметъ.

Эти соображенія приводятъ къ тому заключенію, что 17-милліонный, изъ

государственного казначейства, расходъ на пенсіи нельзя назвать вообще значительнымъ. Совершенно въ иномъ видѣ представляется постепенное, но постоянное возростаніе выдачь.

Въ 1828 г. число пенсіонеровъ доходило до 26,092 чел., получавшихъ 2.865,536 р. 38¹/₂ г. коп.; въ 1868 г. число пенсіонеровъ составляло уже 151,718 чел. съ пенсіонными полученіями въ 17.370,302 р. 24 к. Такимъ образомъ въ 40-лѣтній періодъ существованія пенсіоннаго устава 1827 г. число пенсіонеровъ и получаемыхъ ими пенсій возросло въ 6-ть разъ.

При этомъ слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на то, что въ дѣйствительности увеличивался не размѣръ пенсій, а число пенсіонеровъ, такъ какъ средняя пенсія каждаго пенсіонера, составлявшая въ 1828 г. 109 руб. 82 коп., составляетъ въ настоящее время 114 р. 45 коп.

Это постоянное приращеніе пенсій, не обусловливаемое никакими внѣшними обстоятельствами, и составляетъ главнѣйшій недостатокъ пенсіоннаго устава, такъ какъ лишаетъ всякой возможности рѣшить вопросъ: когда и на какой суммѣ могутъ остановиться пенсіонныя выдачи?

Подобное возростаніе государственныхъ расходовъ оправдывалось бы до извѣстной

степени, если бы вмѣстѣ съ нимъ возросло и обезпеченіе будущности служащаго. Между тѣмъ на дѣлѣ представляется совершенно противное. Такъ въ 1842 г. среднимъ числомъ каждый пенсіонеръ получалъ въ пенсію $\frac{1}{3}$ своего на службѣ содержанія, въ 1867 г., вслѣдствіе увеличенія средняго размѣра содержанія, пенсію въ дѣйствительности составляетъ уже только $\frac{1}{6}$ часть того, что служащій получаетъ на службѣ.

Незначительность пенсіи имѣла прямымъ слѣдствіемъ, что только треть всего числа пенсіонеровъ получаетъ пенсіи на основаніи общаго пенсіоннаго устава и что для увеличенія до извѣстной степени пенсій для остальныхъ двухъ третей приходится прибѣгать къ Монаршей милости или къ изданію особыхъ по отдѣльнымъ вѣдомствамъ пенсіонныхъ уставовъ, которыхъ существуетъ, такимъ образомъ, до 50-ти.

Неудовлетворительность настоящаго пенсіоннаго устава, по словамъ записки В. И. Хитрово, главнѣшимъ образомъ заключается:

„Въ безграничномъ, за малыми лишь исключеніями, правѣ cadaго служащаго на пенсію отъ правительства“.

„Въ несоотвѣтственности крайняго предѣла лѣтъ службы для выслуги высшей пенсіи“.

У насъ, за исключеніемъ лицъ, не получающихъ содержанія на службѣ, всѣ остальные служащіе имѣютъ право на полученіе пенсіи отъ правительства.

Въ заграничныхъ же пенсіонныхъ постановленіяхъ, наоборотъ, полученіе правительственной пенсіи ограничено весьма многими условіями, наприм. причинами выхода въ отставку, занятіемъ штатныхъ должностей, и т. п.

Въ Россіи крайній предѣлъ лѣтъ службы для достиженія высшаго размѣра пенсіи составляетъ 35 лѣтъ или, принимая по закону начало службы въ 16-лѣтній возрастъ, достиженіе 51-лѣтняго возраста.

Въ западныхъ государствахъ нигдѣ не допускается столь незначительный предѣлъ возраста. Для полученія высшаго размѣра пенсій опредѣляется: во Франціи, Англии, Бельгии, Австріи, Италіи, Нидерландахъ и Вюртембергѣ достиженіе 60-лѣтняго, въ Даніи 65-лѣтняго и въ Пруссіи 70-лѣтняго возраста.

Всѣ эти несовершенства настоящаго пенсіоннаго устава привели комиссію къ тому убѣжденію, что частныя палліативныя мѣры не могутъ привести ни къ какимъ, относительно исправленія пенсіоннаго устава, благотворнымъ результатамъ и только *коренное преобразование*

на новыхъ началахъ предупредить отяготительное для казначейства постоянное возрастание пенсіонныхъ расходовъ и можетъ до извѣстной степени дѣйствительно обезпечить будущность посвятившаго себя государственной службѣ.

Подобное радикальное преобразование обезпеченія служащихъ пенсіонами можетъ быть твердо построено лишь на началахъ пожизненнаго страхованія.

Участникъ подобнаго страхованія единовременно, или въ опредѣленные сроки, дѣлаеть извѣстные денежные взносы, которые, по системѣ сберегательныхъ кассъ, увеличиваются сложными процентами. При достиженіи имъ извѣстнаго возраста, онъ можетъ требовать обратно всѣ внесенныя имъ деньги, съ выросшими на нихъ процентами, или, рассчитавъ вѣроятность предстоящей ему жизни по таблицѣ смертности, раздѣлить причитающійся ему капиталъ на число предстоящихъ ему лѣтъ жизни, и затѣмъ сообразно этому расходовать его по частямъ. Это примѣръ *пожизненнаго страхованія въ простомъ видѣ*. Участникъ такого страхованія можетъ пережить вѣроятный предѣлъ своей жизни и тогда капиталъ его изсякнетъ ранѣе его смерти, можетъ и не дожить и тогда часть капитала остается не прожитою. Но

эти недостатки устраняются началомъ *взаимности* при совокупной жизни многихъ участниковъ.

Въ среднемъ выводѣ, если таблица смертности, по которой исчислена вѣроятность жизни, вѣрна, недожитое однимъ переживается другимъ, и при началѣ взаимности все то, что не получилъ умершій ранѣ крайняго предѣла жизни, будетъ уплачено тому, который перейдетъ его.

Допустимъ, что 1000 участниковъ дѣлали съ одинаковаго возраста одинаковые взносы и при достиженіи, положимъ, 57-лѣтняго возраста, потребовали бы пожизненныя пенсіи. Изъ таблицы смертности Депарсьё видно, что этого возраста достигли изъ первоначальныхъ участниковъ только 500 человекъ, остальные умерли ранѣ, поэтому пожизненная пенсія при простомъ страхованіи равнявшаяся, положимъ, 100 руб., при взаимномъ составитъ $100 \times 2 = 200$. Если пойдёмъ дальше и допустимъ, что пожизненная пенсія потребовалась бы участниками только по достиженіи ими 81-лѣтняго возраста, то причитающаяся пенсія будетъ равняться $100 \times 10 = 1000$ р., такъ какъ по таблицѣ смертности Депарсьё изъ 1000 чел. достигшихъ 3-хлѣтняго возраста остаются въ живыхъ при достиженіи 57-лѣтняго возраста

502 чел., а при достиженіи 81-лѣтняго возраста только 101 человекъ.

Въ виду этихъ соображеній и составленъ былъ комиссіею проектъ *положенія пенсіонной кассы на началахъ взаимнаго пожизненнаго страхованія*. Но не смотря на то, что подобныя кассы за границею уже много лѣтъ благотворно проявляютъ свою дѣятельность, и владѣютъ громадными капиталами, какъ на прим., англійское общество Royal, капиталъ котораго простирается до 27 милл., или во Франціи „Caisse de retraite pour la vieillesse sous la garantie de l'Etat.“, мнѣнія членовъ комиссіи раздѣлились: одни были за исправленіе нашего настоящаго пенсіоннаго устава, другіе за проектъ положенія о пенсіонной кассѣ на началахъ взаимнаго пожизненнаго застрахованія; впрочемъ, на сторонѣ послѣднихъ былъ голосъ председателя комиссіи, который, какъ мы слышали, представилъ оба мнѣнія съ проектомъ кассы на благоусмотрѣніе г.г. министра финансовъ и государственнаго контролера и вопросъ объ учрежденіи у насъ подобной кассы рѣшенъ утвердительно.

Возраженія противъ началъ пенсіонной кассы сводились къ тому, что *начало взаимнаго пожизненнаго страхованія не можетъ быть*

положено въ основаніе правительственныхъ пенсій:

Что страхованіе жизни есть та же лотерея и существенно различается отъ страхованія отъ огня.

Что этотъ видъ страхованія изъ года въ годъ исчезаетъ.

Что принужденіе служащихъ къ обязательному участию въ рискахъ страхованія будетъ несправедливою мѣрою и

наконецъ, что страхованіе жизни можетъ быть допущено только при болѣе облегчительныхъ противъ проекта кассы условіяхъ.

Но возраженія эти разбиваются уже той истиной, что каждому человѣку врождена забота о своемъ благосостояніи, а такъ какъ каждому благосостоянію грозятъ разныя случайности, то естественно является необходимость предупредить эти случайности вредящія благосостоянію.

Поэтому мѣры предосторожности, изъ которыхъ страхованіе есть одна изъ самыхъ вѣрныхъ, и побуждаютъ человѣка предпочесть ее другимъ обыкновеннымъ мѣрамъ.

Если способности и трудъ человѣка составляютъ источникъ его благосостоянія, то нѣтъ причины не страховать ихъ противъ

грозящихъ имъ случайностей, точно также какъ страхуется домъ, поле, платье и т. п.

Вѣроятность потери жизни смертию превосходитъ, какъ указываетъ статистика, въ 10 разъ вѣроятность потери имущества отъ огня. Вѣроятность же смерти подлежитъ также самымъ положительнымъ законамъ. Изъ этого видно, что изъ всѣхъ родовъ страхованія — страхованіе жизни наиболѣе полезно и можетъ быть основано на самыхъ точныхъ законахъ.

Изъ ошибочнаго пониманія страховыхъ началъ истекаетъ мнѣніе, что страхованіе есть та же лотерея и что между страхованіемъ жизни и страхованіемъ отъ огня существуетъ различіе. Въ страхованіи дается всегда извѣстное за извѣстное, въ лотерее же извѣстное за неизвѣстное. Между страхованіемъ же жизни и страхованіемъ отъ огня нѣтъ инаго различія какъ различія внѣшнихъ формальностей.

Страхованіе жизни не только ежегодно не уменьшается, но, наоборотъ, изъ года въ годъ увеличивается. Это ясно подтверждаютъ цифры различныхъ страховыхъ обществъ въ Англіи и Франціи и обороты нашего общества страхованія пожизненныхъ доходовъ — сравнительно съ заграничными еще не вполне выгоднаго для страхующихъ. Еще въ 1773 г. особый актъ англійскаго парламента строжайше запрещалъ

страхованіе челоѳческой жизни, какъ дѣйствіе въ высшей степени безнравственное, а 95 лѣтъ спустя, именно въ 1868 г., страхованіе жизни челоѳческой отъ грозящихъ ей случайностей простиралось до 6 миллиардовъ руб. Причемъ, напр., въ Англіи приходится почти 1 застрахованный на 2 жителей, а общая сумма застрахованныхъ пожизненныхъ капиталовъ составляла среднимъ числомъ на каждого жителя 100 руб.

Во Франціи съ 1851 года существуетъ вспомогательная касса для престарѣлыхъ подъ названіемъ: „Caisse de retraite pour la vieillesse sous la garantie de l'Etat." Въ основаніи ея, какъ и должно быть, лежатъ расчеты сложныхъ процентовъ, по 5 со ста, и законы вѣроятностей жизни челоѳческой. Учрежденіе это вполне достигаетъ своей благотворительной цѣли.

Почти подобныя начала положены въ основаніе проекта и нашей пенсіонной кассы. Таблицы смертности Депарсье, хотя и составленныя для Франціи, даютъ для вычисленія тарифа пенсій очень близкія данныя.

Вотъ сравнительные результаты смертности по таблицамъ Депарсье и у насъ, отнесенные къ 1000 сверстникамъ 20 лѣтъ, принимаемыхъ за средній возрастъ поступленія на службу.

Франція. Россія.

20 лѣтъ .	1,000	1,000
25 „	951	957
30 „	900	909
35 „	854	859
40 „	809	797
45 „	760	726
50 „	713	645
55 „	654	568
60 „	574	479

Чтобы судить, хотя приблизительно, о величинѣ пенсій, образующихся изъ болѣе или менѣе продолжительныхъ взносовъ служащихъ, приведемъ нѣсколько численныхъ результатовъ, выведенныхъ на основаніи вышеупомянутыхъ тарифныхъ таблицъ.

Съ служащаго 20-ти лѣтъ отъ роду, получающаго 600 р. годоваго содержанія, производится 5 проц. ежегодный вычетъ. Достигнувъ 50-ти лѣтняго возраста, онъ будетъ имѣть право на пожизненную пенсію въ 370 р. Если же прослужить до 60 лѣтъ, и будетъ продолжать ежегодныя взносы, то приобрѣтетъ пенсію въ 1,026 рублей.

5⁰/₀ вычеты съ 3,000 р. содержанія, начиная съ 30 лѣтняго возраста и продолжаемые до 50-ти лѣтняго, доставятъ пенсію въ 510 р. При томъ же содержаніи и вычетахъ продолжаемыхъ до 60-ти лѣтъ, пенсія возвысится до 1,543 р.

Служащій съ 20 до 55 лѣтъ вноситъ ежегодно по 5 проц. съ своего содержанія, именно: съ 20—ти до 30 лѣтъ съ 600 р.; съ 30 до 40 лѣтъ съ 1200 р. съ 40 до 45 лѣтъ съ 2,400 р.; и, наконецъ, съ 45 до 55 лѣтъ съ 3,000 р.; 55—ти лѣтъ отъ роду онъ приобрѣтетъ право на пенсію въ 728 р.

Различныя видоизмѣненія правилъ кассы, относящіяся къ выдачѣ пенсій, какъ—то: съ удержаніемъ или безъ удержанія права на возвратъ капитала, самимъ ли вкладчикомъ, или, по ихъ смерти, ихъ семействамъ, или еще напередъ назначаемому лицу и проч. желающіе найдутъ эти свѣдѣнія въ описаніи французской кассы.

Придя къ заключенію, что только начало пожизненнаго взаимнаго страхованія можетъ лечь въ основу будущихъ пенсій, составители проекта положенія пенсіонной кассы на этихъ началахъ, въ виду условій, которыя пенсіонная коммиссія должна была выполнить при рѣшеніи пенсіоннаго вопроса съ финансовой стороны, т. е., *увеличеніе размѣра пенсїи и уменьшеніе пенсіонныхъ расходовъ государственнаго казначейства*, должны были прежде всего рѣшить вопросъ о средствахъ пенсіонной кассы.

(Продолженіе будетъ).

ОДИНЪ ИЗЪ НАШИХЪ БИСМАРКОВЪ.

Часть третья и послѣдняя.

ГЛАВА II.

Графъ Обезьяниновъ въ вагонѣ.

Итакъ графъ Обезьяниновъ катить по желѣзной дорогѣ въ Петербургъ, и катить не просто, какъ всѣ простые смертные, а катить полный какими-то тревожными ожиданіями и непреодолимыми стремленіями къ власти, къ почести и пожалуй даже къ какой-то общественной пользѣ, не совсѣмъ только ясно сознаваемой.

Какъ подобаетъ великому человѣку, графъ Обезьяниновъ сидѣлъ одинъ въ отдаленіи и посвящалъ свое досужее время на куренье и на сонъ; а въ промежуткахъ размышлялъ о томъ къ чему влекли его непреодолимые стремленія.

Но судьба на этотъ разъ не поблагопріятствовала графу; вагонъ, въ которомъ графъ ѣхалъ, сломался, вслѣдствіе чего, о ужасъ! графу Обезьянинову пришлось волею-неволею пересѣсть въ общій вагонъ.

Когда это происшествіе случилось, то графъ не могъ выдержать своего негодованія, и при этомъ, ругнувъ кого только могъ, пришелъ къ мысли, что пора подвергать отвѣтственности желѣзно-дорожныя управленія за безпорядки. Нѣтъ худа безъ добра: не сломайся вагонъ, въ которомъ сидѣлъ графъ Обезьяниновъ такъ уютно и спокойно, въ его голову не вошла бы мысль о необходимости подвергать отвѣтственности чины управленій желѣзныхъ дорогъ за безпорядки на пути, и кто знаетъ, на сколько такая мысль можетъ привести къ великимъ послѣдствіямъ и быть плодотворной, еслибы, паче чаянія, графу вздумалось заявить претензію на званіе великаго человѣка въ области путей сообщенія?!...

Итакъ графъ Обезьяниновъ въ общемъ вагонѣ.

Но въ самомъ ли дѣлѣ, судя потому что случилось въ этомъ общемъ вагонѣ съ графомъ Обезьяниновымъ, судьба поступила съ нимъ неблагоприятно, распорядившись сломкою вагона?

Очень трудно рѣшить этотъ вопросъ, ибо вотъ что съ графомъ случилось.

Въ вагонѣ сидѣло четверо: двое господъ сидѣло вмѣстѣ; двое — порознь. Одинъ изъ сидѣвшихъ порознь, видно было по лицу его, принадлежалъ къ числу тѣхъ путешественниковъ, которымъ ужасно хочется заговорить съ кѣмъ бы

то ни было въ вагонѣ и для которыхъ сидѣть и чувствовать какъ засыхаютъ губы отъ молчанія составляетъ величайшее страданіе, и физическое, и нравственное. На бѣду этого господина два сидѣвшихъ вмѣстѣ господина, какъ онъ ни пробовалъ къ нимъ примазывать, не давали ему вставить словечка, или если давали, то безъ всякаго видимаго участія къ тому что онъ говорилъ для вступленія въ ихъ разговоръ; а третій господинъ, уткнувшись носомъ въ уголь вагона, то и дѣлалъ, что спалъ, или если просыпался, то только для того, чтобы взглянуть на часы, да три раза покашлять, и затѣмъ опять утыкался въ уголь и начиналъ храпѣть.

При этихъ условіяхъ для этого словоохотливаго господина появленіе графа Обезьянинова въ вагонѣ показалось событіемъ крайнѣ отраднѣмъ: языкъ у него уже началъ ходить, губки помочились, и вотъ—вотъ, казалось, усядется только графъ, какъ непременно онъ начнетъ съ нимъ разговоръ.

Графъ дѣйствительно усѣлся, окруженный великолѣпными мешками и портфелями.

—Издадека вѣрно ѣдете? спросилъ незнакомый, обращаясь въ графу съ полу—улыбающеюся улыбкою и указывая на графскія вещи.

Графъ взглянулъ на незнакомаго; взгляды этотъ выразилъ многое: во первыхъ, удивленіе тому, что тотъ господинъ не знаетъ кто онъ и откуда онъ можетъ ѣхать; а во вторыхъ, удивленіе и тому, что этотъ незнающій „кто онъ“ человекъ позволяетъ себѣ съ нимъ вступать въ разговоры.

— Изъ Камарина, отвѣтилъ сухо графъ.

— Ахъ, батюшки, изъ нашихъ, значить, краевъ; я вѣдь тоже изъ камаринскихъ...

Графъ ничего не сказалъ.

— Вѣрно изволите знать тамъ градоначальника нашего?

Графъ задалъ себѣ вопросъ: чтъ ему дѣлать?..

— Вотъ ужъ Богъ послалъ, нечего сказать...

— А что? невольно спросилъ графъ, у котораго этотъ вопросъ вырвался не то отъ нетерпѣнія, не то отъ какого то безсознательнаго страха узнать въ чемъ дѣло.

— Да какъ, помилуйте, вѣдь это просто Божіе наказаніе что за человекъ...

Графъ кусалъ себѣ губы.

— Чѣмъ же? нервно спросилъ онъ.

— Да вотъ ѣду въ Питеръ жаловаться; просто хоть все продавай, да бѣги вонъ... Такъ у насъ дѣла нонче идутъ. А вѣдь, поди, говорятъ человекъ онъ не то чтобы изъ глупыхъ совсѣмъ былъ, а самодурствуетъ; ну и мошенникамъ волю

какую даетъ, страсти просто... то и дѣло что слышишь про однихъ только взяточниковъ...

Графъ вступалъ во второй фазисъ этого страннаго и неожиданнаго для него положенія: онъ начиналъ находить этого господина довольно забавнымъ и съ величайшимъ въ то же время презрѣнiемъ относился къ его критикѣ.

—И вы этому всему вѣрите? спросилъ тономъ умышленно равнодушнымъ графъ.

—Я то! какъ не вѣрить, помилуйте, да я самъ лично, такъ сказать, ужъ чего только не понатерпѣлся отъ нашего почтеннаго графа, хоть и въ глаза его не видѣлъ, и слава Богу, вотъ ужъ десятую жалобу ему подаю на нашего исправника, а онъ хоть бы поль-словечка отвѣтилъ, а то ровно таки ничего; а дѣло не то что пустяшное какое нибудь.

—Такъ отчего же вы лично не подавали жалобы? спросилъ графъ, воображающій уже себя тѣмъ великимъ человѣкомъ, о которомъ чтъ то смутно слышалъ — король ли онъ былъ, или иной кто, не помнилъ, — что будто бы выслушивалъ онъ о себѣ правду подъ прикрытiемъ инкогнито и затѣмъ внезапно поражалъ собесѣдника открытiемъ, кто-де онъ такой.

—Чего подавать, кого ни спрашивалъ, всѣ говорятъ одно: нельзя добиться чтобы съ

толкомъ выслушалъ дѣло: а я признаться сказать дипломатомъ быть не умѣю, пожалуй наговорилъ бы еще чего нибудь такого.....

— У насъ всѣхъ и все ругаютъ, сказалъ графъ, оттого и... графъ хотѣлъ сказать „меня“, но во время остановился.

— Оно ваша правда, но ужъ все же я прямо скажу: ужъ такъ ругать какъ у насъ графа ругаютъ, не всегда бываетъ; нѣтъ, какъ можно... Еще на примѣръ возьмите что за нравы такіе: живетъ съ какою то, Богъ ее знаетъ, замужнею женщиною. Оно, правда, говорятъ такъ, что нонче въ модѣ, но все же, помилуйте, градоначальникъ долженъ, такъ сказать, примѣръ показывать своею жизнью и нравственностью, а онъ наоборотъ.

„Постой—ка, я тебѣ задамъ“, подумалъ про себя графъ, и въ этотъ мигъ услыхалъ вдругъ свое имя.

— Кто — Обезьяниновъ—то? говорилъ одинъ изъ двухъ собесѣдниковъ, можетъ ли быть?

— Ей Богу! отвѣчалъ другой.

Графъ сталъ прислушиваться...

— Просто глупъ.

— Въ томъ то и бѣда, что не глупъ, а просто ни шиша не понимаетъ, а воображаетъ про себя Богъ знаетъ что...

Графъ Обезьяниновъ притворился спящимъ, но въ то же время всѣ нервы у него заиграли и произвели въ немъ состояніе злобы, бѣшенства противъ всего, что представлялось ему Камаринымъ.

Сосѣдъ, увидѣвъ, что графъ прижалъ голову къ стѣнкѣ вагона, принимался засыпать, принялъ меланхолическую фізіономію.

Оба собесѣдника говорили уже о хозяйственныхъ видахъ на лѣто.

Поѣздъ сталъ подходить къ станціи.

Вдругъ дверь вагона отворяется, входитъ оберъ-кондукторъ и, приложившись къ козырьку, объявляетъ:

— Ваше сіятельство, отдѣленіе на этой станціи будетъ приготовлено.

Графъ кивнулъ головою; это извѣстіе было для него маленькимъ утѣшеніемъ: ласка самолюбію, какъ бы ни была — все же ласка, а въ ту минуту она приходилась кстати.

Объявленіе оберъ-кондуктора произвело дѣйствіе на всѣхъ сидѣвшихъ въ вагонѣ.

— Кто это? шепотомъ спросилъ у кондуктора господинъ, любившій заговаривать съ проѣзжими.

— Камаринскій градоначальникъ, шепотомъ отвѣтилъ оберъ-кондукторъ.

Во внутренности незнакомаго господина точно что-то порвалось, кровь будто застыла во всемъ

тѣлѣ и какое-то ощущение холоднаго страха разошлось по всѣмъ жиламъ.

„Погибъ“, сказалъ про себя невольно незнакомецъ, и началъ обдумывать чтъ ему дѣлать — броситься ли къ ногамъ графа и во всемъ покаяться, или, напротивъ, гордо поднять передъ нимъ носъ, съ тѣмъ чтобы поручить этому поднятому носу сказать: нѣ-же тебѣ, не боюсь я тебя.

— Станція Копытово, 15 минутъ, буфетъ! закричалъ, отворяя дверцы, кондукторъ.

Пока незнакомецъ обсуждалъ эти два крайнія рѣшенія, его воля или его личность рѣшила другое: въ одинъ мигъ онъ выпрыгнулъ изъ вагона, съ тѣмъ чтобы до самой Москвы спрятаться отъ глазъ графа.

Другіе два собесѣдника тоже узнали отъ кондуктора, что его сіятельство и относилось къ ихъ градоначальнику.

— Вотъ попались, сказалъ тогда одинъ, не пойти-ли извиниться?

— Вотъ еще; пускай правду послушаетъ хоть разъ на своемъ вѣку.

Таковъ былъ эпизодъ съ графомъ Обезьяниновымъ.

Теперь остается рѣшить, благопріятствовала ли или не благопріятствовала ему судьба, пославъ

этотъ эпизодъ его сіятельству на путь—дорогу? По моему, благопріятствовала.

Ибо, подумайте—ка чтъ изъ него могло—бы выйти. Графъ Обезьяниновъ могъ бы принять эти вырвавшіяся у двухъ незнакомцевъ слова на его счетъ за предостереженія судьбы, за голосъ судьбы указывающей ему на необходимость самоисправленія: не всѣ люди подлецы и льстецы, могъ бы сказать себѣ графъ; есть такіе, которые меня судятъ безпристрастно, можетъ быть они говорятъ правду, не послушаться—ли ихъ? и т. д.

Неужели не могъ себѣ этихъ словъ сказать графъ Обезьяниновъ, и сколько принесли бы они ему пользы!

Но нѣтъ, какая, наивность! графъ Обезьяниновъ призналъ въ этихъ людяхъ своихъ политическихъ враговъ и еще болѣе убѣдился въ томъ, что общественное мнѣніе — это дрянь, что люди Камарина ничего не понимаютъ, и что вся его задача какъ администратора въ томъ и заключается, чтобы приводить умы къ одному знаменателю — къ восхваленію администраціи въ его лицѣ...

ГЛАВА III.

Первыя минуты въ Петербургѣ.

Въ Колпинѣ на душѣ графа Обезьянинова слагалось уже много впечатлѣній.

Воспоминаніе объ эпизодѣ въ вагонѣ изгладилось совсѣмъ.

За то графа томило гораздо сильнѣе прежняго волненіе ожиданія чего то; говоря прозаически, графа мучила мысль о томъ чѣмъ его наградятъ и какъ его примутъ.

Это было одно впечатлѣніе. Другое заключалось въ томъ дѣйстви, которое производило на графа ощущеніе, и физическое и нравственное, петербургскаго воздуха. Цѣлый міръ воспоминаній наполнялъ каждое вдыханіе этого воздуха и являлся въ видѣ поэтической и прозаической смѣси самыхъ разнообразныхъ, другъ съ другомъ сцѣпляющихся впечатлѣній: молодость въ видѣ эполеть, попоекъ, французенокъ вакханокъ, товарищей по полку, карточной игры, рысаковъ, сладкихъ балетныхъ ощущеній отъ женскихъ формъ, горькихъ фигуръ кредиторовъ, разбитыхъ, въ пьяномъ видѣ, стеколъ, картинъ висящихъ на стѣнахъ у Аделаиды Павловны и тысячи другихъ воспоминаній въ томъ же родѣ. Потомъ выступила картина послѣднихъ воспоминаній Петербурга, воспоминаній степеннаго возраста:

клубъ съ его безсюртучнымъ житьемъ—бытьемъ, французенки любовницы, первые шаги на поприщѣ администраціи; и все это подернутое густымъ облакомъ табачного дыма, сквозь которое предметы, люди и мысли казались ему какъ будто представителями чего то болѣе серьезнаго... Наконецъ нынѣшній Петербургъ, Петербургъ ему неизвѣстный, Петербургъ который онъ сейчасъ увидитъ, услышитъ — чтъ онъ ему скажетъ, какою улыбкою встрѣтитъ онъ его, какое привѣтственное слово выскажетъ онъ ему?.. И все это графа занимало, наполняло и все *онъ, онъ, вездѣ онъ!*.. ибо мысль, что въ Петербургѣ *онъ* не существуетъ, что Петербургъ привѣтственнаго слова ему не готовится вовсе сказать, мысль эта не приходила въ голову графа Обезьянинова; люди какъ сей графъ такъ уже психически сложены: „я“ — а кромѣ „я“ — ничего и никто. Во имя этой бессмыслицы, или вѣрнѣе этого помѣшательства на одномъ пунктѣ много должно быть имъ если не прощено, то все же вмѣнено въ меньшую вину.

Но вотъ поѣздъ подходитъ къ Петербургу; два протяжныхъ свистка уже раздались; завиднѣлись дома, улицы. И странно, у графа Обезьянинова сердце забилося сильнѣе, но все—таки въ каждомъ біеніи сердца слышалось подъ тактъ

лихорадочно ускореннаго размѣра боя все тоже „я“, „я“, „я“...

А пока біеніе сердца ускорялось, графъ хотя и смотрѣлъ въ окно и, казалось, всматривался въ людей, но видѣлъ одну только картину и ея тоскливо наслаждался: картина эта была курьеръ подающій графу на дебаркадерѣ пакетъ и поздравленіе съ наградой...

Поѣздъ подошелъ къ дебаркадеру. Графъ высунулся изъ окна. Взглядъ его упалъ на дядю, пріѣхавшаго встрѣтить своего милаго племянника, на дворецкаго графа, пріѣхавшаго встрѣтить своего барина; но графъ, какъ будто, этими лицами не удовольствовался, а продолжалъ невольно искать кого-то другаго; но этого другаго не было; кругомъ все стояли отцы, братья, жены, мужья, лакеи, ждавшіе когонибудь, и графу видимо стало непріятно, что все это были именно отцы, братья, сестры, жены, а не были тѣмъ курьеромъ, который долженъ былъ стоять тутъ-же и протянуть ему руку съ пакетомъ; а бѣдный дядя какъ искренно воображалъ себѣ, что обрадуетъ племянника своего, графа Обезьянинова, своимъ появленіемъ на дебаркадерѣ!

Но, что-же дѣлать, человѣчество такъ создано, что всегда недовольно тѣмъ, чѣмъ

должно быть довольно, и всегда довольно тѣмъ, чѣмъ должно быть не довольно!

Поѣздъ остановился.

Графъ вышелъ изъ своего вагона. Князь—дядя раскрылъ свои объятія; графъ холодно въ нихъ вошелъ и три раза поцаловаль, или вѣрнѣе даль себя поцаловать дядѣ.

Настало мгновенье тишины. Такъ много было въ немъ драмы!

Племянникъ чувствовалъ, что „что-то“ надо было спросить.

Дядя чувствовалъ, что „что-то“ надо было ему сказать.

Но ни тотъ ни другой не высказались.

—Ну, братъ, давно пора тебѣ въ Петербургъ, соскучился же я по тебѣ, просто соскучился...

Графъ, гримасируя, улыбнулся. Онъ въ этихъ словахъ услыхаль что-то другое, непріятное. „Если дядя мнѣ говорить про то что онъ соскучился, значить не всѣ по мнѣ соскучились, значить никто не соскучился, значить мнѣ награды нѣтъ; ибо если бы была награда, дядя не сказалъ бы мнѣ этого, а сказалъ бы про награду, сказалъ бы пріятныя вещи про мой умъ, мой отчетъ"... вотъ что нахмурило лобъ графа Обезьянинова и отравило первыя минуты пріѣзда графа въ Петербургъ.

— Ахъ, а я и забылъ, поздравляю, съ лентою, сказалъ дядя, цалуя по этому случаю своего племянника — князь-дядя былъ изъ тѣхъ генераловъ, которые очень любятъ цаловаться...

— Да? сказалъ графъ; складки на лбу растянулись въ прямую линію, но не исчезли: онѣ готовились только къ исчезновенію, ибо графъ не зналъ —какая лента?

— Да, но ужъ дѣлать нечего, *il faut passer par là, le St. Stanislas*, хотѣли больше дать, но нельзя...

Складки остались на графскомъ лбу, и даже слегка приняли опять дугообразное направленіе.

Графъ все-таки чуть-чуть повеселѣлъ; ибо если ленту онъ получилъ, значитъ онъ все-таки... „но нѣтъ“, подумалъ графъ очень серьезно... „вѣдь теперь значитъ и думать нечего о какомъ нибудь назначеніи болѣе высокомъ“...

— Досадно, отвѣтилъ послѣ этихъ соображеній графъ.

— Я тебѣ вотъ что скажу, *mon cher neveu*, ты пожалуйста не смущайся этимъ, ты, я знаю, на очень хорошемъ счету, ужъ повѣрь мнѣ, я въ тебѣ министра давно угадалъ; но, знаешь, теперь такое время, что слишкомъ того... знаешь, люди съ административными способностями слишкомъ смѣлыми, какъ ты не совѣмъ по вкусу... *Il faut Stre du niveau commun, de la masse*, говорилъ дядя.

—А что, развѣ чтъ нибудь?.. прерваль испуганно графъ...

—Да нѣтъ, я тебѣ это говорю по поводу твоей награды: потому какъ ни говори, а ты заслужилъ гораздо большую, но, что прикажешь дѣлать, la gъnpъration de nos hommes d'ъtat n'est plus la mSme, продолжалъ князь—дядя, самъ не зная что онъ говорилъ и для чего онъ эту ахинею несъ.

—Ну, а министръ что? спросилъ графъ.

—Министръ, mon cher, чтъ онъ можетъ... впрочемъ, я его давно не видалъ...

Слова эти произвели опять непрятное впечатлѣніе на графа: „не можетъ быть чтобъ министръ мною не былъ занятъ" — вотъ та мысль, которая, зародившись въ умѣ графа, произвела это непрятное впечатлѣніе; „а если мною министръ не занятъ, значитъ я въ немилости", подумалъ графъ, не слушая болтовни князя—дяди.

Все это происходило въ каретѣ, везшей графа въ домъ дяди.

Пріѣхавъ домой, графъ въ швейцарской наткнулся на того курьера, который долженъ былъ явиться въ прелестномъ образѣ вѣстника *особенной* награды, на дебаркадерѣ желѣзной дороги, а теперь являлся въ прозаическомъ видѣніи курьера, поздравляющаго графа съ станиславскою лентою.

— Дать ему три рубля, сказалъ графъ съ равнодушнымъ видомъ своему камердинеру.

Дядя и племянникъ принялись кушать чай.

Между ними началась бесѣда.

— А ты похорошѣлъ еще въ провинціи, сказалъ графу дядя, искренно любуясь своимъ красавцемъ племянникомъ, лицу котораго оттѣнокъ усталости отъ дороги и наскоро прожитыхъ волненій придавалъ много интереснаго.

— *Vous trouvez?* съ улыбкою самодовольства сказалъ графъ...

— Да, *je trouve*, и не безъ причины этому радуюсь, лукаво отвѣтилъ дядя.

— *Et quoi?*

— А вотъ что, *mon cher*: никогда ты бы не могъ болѣе кстати пріѣхать въ Петербургъ: ордена, чины, мѣсто, все, знаешь, все это прекрасныя вещи, даже и великолѣпныя, я не спорю; но, *mon cher*, есть еще вещь великолѣпная на свѣтѣ, о которой надо тебѣ подумать: *le mariage*...

— Ну нѣтъ, *—a jamais*...

— Ну полно, полно, послушай только: во первыхъ, нужно тебѣ сказать, что государственному человѣку безъ жены нельзя быть: ты умень, я это знаю, но *pour гнѣssir* надо непременно женскій умъ, и притомъ женскій умъ хорошенькой *grande dame*, приложить къ твоему

уму, *c'est un complément, mon cher*, безусловно необходимый... ужъ повѣрь мнѣ; а во вторыхъ, *cette jolie femme* она есть, *je l'ai trouvée, toute trouvée*, и тебѣ стоитъ только пожелать, и ты женатъ на одной изъ петербургскихъ красавицъ, *et ce qui plus est* на 100 тысячахъ годового дохода и на самой умной женщинѣ!..

— Я не женюсь...

— Ужъ не женился ли ты на твоей Вѣрѣ Осиповнѣ?..

— Нѣтъ, но женюсь.

— Ну значить ты изъ градоначальниковъ не выйдешь; а если выйдешь, то только для того чтобы тебя пихнули въ какой нибудь сенатъ; а во вторыхъ, я тебя лишу наслѣдства.

— Да вѣдь у меня есть уже дѣти, вы забываете...

— *Mon cher, on ne parle pas d'honneur*, когда говорятъ о Маріяхъ Ивановнахъ, о Вѣрахъ Осиповнахъ... Одно изъ двухъ: или ты хочешь сдѣлать карьеру, или не хочешь; если не хочешь — женись на комъ хочешь, хоть на твоей прачкѣ; если же ты хочешь дѣлать карьеру, то безъ женитьбы *ici, dans notre monde*, ты обойтись не можешь... Ужъ безъ того — я имѣлъ случай въ этомъ убѣдиться — ходятъ про тебя между нашими дамами не совсѣмъ хорошіе толки; а между ними, *mon cher*, есть такія дамы, которыя

могутъ сломать шею не то что тебѣ, но любому генераль-губернатору, министру, фельдмаршалу даже...

—Мы объ этомъ потолкуемъ еще, сказалъ графъ, а теперь я пойду одѣваться.

Графъ вошелъ въ свою комнату подъ легкимъ впечатлѣніемъ словъ дяди-князя.

Кн. В. Мещерскій.

Посвящается М. В.

Ты правъ, бываютъ дни, когда мой старый
геній

Опять меня зоветъ привѣтливой рукой,
И таетъ грудь моя отъ сладкихъ тревоженій,
И ярко образы толпятся предо мной.
Но суетой вседневною объята,
Моя душа глуха на этотъ зовъ,
И тщетно молить къ прежнему возврата
И вырваться не можетъ изъ оковъ.
Такъ лебедь, занесенный въ край безводный,
И съ жизнью свыкшійся иной,
Порою хочеть — гордый и свободный —
Летать въ странѣ своей родной...
Но взоръ его потухъ, отяжелѣли крылья...
И если удалось ему на мигъ взлетѣть,

То только чтобъ свое почувствовать безсилъе
И песнь послѣднюю запѣть.
14 мая 1870.

Б.

ПЕСНЯ ПРИ ГРОБѢ ХЛОПА.

(изъ Витвицкаго^{*)}).

Слезы льете съ громкимъ воплемъ
Всѣ вы — сродники и дѣти...
Тише, тише! Безъ печали
Отдохнетъ на томъ онъ свѣтъ.
Вѣдь милѣе дымной хаты
Гробъ досчатый; лучше будетъ
Въ немъ, привольнѣй: раннимъ зовомъ
Управитель не разбудить!
Сѣй другимъ, собирай для нихъ же,
Каждый шагъ имъ отдавая...
Нѣтъ! Для отдыха вѣрнѣе
Гробъ да яма небольшая!..
Пусть поплачутъ наши паны —
Ближній нашъ ихъ оставляетъ...
Да полямъ вотъ плакать панскимъ —
Поть его ихъ не вспитаеть!

^{*)} еОГ, ОГ Е ОО"У", ОГ. , ' 1847 ..

Намъ что плакать? Эй, могильщикъ,
Не сверкай же такъ очами!
Рой могилу на погостъ,
Подъ полями, подъ лугами!
По веснѣ, какъ заблестаетъ
Насыпь теплою росою, —
Пусть поля пышнѣютъ хлѣбомъ
А луга — цвѣтной травою!..
Слезы льете съ громкимъ воплемъ
Всѣ вы — сродники и дѣти...
Тише, тише! Безъ печали
Отдохнетъ на томъ онъ свѣтъ.

ЭКОНОМИЧЕСКІЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

Среди всякаго общества, конечно, мало мальски развитаго, а поэтому по преимуществу европейскаго, въ столицахъ, въ порядочно населенныхъ городахъ, болѣе или менѣе торговыхъ и промышленныхъ, есть особый классъ людей, которыхъ зовутъ людьми „дѣла“. Цѣли этихъ людей — реальное осязательное увеличеніе своихъ, говоря языкомъ политической экономіи, богатствъ, говоря же языкомъ обыденныхъ интересовъ, — своихъ достатковъ. Это съ одной стороны, фабриканты, купцы и капиталисты, какъ специально живущіе

процентами со своихъ движимыхъ, денежныхъ и недвижимыхъ капиталовъ, такъ и между прочимъ ищущихъ увеличить свои сбереженія тѣмъ или другимъ выгоднымъ помѣщеніемъ своихъ денегъ; съ другой, это — ловкіе „дѣловые” люди, неимѣющіе ни фабрикъ, ни домовъ, ни капиталовъ, ни денегъ, но знающихъ гдѣ и у кого спрятаны деньги и знающихъ, въ то же время, кому и на что и за какіе проценты, вознагражденія и пожертвованія нужны эти чужія деньги, ищущія, какъ говорится, помѣщенія. Все это не ново, на каждомъ шагу мы встрѣчались съ этими людьми, какъ первой, такъ и второй категоріи; на однихъ мы натываемся и они на насъ натываются на биржѣ, у Вольфа, у Доминика, на невской лѣстницѣ Пассажа; съ другими мы раскланиваемся при встрѣчахъ на той же биржѣ и вообще въ домахъ и на улицахъ, но почти никогда, или очень рѣдко у Вольфа, Доминика и въ Пассажѣ. Одни ищутъ, куда дѣтъ повыгоднѣе свои деньги, акціи, дома, имѣнія; другіе — какъ бы пристроить эти сокровища однихъ другимъ и получить за это соединеніе двухъ, иногда страшно далеко другъ отъ друга отстоящихъ, другъ другу невидимыхъ концовъ. Капиталы и деньги, зная, что въ столицахъ и торгово-промышленныхъ городахъ и легче и выгоднѣе можно пристроить деньги, стремятся

изъ провинціальной глуши на берега Невы, Москвы, Сены, Темзы и т. д.; идеи, предпріятія, акціи готовыхъ и возникающихъ дѣлъ, процентныя бумаги заключенныхъ и имѣющихъ быть заключенными займовъ ждутъ, на этихъ берегахъ, очереди быть оплодотворенными, превращенными въ осязательное нѣчто, въ деньги. Такимъ образомъ двѣ категоріи людей: одна жаждущихъ увеличить существующій свой достатокъ, а другая жаждущихъ пріобрѣсти до сихъ поръ не пріобрѣтенный еще достатокъ, сходятся и совершаютъ „дѣла“, или, какъ говорится на несовсѣмъ чистомъ русскомъ жаргонѣ, „дѣлать дѣла“. Но чтобы сойтись въ эту гармоническую одноголосицу, какъ однимъ, такъ и другимъ необходимо знать, чего имъ взаимно нужно. Но отвѣта на этотъ вопросъ, въ такомъ родѣ, что—де нужно побольше процента и болѣе вѣрности помѣщенія своимъ деньгамъ, что—де нужно побольше денегъ и поменьше платы за ихъ пользованіе, разумѣется, недостаточно для „дѣловаго“ человѣка; ему необходимо знать предѣлъ, за который не переступитъ капиталистъ въ своихъ требованіяхъ и жаждущій его денегъ производитель — въ своихъ уступкахъ; короче, однимъ нужно знать, почему товаръ, что стоитъ дѣло, на сколько оно солидно; другимъ — за чтъ можно перепродать товаръ и нажить разницу

между цѣною заплаченною за него и цѣною за него полученною; другимъ нужно знать чтѣ дѣло можетъ, изъ своихъ непосредственныхъ барышей, удѣлить, въ видѣ процента, капиталисту, въ вознагражденіи его за то, что онъ нѣкоторое опредѣленное время не будетъ хозяиномъ своей собственности. Однимъ нужно знать цѣну товара, цѣну акціи, дробной представительницы когда то затраченныхъ на какое то дѣло денегъ, т. е., цѣну части этихъ денегъ, которыя, превращенныя въ фабрику, желѣзную дорогу, стали приносить ежегодный процентъ, цѣну процентной бумаги, представляющей собою нѣкоторую часть денегъ когда то отданныхъ въ долгъ, за это процентное вознагражденіе, той же фабрикѣ, или желѣзной дорогѣ, или какому нибудь правительству, или частному лицу собственнику какой нибудь недвижимости.

Другимъ, т. е. тѣмъ кто жаждетъ денегъ, а невыгоднаго ихъ помѣщенія въ „дѣло“, нужно знать что возметъ за свои деньги капиталистъ. Первые, узнавъ цѣну акціи, процентной бумаги, дома, имѣнія, векселя, товара, напрягаютъ всѣ свои усилія, чтобы узнать болѣе, а именно: долго ли акція будетъ давать дивидендъ предшествующаго года, на сколько ея деньги вѣрно и солидно затрачены, вѣренъ ли, богатъ ли

заемщикъ, подписавшій обязательство процентной бумаги, ть ли именно стоятъ домъ и имѣніе что за нихъ просятъ, на „дѣло“ ли взяты въ ссуду деньги, прописанныя на векселѣ.

Вторые постараются, во что бы то ни стало, увѣрить капиталиста, что его сомнѣнія вообще напрасны, постараются скрыть отъ него истину безъ того затемняемую для непосвященныхъ такъ называемою двойною, итальянскою бухгалтеріею торговыхъ и промышленныхъ балансовъ.

Такимъ образомъ, стремленіе однихъ за акціями, процентными бумагами, короче за помѣщеніями для своихъ денегъ, сталкиваясь съ жаждою этихъ послѣднихъ у другихъ, создаетъ оцѣнку упомянутыхъ выше представительницъ затраченныхъ когда то въ „дѣло“ денегъ.

Этимъ путемъ образуется цѣна акцій процентныхъ бумагъ, цифра учетнаго процента, вексельнаго, заграничнаго курса, цифра процента капиталовъ, затраченныхъ на дома и поземельныя имѣнія.

На биржѣ опредѣляется цифра стоимости движимыхъ имуществъ, т. е. денегъ (отдаваемыхъ на векселя и для платежа долговъ за границей) и акцій, и процентныхъ бумагъ (облигаціи фондовъ и т. п.); вездѣ въ прочихъ мѣстахъ, спеціальнѣе и между прочимъ у Вольфа, Доминика и въ Пассажѣ, цифра

процента, который можно будетъ получать съ купленнаго дома или имѣнія, или который можно получить, если отдать свои деньги подъ залогъ дома или имѣнія. Вотъ о колебаніяхъ этихъ цѣнъ и цифръ и о причинахъ ихъ и объ ихъ характерѣ и слѣдствіяхъ мы и собираемся говорить въ предлагаемыхъ отнынѣ благосклонному читателю нашихъ экономическихъ фельетонахъ. — Хотя мы и упомянули сейчасъ о колебаніяхъ цифры процента доходности домовъ и имѣній и процента по ссудамъ подъ ихъ обезпеченіе, но тѣмъ не менѣе мы предупреждаемъ, что сдѣлали это только для полноты очерка, а сообщать читателю объ этихъ явленіяхъ въ свою очередь не безынтересной стороны нашей экономической жизни мы ничего не будемъ, по той простой причинѣ, что свѣдѣній по этому обстоятельству и мало вообще и негдѣ взять. Цѣны на акціи и процентныя бумаги и на деньги для учета векселей, т. е. оцѣнка свободно производимая, въ силу непреложнаго экономическаго закона, что спросъ и предложеніе опредѣляютъ цѣну какого бы то ни было предмета, состоятельности настоящей и будущей какъ промышленныхъ предпріятій, такъ и заемщиковъ, правительствъ и частныхъ людей, мы всегда найдемъ въ биржевомъ преисъ-курантѣ, или же, чего тамъ

хватать не будетъ, тѣ сообщимъ читателю на основаніи лично нами узнаннаго и испытаннаго.

Лучшей и болѣе вѣрной картины положенія дѣлъ, состоятельности, размѣровъ богатства, средствъ денежныхъ и иныхъ настоящей минуты, вчерашняго дня и будущихъ дней, недѣль и мѣсяцевъ, себѣ и представить повидимому нѣтъ возможности. Все это правда, но, къ сожалѣнію, и эта медаль, какъ и всѣ медали, имѣетъ и лицевую сторону и изнанку. Вотъ эту то изнанку мы постараемся теперь опредѣлить, а затѣмъ, по мѣрѣ силъ и возможности, разъяснять еѣ еженедѣльно нашему читателю. Эта изнанка заключается въ томъ, что цѣны разныхъ акцій, облигацій, въ особенности денегъ на торговые векселя биржеваго прейсъ-куранта означаютъ только цѣны весьма ограниченныхъ количествъ этихъ бумажныхъ и иныхъ цѣнностей, обращающихся у насъ на биржѣ; будучи предложены же, или спрашиваемы въ большемъ, чѣмъ упомянутое, количествѣ, эти цѣны измѣняются болѣе или менѣе. Какъ же быть въ такомъ случаѣ? гдѣ искать дополнительныхъ данныхъ и свѣдѣній, чтобы основательно имѣть возможность оцѣнить то или другое дѣло, состоятельность того или другаго заемщика? Мы ихъ найдемъ въ разборѣ балансовъ, излагающихъ въ цифрахъ темныхъ для непосвященныхъ въ

хитросплетенія бухгалтерской ариѳметики, состоянія дѣлъ банковъ и промышленныхъ предпріятій въ цифрахъ внѣшней торговли, въ цѣнахъ на русскіе товары, въ количествахъ свободныхъ ихъ остатковъ здѣсь въ С.—Петербургѣ и на мѣстахъ ихъ исконнаго производства, сбора или добычи.

Приступая къ исполненію нашей задачи, мы начнемъ, въ общемъ очеркѣ, со столичнаго нашего денежнаго, какъ говорится, и товарнаго рынковъ.

Денежный рынокъ теперь пусть, бѣдень, деньги спрятались куда то, давно ихъ что-то не видно, онѣ чего-то боятся; сдѣлки на наличныя деньги становятся день ото дня труднѣе. Гдѣ всему этому причина? Во первыхъ, черезъ-чуръ уже много ихъ спрашиваютъ, черезъ-чуръ много за ними бѣгають, черезъ-чуръ много дѣлъ и бумагъ жаждутъ ихъ въ себя помѣщенія. Давно-ли прошелъ осенній кризисъ, когда не помощи частнымъ, акціонернымъ банкамъ государственный банкъ который взялъ у нихъ на нѣкоторую сумму подъ ихъ ручательство векселей къ учету, того и гляди, треть изъ недавно возникшихъ нашихъ частныхъ банковъ прекратили бы платежи, дѣла, оказались бы несостоятельными. Затративъ свои средства (основной капиталъ, процентные вклады и

текущіе счеты) въ массу учтенныхъ ими векселей и произведенныхъ ссудъ подъ залогъ разныхъ процентныхъ бумагъ, не дождавшись уплатъ по большинству векселей, просившихъ себѣ, какъ крайней милости переписки, и въ особенности почти по всѣмъ ссудамъ подъ залогъ процентныхъ бумагъ, не поднимавшихся въ цѣнѣ, а напротивъ того упавшихъ, а потому и лишившихъ своихъ хозяевъ возможности ихъ выкупать, если не съ наживой, то, по крайней мѣрѣ, безъ потери, банкъ день ото дня поджидаль истребованія вкладовъ и окончательнаго извлеченія текущихъ счетовъ, которыхъ деньги требовались все больше и больше на биржѣ и за которыя все большее и большее число жаждущихъ людей соглашалось платить все большій и большій процентъ. Съ одной стороны, затраченныя банкомъ деньги не возвращались домой въ сроки, на которые онъ рассчитываль, съ другой, кліенты банка, его питатели—вкладчики, стали чаще приходять за своими деньгами, тогда какъ у банка вмѣсто нихъ были векселя да процентныя бумаги. Что ему оставалось дѣлать: искать самому денегъ, учитывать первые, закладывать вторыя. Но гдѣ—же было ихъ закладывать, гдѣ найти деньги для учета векселя? У своего же брата банка — нечего было и думать, онъ самъ былъ безъ денегъ;

осталась одна надежда — государственный банкъ, неизсякаемый, по мнѣнію темныхъ людей, источникъ всякихъ денегъ. Но пока это *ultima ratio* нашего денежнаго міра, увлекаемый общимъ беспорядочнымъ теченіемъ дѣлъ, затратилъ болѣе денегъ въ „дѣло” чѣмъ то хотѣлъ, или предполагалъ; у него у самого денегъ было мало; но и допустить до паденія частные банки было очевидно нерасчетливо, надо было имъ помочь; для этого онъ увеличилъ свой денежный, кредитно-билетный запасъ, взялъ у бѣдныхъ банковъ ихъ векселя, вывелъ ихъ на время изъ затруднительнаго положенія. Публика спрашивала: гдѣ-же наши деньги? не догадываясь, что онѣ всѣ цѣлы, что ихъ куда какъ много, но что въ той сферѣ, гдѣ онѣ привыкли вращаться, ихъ стало мало, потому что онѣ, такъ сказать, расплылись по другимъ сферамъ, гдѣ ихъ прежде бывало меньше, ушли въ деревни, села, въ провинцію, въ глушь, въ Ташкентъ какой нибудь. Частные банки вздохнули свободнѣе, но улучшилось-ли ихъ положеніе, этого сказать нельзя; а напротивъ того, оно ухудшилось. Посмотримъ на ихъ настоящее положеніе сравнительно съ ихъ положеніемъ назадъ тому недѣлю, по категоріямъ характера ихъ операцій. Они двояки: или промышленно-торговые, или земельно-

недвижимо–городскіе. Акціи первыхъ, послѣ пережитыхъ трудностей кассовыхъ оскудѣній августа и сентября, стали подниматься въ цѣнѣ до 1 января текущаго года; затѣмъ онѣ падаютъ и падаютъ значительно. Вотъ цѣны 2 января тѣхъ изъ нихъ, съ которыми сдѣланы были сдѣлки на биржѣ:

С.–петербургскаго частнаго коммерческаго	350 р.
Варшавскаго коммерческаго (1. 2. 3. вып.)	374 „
Рижскаго коммерческаго	170 ¹ / ₂ „
С.–петербургскаго	международнаго
коммерческаго (2 вып.)	143

”

Акціи этихъ же 4 банковъ 9 января стоили:

С.–петербургскаго частнаго коммерческаго	345
Варшавскаго коммерческаго (1. 2. 3. вып.)	371
Рижскаго коммерческаго	169

”

С.–Петербургскаго международнаго
коммерческаго (2 вып.)

141¹/

2 »

Еслибы мы имѣли балансы этихъ учреждений на 1 января и на 8 января (чего на дѣлѣ нѣтъ), то мы могли бы по положенію ихъ кассовыхъ наличныхъ остатковъ и цифрамъ текущихъ счетовъ и процентныхъ вкладовъ судить вполне обстоятельно о причинахъ паденія цѣнъ ихъ акцій. Въ одномъ изъ слѣдующихъ фельетоновъ мы займемся этимъ вопросомъ и постараемся обсудить его всесторонне.

Акціи прочихъ банковъ были безъ дѣлъ; хотя ихъ и спрашивали, но не продавали, ибо люди въ цѣнѣ не сходились. Упали же цѣны упомянутыхъ 4 банковыхъ акцій, не смотря на то, что дивиденды каждаго изъ нихъ, болѣе или менѣе крупные, уже къ 1 января этого года были извѣстны, между прочимъ — и о чемъ судить мы имѣемъ уже достаточно и возможности, и данныхъ, — потому что денегъ мало, на эти послѣднія поднялась значительно цѣна, ихъ есть куда безъ того помѣстить, въ виду очевидно бльшихъ дивидендовъ въ другихъ предпріятіяхъ чѣмъ тѣ, которые дали частные банки въ истекшемъ году и на которые есть причины рассчитывать на предъ.

Въ особенности спросъ на деньги былъ для банковъ второй категоріи, которую мы назвали земельно-недвижимо-городскою.

Извѣстно, что въ истекшемъ году возникло 10 акціонерныхъ, безъ взаимной отвѣтственности членовъ-заемщиковъ, банковъ. Какъ первые со взаимной отвѣтственностію, такъ и вторые безъ нея, производятъ свои ссуды нашимъ землевладѣльцамъ не наличными деньгами, а своими закладными листами. Выпустивъ закладные листы, по мѣрѣ требованія ссудъ, банки ихъ продаютъ разнымъ банкирамъ за цѣну, разумѣется, ниже нарицательной и отдають вырученныя деньги своимъ заемщикамъ. Не говоря уже о томъ, что заемщики при этомъ сразу теряютъ 8,9 проц., возникаетъ еще затрудненіе реализовать, превратить въ деньги эту ипотечную бумагу. Сначала эти закладные листы худо или хорошо продавались и такъ или иначе помѣщики наши получали деньги; но по мѣрѣ того какъ количество выпуска земельными банками въ публику закладныхъ листовъ увеличивалось — а оно увеличивалось весьма быстро — эти листы сначала падали постепенно въ цѣнѣ, наконецъ рѣшительно перестали находить себѣ покупателей. Обязавшіеся выдать за нихъ наличныя деньги банкиры, не будучи сами въ состояніи помѣстить ихъ своимъ

кліентамъ и знакомымъ, очутились съ огромными ихъ массаи на рукахъ; или биржевая цѣна ихъ была для нихъ ниже той, по которой они сами купили ихъ у земельныхъ банковъ, или ихъ вовсе никто не соглашался покупать. Съ другой стороны, банки продолжали, согласно своему обязательству, назначенію и видимой коммерческой выгодѣ, выдавать ссуды листами; число ихъ, какъ мы сказали сейчасъ, росло не по днямъ, а по часамъ.

Всѣ свободныя деньги, только что отвлеченныя отъ чисто банковыхъ помѣщеній подъ учеты, ссуды и т. п., отвлеченныя затѣмъ и отъ покупки промышленно-банковыхъ акцій, бросились сначала на акціи земельныхъ банковъ и на ихъ листы; цѣны первыхъ возросли сначала до невиданныхъ цифръ, цѣны вторыхъ сначала стояли на рациональной цифрѣ, но вдругъ съ октября начинается паденіе тѣхъ и другихъ и наконецъ теперь, въ январѣ, вторыя ни за что не продашь. Всѣ деньги помѣщены, свободныхъ нѣтъ. Но этого мало: въ высшей степени государственно-важный вопросъ русскаго поземельнаго кредита рѣшительно входитъ въ невыносимо шаткій и критическій фазисъ; того и гляди, его надо будетъ или пріостановить, или вывести на другую болѣе умную и надежную

дорогу. Но собственно перваго и сдѣлать то нельзя: это было бы финансовая революція.

Но вдругъ какъ съ неба сваливаются бѣдной Россіи незванные спасители!

Съ октября мѣсяца въ городѣ ходили слухи объ учрежденіи какого то центрального поземельнаго банка на заграничныя деньги, съ огромнымъ основнымъ капиталомъ. Затѣмъ появилась статья о немъ въ газетѣ „Биржа“, за нею отвѣтъ на нее въ газетѣ „Русскій Міръ“ и дѣло выяснилось достаточно. Въ настоящее время проектъ этого банка находится уже на разсмотрѣніи государственнаго совѣта. Вотъ главныя черты этого банка. Основной капиталъ его 5 милл. рублей. Онъ будетъ скупать за свой счетъ у всѣхъ нашихъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ выпускаемые ими закладные листы, сложить ихъ отъ своего имени на храненіе съ ихъ купонами въ государственномъ банкѣ, выпустить взамѣнъ ихъ свои собственныя облигаціи уже не на бумажный рубль писанныя, а на металлическій, реализуетъ деньги по этимъ послѣднимъ заграницей, — конечно, разницу между цѣною русскихъ закладныхъ листовъ и своихъ облигацій возметъ себѣ; а чтобы ее имѣть, и имѣть большую разницу, будетъ стараться какъ можно дешевле покупать у нашихъ земельныхъ банковъ ихъ листы и какъ можно дороже

продавать свои облигаціи. Будучи единымъ монопольнѣйшимъ изъ монопольнѣйшихъ реализаторовъ несчастныхъ закладныхъ листовъ, представителей чуть не всего русскаго въздѣльываемаго богатства, кормящаго не только народъ, высшія сословія, но и государство, располагая страшными средствами, которыхъ въ Пруссіи послѣ погрома Франціи ежедневно накапливается все болѣе и болѣе и которыхъ некуда дѣть на вѣрняка, этотъ банкъ, или вѣрнѣе 25 сильныхъ иностранныхъ банкировъ, чаще всего прусскихъ, будутъ попроизволу, то сдерживая, то подгоняя покупку нашихъ закладныхъ листовъ, опредѣлять имъ цѣну, какую они одни найдутъ выгодною и для себя и для своихъ отечествъ. Они могутъ довести цѣну русскихъ закладныхъ листовъ до той, по которой ихъ и безъ того самый бѣдный и неразвитой русской капиталистъ согласится взять, т. е. до 50 проц., потому что, будучи 6 процентною бумагою, они въ дѣйствительности будутъ приносить своему хозяину ровно 12 проц. и притомъ самыхъ наивѣрнѣйшихъ. Вотъ что ожидаетъ наши земельные банки, а за ними, — и что въ особенности несносно—прискорбно, — нашихъ землевладѣльцевъ, единыхъ кормильцевъ русской земли. Эти послѣдніе, имѣя въ виду получить ссуду листами, за которую въ

дѣйствительности они выручатъ наличныхъ денегъ вдвое менѣе, или вовсе не станутъ закладывать банкамъ своихъ имѣній, а съ тѣмъ вмѣстѣ не станутъ поддерживать и развивать свои поземельныя эксплуатаціи, т. е. подсѣкутъ въ корнѣ наше сельское хозяйство, или, взявъ ссуду, по которой имъ придется платить столь отяготительный процентъ, около 18 проц. въ годъ (если имѣть въ виду, что свой закладной листъ помѣщикъ реализуетъ только со скидкою 40 или 50 проц.), они будутъ окончательно раззорены... Славную перспективу подготовили русской земельной собственности услужливые люди изъ за-морья. Но будемъ надѣяться, что гроза пройдетъ надъ головою бѣдной Россіи, что мы обойдемся безъ помощи отъявленныхъ спекулянтовъ берлинской и франкфуртской биржъ, что мы сами и наши государственные дѣятели найдутъ возможность и придумаютъ комбинаціи для спасенія нашего земельного кредита отъ окончательнаго раззоренія, а съ нимъ и весь государственно-финансовый нашъ строй отъ очевиднаго невольничества и окончательнаго разстройства.

Общество содѣйствія русской промышленности и торговль, по инициативѣ г. Шаврова, приступило съ 20 декабря къ разсмотрѣнію этого, до послѣдней крайности

жгучаго, не терпящаго никакого отлагательства, чисто отечественнаго вопроса; изъ среды своей оно составило, подъ предсѣдательствомъ А. Н. Шипова, изъ лицъ близко знакомыхъ съ банковыми дѣлами, особую комиссію. Въ нее вошли гг. Ю. Гагемейстеръ, Герстфельдъ, В. Безобразовъ, Степановъ, П. А. Мясоѣдовъ, В. И. Вешняковъ, В. Я. Ососовъ, представители земельныхъ банковъ Стефановичъ, Виноградскій, Глазуновъ, Григорьевъ. Эта комиссія собиралась ежедневно, такъ что 10 января она могла напечатать свои дѣльные вопросы (программу) въ „Голосѣ“, на которые она же успѣла уже и отвѣтить, что въ непродолжительномъ времени, вѣроятно въ будущую среду 17 января, она сообщитъ комитету общества содѣйствія, куда не худо было бы, въ виду важности разрѣшаемаго вопроса прибыть всѣмъ интересующимся судьбами нашего земельного кредита, тѣмъ болѣе, что доступъ въ собранія общества даже и не членамъ его вполне свободенъ. Въ слѣдующемъ фельетонѣ мы сообщимъ болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о дѣятельности какъ учредителей центрального банка, такъ и комиссіи отъ общества содѣйствія. Мы остановились съ особенною подробностью на этомъ явленіи, ибо оно не только составляетъ

вопросъ первой важности для настоящей минуты, но и для будущихъ десятилѣтій русской экономической жизни. Въ слѣдующемъ нашемъ фельетонѣ мы поговоримъ о колебаніи цѣнъ нашихъ другихъ акцій и процентныхъ бумагъ и въ особенности желѣзно-дорожныхъ, а теперь, за неимѣніемъ мѣста, останавливаемъ нашу бесѣду съ читателемъ, разбудивъ въ немъ мысли о значеніи русскаго земельного кредита и о значеніи ловушки, которую намъ ставятъ наши сосѣди....

Евгеніевъ.

НЕКРОЛОГЪ 1872 Г.

8 января. Я к у ш и н ъ, Павелъ Ивановичъ, собиратель народныхъ пѣсень и литераторъ.

13 января. В е н е в и т и н о в ъ, Алексѣй Владимировичъ, оберъ-шенкъ, сенаторъ 1-го департамента.

21 января. Ж у р а в л е в ъ, Николай Михайловичъ, извѣстный по всей Россіи, особливо на Волгѣ, хлѣбный торговецъ, бывший городской голова, потомъ предсѣдатель биржевого комитета въ Рыбинскѣ, гдѣ былъ центръ его торговыхъ операций и гдѣ онъ имѣлъ

обширное механическое заведеніе и канатный заводъ, первый въ Россіи. Человѣкъ замѣчательнаго ума и энергической воли, съ великимъ кредитомъ въ торговомъ сословіи.

26 января. Милютинъ, Николай Алексѣевичъ. Имя его, славное повсюду въ Россіи, не нуждается въ поясненіи.

7 февраля. Никольскій, Владиміръ Николаевичъ. Профессоръ гражданскаго права, сначала въ ярославскомъ лицѣе, потомъ въ московскомъ университетѣ.

9 февраля. Эвеніусъ, главный докторъ московской градской больницы, бывшій редакторъ московскаго врачебнаго журнала.

14 февраля. Шеръ, Дмитрій Александровичъ, художникъ въ Москвѣ, трудившійся особливо для церковнаго дѣла и извѣстный въ кругу любителей и знатоковъ церковнаго украшенія. Рѣзныя работы его изъ кости пользуются извѣстностью, и нѣкоторыя изъ нихъ находятся въ эрмитажахъ. По рисункамъ его устроены иконостасы во многихъ московскихъ храмахъ; напр. у Алексѣя митрополита въ Рогожской, у Петра и Павла въ Басманной, въ университетѣ. Покойный митрополитъ Филаретъ высоко цѣнилъ талантъ Шера.

20 февраля. Дашковъ, Яковъ Андреевичъ, русскій посланникъ въ Стокгольмѣ.

21 февраля. Кн. Гагаринъ, Павелъ Павловичъ, членъ государственнаго совѣта, предсѣдательствовавшій въ комитетѣ министровъ. Имя его тѣсно связано съ судебною реформой, которую онъ съ жаромъ проводилъ въ государственномъ совѣтѣ.

22 февраля. Соколовъ, Иванъ Матвѣевичъ, извѣстный въ Москвѣ врачъ и профессоръ анатоміи въ московскомъ университетѣ.

2 марта. Княжевичъ, Александръ Максимовичъ, членъ государственнаго совѣта, бывшій министръ финансовъ.

3 марта. Шипова, Анна Евграфовна, урожд. гр. Комаровская, супруга сенатора, ген. отъ инф. Сергѣя Павл. Шипова. Повсюду, гдѣ жила, по служебному пребыванію мужа, т. е. въ Варшавѣ, въ Казани, особливо же въ послѣднее время въ Москвѣ, привлекала къ себѣ общее уваженіе образованнымъ умомъ, любезностью, добротою и умѣньемъ оживить въ обществѣ духовные интересы. Въ Москвѣ у нея въ гостиной постоянно собирался кружокъ людей образованныхъ.

27 марта. Скончался, на покоѣ, въ Чудовомъ монастырѣ въ Москвѣ, 83 лѣтъ, бывшій настоятель енисейскаго Спасскаго монастыря, архимандритъ Филаретъ. Онъ послужилъ въ теченіе 55 лѣтъ церкви и отечеству въ тобольской,

иркутской и енисейской епархіяхъ, въ санѣ діакона, священника–миссіонера и настоятеля. Примѣчательно 20–лѣтнее ревностное его служеніе въ должности миссіонера среди разныхъ сибирскихъ инородцевъ, при чемъ просвѣщено имъ и присоединено къ церкви до 4,000 душъ.

1 апрѣля. Невостревъ, Александръ Ивановичъ, протоіерей, 65 лѣтъ. Одинъ изъ достойнѣйшихъ представителей московскаго духовенства; ученый богословъ, добросовѣстный и ревностный служитель церкви. Онъ обучался сначала въ вятской семинаріи, потомъ въ московской дух. академіи, откуда вышелъ въ 1830 году магистромъ. Послѣ профессорства въ семинаріи и въ академіи и священнослуженія въ г. Коломнѣ, былъ съ 1841 по 1848 г. законоучителемъ въ московскомъ много добраго дѣйствія на нравственное образованіе воспитанницъ искренно его любившихъ. Послѣ того 24 года служилъ протоіереемъ Казанскаго собора въ Москвѣ, гдѣ имъ принято было за обычай еженедѣльно говорить народу бесѣды и поученія живымъ словомъ. Онъ зналъ хорошо, кромѣ трехъ древнихъ языковъ, и три новые. Вся жизнь его была трудомъ непрестаннымъ; не выходя почти изъ дому, онъ проводилъ все свое время въ ученыхъ занятіяхъ, собралъ

значительную богословскую библиотечку и занимался нерѣдко, по порученію покойнаго митр. Филарета, работами требовавшими особенной учености и особаго терпѣнія. Примѣчательно, что Невоструевъ употреблялъ и денежныя свои средства на пользу духовнаго просвѣщенія московской дух. академіи; по случаю ея юбилея онъ пожертвовалъ 10,000 р. и такую же сумму предоставилъ моск. епархіальному начальству на академическое образованіе одного изъ бѣдныхъ заштатныхъ священниковъ.

23 мая. М о н ю ш к о , извѣстный композиторъ въ Варшавѣ.

Въ июнь. Ростовская, Марья Ѳедоровна, урожденная Львова, извѣстная въ литературѣ множествомъ изданныхъ ею книгъ для дѣтскаго чтенія. Сочиненія Ростовской писаны съ талантомъ и умѣньемъ и читались дѣтьми съ особеннымъ интересомъ. Ея направленіе было всегда строго нравственное и патріотическое. Она любила природу и умѣла возбуждать въ юныхъ своихъ читателяхъ это животворное чувство. Въ послѣдніе годы была она издательницей пріобрѣтшаго извѣстность журнала „Семейные Вечера”.

14 июня. У т и н ъ , Борисъ Исааковичъ, бывшій профессоръ государственнаго права въ

петербургскомъ университетѣ, а въ послѣдніе годы членъ спб. судебной палаты. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ серьезныхъ дѣятелей юридической науки въ Россіи и работалъ для нея основательно и добросовѣстно. Сочиненія свои печаталъ онъ большею частію въ журналахъ (статьи по предметамъ государственнаго и гражданскаго права); въ послѣднее время статьи его появлялись въ „Вѣстникъ Европы” и въ „Журналъ Гражд. и Торговаго Права”. Умеръ отъ чахотки въ Цюрихѣ, куда уѣхалъ на лѣтнюю вакацію.

20 июня. Гильфердингъ, Александръ Ѳедоровичъ, ученый славянистъ и филологъ, предсѣдатель петербургскаго отдѣла славянскаго комитета, помощникъ статсъ-секретаря въ канцеляріи главнаго комитета по крестьянскому дѣлу (род. 1831 г.). Воспитавшись въ Москвѣ въ университетѣ, подъ вліяніемъ Хомякова и въ кругу его, онъ посвятилъ свою дѣятельность изученію славянскаго міра въ филологическомъ, этнографическомъ и политическомъ отношеніяхъ и современнымъ интересамъ славянства; съ этою цѣлью совершалъ неоднократно путешествіе по славянскимъ землямъ. Но эти особливья изысканія въ средѣ общеславянской не мѣшали ему столь же ревностно заниматься изслѣдованіемъ по русской этнографіи и по

русской исторіи и служить русскому дѣлу повсюду гдѣ онъ призванъ былъ дѣйствовать. Дѣятельность его проявлялась главнымъ образомъ въ литературѣ, въ которой онъ оставилъ множество изслѣдованій, историческихъ и политическихъ сочиненій, всегда основательныхъ, всегда носящихъ слѣдъ обстоятельныхъ ученыхъ изысканій, всегда проникнутыхъ серьезною мыслию. Кончина его была горькою потерей для русской науки и для того дѣла, которому онъ посвятилъ себя. Онъ простудился въ поѣздкѣ предпринятой въ Олонецкую губ. для этнографическихъ изслѣдованій и скончался въ Каргополѣ. Похороненъ въ Петербургѣ въ Дѣвичьемъ монастырѣ.

12 июня. Пекарскій, Петр Петровичъ, академикъ (род. 1827 г.); достойный и почтенный дѣятель исторической науки, которая потеряла въ немъ много. Съ 50-хъ годовъ начались его труды по разработкѣ въ русской исторіи XVIII столѣтія, которою онъ преимущественно занимался. Они были всегда основаны на тщательномъ изученіи историческихъ матеріаловъ, которые во множествѣ собиралъ и разработывалъ самъ онъ непосредственно. Онъ былъ скромень и не величался своими работами, но трудился неутомимо. Друзья любили его за

всегдашнюю прямоту мысли, сердечную доброту и честность убѣжденій. Изъ трудовъ его наиболѣ цѣнны изданные отдѣльно: *Наука и литература въ Россіи при Петръ В. 2 тома. 1863 г. Маркизь де ла Шетарди въ Россіи. 1862. Исторія Императорской академіи наукъ.*

15 іюня. Никольскій, Иванъ Демидовичъ, 87 лѣтъ, священникъ Саввинской на Дѣвичьемъ полѣ церкви въ Москвѣ, послѣдній изъ представителей московскаго духовенства, бывшій священникомъ въ 1812 году при занятіи Москвы французами. Онъ пользовался общимъ въ Москвѣ уваженіемъ по своей благочестивой жизни и по простотѣ и обилію сердечной вѣры, которая многимъ послужила на утвержденіе и утѣшеніе. Оттого многіе избирали о. Никольскаго духовнымъ отцомъ своимъ. Въ числѣ ихъ былъ Н. В. Гоголь часто съ нимъ бесѣдовавшій: надъ гробомъ Гоголя о. Іоаннъ читалъ разрѣшительную молитву.

16 іюня. Садовскій, Провъ Мих., даровитѣйшій русскій комикъ, артистъ московскаго театра.

19 іюня. Потемкинъ, Александръ Мих. въ Петербургѣ, почетный опекунъ с.-петербургскаго опекунскаго совѣта, типично добрый человекъ, богачъ благотворитель, супругъ извѣстной Татьяны Борисовны Потемкиной.

Въ июль. Баронъ Унгернъ — Штернбергъ, извѣстный строитель желѣзныхъ дорогъ. Человѣкъ многосторонняго образованія и ума замѣчательнаго. Близкое знакомство съ природою и бытомъ Европы и Америки, приобрѣтенное во время частыхъ его поѣздокъ, основательныя техническія свѣдѣнія, обширныя связи и знакомства съ замѣчательными людьми въ разныхъ слояхъ европейскаго общества и въ Россіи — все это придавало разговору съ нимъ особенный интересъ, и общество потеряло въ немъ одного изъ пріятнѣйшихъ собесѣдниковъ.

15 августа. Палаузовъ, Спиридонъ Николаевичъ, членъ археографической комиссіи, извѣстный учеными своими трудами по изданію лѣтописей и сочиненіями объ исторіи болгаръ и южныхъ славянъ.

2 сентября. Кн. Голицынъ, Юрій Николаевичъ, извѣстный русскій авантюристъ, замѣчательный по приключеніямъ своей жизни и по своимъ музыкальнымъ дарованіямъ. Превосходный хоръ, собранный имъ и обученный, долго останется въ памяти у любителей русскаго церковнаго и народнаго пѣнія.

8 сентября. Авраамій, архимандритъ, настоятель Троицкаго монастыря въ г. Алатыри (

род. 1805 г.) Извѣстенъ былъ въ народѣ своею строго—благочестивою жизнью и христіанскими добродѣтелями; все чтъ у него ни было онъ всегда раздавалъ бѣднымъ. Замѣчательно, что, бывъ еще въ силахъ, онъ предвидѣлъ свою кончину, приготовился къ погребенію и умеръ безъ болѣзни. За нѣсколько часовъ до смерти весь городъ отъ мала до велика приходилъ прощаться съ нимъ, и на погребеніе его стеченіе народа изъ изъ города и уѣзда было невиданное, съ великою о немъ скорбью.

16 сентября. — М а т ю ш к и н ъ , Федоръ Федоровичъ, адмиралъ, сенаторъ, первоприсутствовавшій во 2 отд. 5 деп. сената, товарищъ Пушкина по лицу.

22 сентября. Д а л ь , Владиміръ Ивановичъ, извѣстный талантливый писатель и составитель драгоценнаго „Толковаго словаря русскаго языка“. Происходя отъ датской крови, лютеранинъ по рожденію, Даль былъ съ самага дѣтства своего, по всему складу душевному, по стремленіямъ, словамъ и дѣламъ своимъ, русскимъ челоукомъ и поборникомъ за все русское; а передъ смертю присоединился и къ русской церкви. Отличительными качествами его были — душевная прямота, строгость правилъ, простота жизни и слова и горячая ревность о правдѣ. Чуждаясь всего фальшиваго и

искусственного, онъ и говорилъ и писалъ, и дѣйствовалъ просто и прямо, безъ хитрости. Многосторонняя его дѣятельность въ разныхъ концахъ Россіи помогла ему пріобрѣсть замѣчательныя опытыя свѣдѣнія въ разныхъ частяхъ, и рѣдкое между русскимъ образованными людьми знаніе народнаго быта. Сочиненія, отличающіяся прежде всего особенною чистотою русской рѣчи имѣютъ много литературныхъ достоинствъ, которыхъ значеніе должно возрости современемъ. Въ наше время, когда преобладаютъ въ литературѣ и въ критикѣ искусственныя мысли, предвзятая теорія и рѣчь искусственная, нельзя еще ожидать сочиненіямъ Даля вѣрной оцѣнки по достоинству.

18 октября. С о б о л ь щ и к о в ь , извѣстный въ Россіи и за границею архитекторъ и знатокъ библіотечнаго дѣла. Онъ былъ главнымъ дѣятелемъ въ новомъ устройствѣ Импер. публ. библіотеки, особливо по плану читальни и по собранію иноязычныхъ писателей о Россіи. Въ литературѣ извѣстны популярныя его сочиненія о печномъ мастерствѣ и о предохраненіи домовъ отъ холода, сырости и духоты.

24 октября. Т ю р и н ь , Александръ Ѳедоровичъ, сенаторъ; прежде того старшій чиновникъ II отд. собств. Его Величества канцеляріи. Труды по изслѣдованію источниковъ

русскаго гражданскаго права и по редакціи X тома св. законовъ принесли много пользы дѣлу русской кодификаціи; въ II отд. собств. канц. онъ былъ по истинѣ самымъ ревностнымъ и даровитымъ дѣятелемъ. Работалъ онъ не для виду только и не изъ выслуги, но по любви къ дѣлу, которымъ занимался всегда добросовѣстно и съ тою скромностію, которая не смущается заботою о чести труда и о наградѣ за трудъ. Къ несчастью, злая чахотка прервала многополезную дѣятельность Тюриня, удалила его изъ Петербурга на островъ Мадеру и унесла въ могилу по возвращеніи.

Въ ноябрь — Епанчинъ, Николай Петровичъ, адмиралъ, членъ адмиралтействъ-совѣта — ветеранъ морской службы, которой ему считалось 70 лѣтъ.

27 ноября — Шнейдеръ, Василій Васильевичъ, заслуженный профессоръ римскаго права и римской словесности въ с.п.б. университетѣ и въ училищѣ правовѣдѣнія. Цѣлыя поколѣнія одно за другимъ проходили курсъ римскаго права по его лекціямъ. Онъ вышелъ въ отставку лѣтъ 10 тому назадъ и скончался въ дряхлой старости въ Петербургѣ.

27 ноября — Хмыровъ, Михайль Дмитріевичъ, въ Петербургѣ, — литераторъ, любитель русской старины и библіографъ. Въ

журналахъ 60-хъ годовъ помѣщено имъ множество изслѣдованій и статей относящихся до русской исторіи, преимущественно 18-го столѣтія. Замѣчательна составленная имъ бібліотека изъ всѣхъ издававшихся въ Россіи журналовъ и газетъ за 20 лѣтъ.

29 ноября — Невоструевъ, Капитонъ Ивановичъ, членъ академіи наукъ, профессоръ моск. дух. семинаріи. Онъ извѣстенъ своими замѣчательными открытіями и превосходными изслѣдованіями по церковной археологіи. Въ ученое мѣсто славится образцовое *Описаніе славянскихъ рукописей московской синодальной бібліотеки*, составленное Невоструевымъ при участіи проф. моск. дух. акад. А. В. Горскаго, и сверхъ того изданное имъ *Слово св. Ипполита объ антихристѣ*. Книга особенно важная въ полемикѣ съ расколомъ. Невоструевъ можетъ служить образцомъ ученаго посвятившаго себя наукѣ беззаветно. Двадцать пять лѣтъ трудился онъ безъ усталы, днемъ и ночью, въ ученыхъ изысканіяхъ, терпя немалую нужду, въ сырой и неудобной квартирѣ, на скудномъ содержаніи (сначала 375 р., потомъ 700 р. въ годъ). На эти скудные средства онъ долженъ былъ еще снабжать себя книгами и учеными пособіями для трудовъ своихъ. Простота души его и скромность духа были удивительныя. Довольствуюсь

малымъ, онъ питался самою скудною пищею, и остатки бѣднаго своего обѣда отдавалъ нищимъ около Кремля (квартира его была въ Чудовѣ). Однажды накопилъ онъ изъ бѣдныхъ средствъ своихъ до 500 рублей — для покупки дорогаго ученаго изданія, о приобретеніи коего давно мечталъ. Эти деньги составляли все его достояніе, но въ ту пору открылась восточная война — и Невоструевъ, не задумываясь, принесъ свои 500 рублей цѣликомъ на жертву отечеству.

21 декабря. **К а ч е н о в с к і й**, Дмитрій Ивановичъ, профессоръ международнаго права и государств. права европейскихъ державъ въ харьковскомъ университетѣ; молодой, даровитый ученый, много потрудившійся и еще болѣе обѣщавшій для русской науки. Ученые труды его по международному праву извѣстны не только въ Россіи, но и за границую, гдѣ онъ былъ сотрудникомъ юридическихъ журналовъ. Кромѣ многихъ журнальныхъ статей, особо изданы имъ *курсъ международнаго права*, и разсужденія: *о каперахъ, объ исторіи и современномъ состояніи политическихъ наукъ въ Европѣ*.

30 декабря. **С е м е н о в ь**, Викторъ Семеновичъ, предсѣдатель ученаго комитета въ департаментѣ мин. гос. им., вице-инспекторъ корпуса лѣсничихъ, предсѣдатель лѣснаго общества.

30 декабря. К у р б а т о в ъ , Петръ Адександровичъ, въ Москвѣ, на 87 году жизни. Московскій сторожилъ, состоявшій въ близкій отношеніяхъ съ главными представителями литературной дѣятельности первой четверти нынѣшняго столѣтія, другъ многихъ значительныхъ масоновъ и самъ считавшійся масономъ. Въ теченіе 35 лѣтъ (съ 1816 по 1851 годъ) былъ директоромъ типографіи московскаго университета, а съ 1826 по 1830 г. директоромъ университетскаго благороднаго пансіона. По душевнымъ свойствамъ, по добродушію, благочестію и благотворительной жизни пользовался общимъ уваженіемъ въ Москвѣ. По выходѣ въ отставку остальное время жизни прожилъ онъ въ своемъ, многимъ извѣстномъ домикѣ въ Грузинахъ, въ совершенной тишинѣ и уединеніи, вовсе не показываясь въ обществѣ.

Сверхъ того въ минувшемъ году скончались:

Графъ К и с е л е в ъ , Павель Дмитріевичъ, русскій государственный человѣкъ, въ полномъ смыслѣ слова, бывшій министръ государственныхъ имуществъ и русскій посоль въ Парижѣ.

Д а н н е н б е р ъ , Петръ Андреевичъ, генераль отъ инф., членъ военнаго совѣта.

М е р х и л е в и ч ъ, Сигизм. Венедикт., генераль отъ артил., членъ военнаго совѣта, предсѣдатель военно-тюремнаго комитета.

С к а л о н ъ, Антонъ Антоновичъ, генер.-лейт., членъ главнаго военнаго суда.

Б р е д и х и н ъ, Ив. Алекс., врачъ, профессоръ московскаго университета.

Я н у ш к е в и ч ъ, Людвигъ Ив. (въ Петербургѣ), и Шипулинскій, извѣстные врачи.

К е л ь с і е в ъ, извѣстный авантюристъ и литераторъ, русскій эмигрантъ мечтавшій произвести агитацію мѣжду русскими раскольниками въ Россіи и заграницей. Разочаровавшись въ мечтахъ, онъ добровольно вернулся въ Россію и занимался до конца жизни литературными трудами въ Петербургѣ.

ЕРАЛАШЪ.

Вѣсти со всего міра.

ЗА ГРАНИЦЕЮ.

Похороны Наполеона III.

Похороны Наполеона III въ Числьгёрстѣ происходили ¹⁷/₅ января. Къ этому дню съ

ранняго утра туда прибыло около 20,000 человекъ.

Въ числѣ прибывшихъ на эту церемонію людей обратили на себя всего болѣе вниманіе депутаціи отъ французскихъ рабочихъ изъ Парижа и Лиля, числомъ около 50.

Были-ли ли это настоящіе рабочіе или актеры въ ихъ роли — никто не знаетъ. Во всякомъ случаѣ видъ синихъ блузъ показался всѣмъ страннымъ, ибо у рабочихъ, есть платья общегражданскія, которыя приличнѣе были бы для церемоніи чѣмъ старыя блузы. Во главѣ этихъ блузниковъ выступалъ съ трехцвѣтнымъ знаменемъ въ рукахъ какой-то журналистъ.

Королева и наслѣдный принцъ Англіи прислали на похороны своихъ представителей. Лондонъ присутствовалъ въ лицѣ своего лорда-мера и двухъ шерифовъ. Италія прислала также своихъ представителей. Французскіе офицеры, за исключеніемъ одного, щеголявшаго въ мундирѣ, были въ черныхъ фракахъ. Императорскій принцъ, втайнѣ провозглашенный Наполеономъ IV-мъ, шелъ во главѣ процессіи, на его блѣдномъ лицѣ виднѣлось выраженіе сосредоточенной скорби. Императрицы никто въ этотъ день не видѣлъ. Изъ бонапартистовъ присутствовали всѣ главные ихъ представители: маршалы Канроберъ и Лебёфъ, затѣмъ Руэ и

Эмиль Оливье, нѣсколько священниковъ изъ арміи, изъ журналистовъ Поль-де-Кассаньякъ, депутаты отъ бывшихъ законодательнаго корпуса, государственнаго совѣта, сената, нѣсколько эксъ-префектовъ и наконецъ множество лицъ разныхъ націй и положеній, между которыми, относительно разумѣется, англійская аристократія дала самый большой контингентъ представителей, въ особенности женскаго пола.

Полиція поразила всѣхъ своимъ избыткомъ; опасались демонстрацій; но всѣ прошло спокойно. Неизвѣстно почему, но достовѣрно, что императорскій принцъ послѣ окончанія богослуженія подошелъ только къ рабочимъ, блузникамъ, занимавшимъ въ маленькой церкви самое видное мѣсто, и благодарилъ ихъ, на что эти рабочіе въ отвѣтъ закричали: *vive L'empereur!*

Колесницу везли 8 лошадей. На всемъ пути шествія толпа зрителей съ обнаженными головами хранила почтительное молчаніе. Но всѣхъ неприличнѣе вели себя участвующіе въ кортежѣ; надо полагать, что неприличіе это было особенно замѣтно, ибо англійскія газеты говорятъ о немъ съ негодованіемъ.

Въ сущности эта грустная сама по себѣ церемонія еще грустнѣе была тѣмъ, что всякій какъ будто понималъ, какъ мало изъ того что

было живо вокругъ этого гроба унесшаго съ собою фетиша Франціи, оставались достойнымъ уваженія! Гробъ этотъ, медленно направлявшійся къ могилѣ, какъ будто обнажалъ ничтожность окружающаго его міра, и чѣмъ ближе онъ подходилъ къ могилѣ, тѣмъ казалось, все болѣе и болѣе обнажалось это нравственное ничтожество всего что пережило числьгёрстскаго изгнанника.

На погребеніе Наполеона III прибыли и „коммунисты“, но, разумѣется, желая не почитать, а оскорбить его память какимъ нибудь скандаломъ.

Но вѣроятно, какъ всегда храбрые, они испугались избытка полиціи.

* * *

Критическое положеніе итальянскаго короля.

Король Викторъ-Эммануиль находятся въ плохихъ обстоятельствахъ. Онъ хочетъ во что бы ни стало сдѣлать официальнымъ свой тайный бракъ съ графинею Монтефіоре, вопреки наслѣдному принцу и всѣмъ представителямъ политическаго міра своего государства, и сверхъ того, изнемогая подъ бременемъ долговъ, онъ встрѣчаетъ почти непреодолимые затрудненія къ займу денегъ.

Правда, что заемъ ему нужный для поправленія своихъ домашнихъ дѣлъ довольно крупень и простирается до 7 мил. франковъ, правда и то, что онъ уже долженъ 3 мил. Ротшильдамъ, но все же странно себѣ представить короля Италіи объявленнымъ несостоятельнымъ и не стоящимъ кредита должникомъ. Во всякомъ случаѣ, газеты говорятъ, что частные банки ему—де наотрѣзь отказали въ ссудѣ денегъ, а принцъ Гумбертъ наотрѣзь отказалъ признать графиню Монтефіоре королевою. Трудно себѣ представить болѣе критическое положеніе для коронованной особы.

* * *

Ужаснѣйшій пожаръ въ домѣ умалишенныхъ въ Америкѣ.

Въ Америкѣ всякое событіе принимаетъ американскіе, то есть громадныя размѣры. Пожары являются тамъ какимъ то беспощаднымъ въ своихъ размѣрахъ бѣдствіемъ, не смотря на то, что мѣра противъ пожара, какъ относительно образа постройки, такъ и относительно способовъ борьбы съ пожарами, въ свою очередь отличаются отъ европейскихъ своимъ постояннымъ совершенствованіемъ.

Къ числу такихъ бѣдствій въ крупныхъ размѣрахъ принадлежитъ пожаръ въ каменномъ домѣ умалишенныхъ съ 500 больными въ Ньюбери на сѣверѣ Огіо. Въ самомъ началѣ пожара начальство заведенія встрѣтило въ бѣдныхъ больныхъ сопротивленіе всякимъ спасительнымъ мѣрамъ; видъ пожирающаго пламени произвелъ на массу больныхъ тоже дѣйствиѣ, что на лошадей: на нихъ нашель столбнякъ; они стали сопротивляться выводу ихъ изъ зданія, принялись кричать, плакать, валяться по полу, но не двигались изъ своихъ помѣщеній, такъ что почти каждого изъ больныхъ пришлось выводить и выносить насильно. Всѣхъ этихъ пятьсотъ призрѣваемыхъ расположили вблизи отъ мѣста пожара на полѣ и поручили охранѣ населенію ближайшаго города, съ тѣмъ чтобы оно совмѣстно съ начальниками и сторожами заведенія озаботилось приисканіемъ имъ временнаго помѣщенія. Сгорѣло только 6 лицъ. Убытку отъ пожара произошло до 500,000 долларовъ или 600,000 рублей. Немедленно правительствомъ приняты мѣры къ возобновленію зданія.

* * *

Печать въ Турціи.

Въ Константинополѣ издаются 43 повременныхъ изданія, а именно: 19 ежедневныхъ, изъ коихъ 5 на турецкомъ языкѣ, 4 на французскомъ 2 англо-французскихъ, 5 на армянскомъ языкѣ, 3 на греческомъ; затѣмъ 5 разъ въ недѣлю выходятъ 4 турецкихъ изданія; 3 раза въ недѣлю 1 армянское и 1 греческое; 2 раза въ недѣлю — 9 изданій: 3 армянскихъ, 2 турецкихъ, 2 болгарскихъ и 2 французскихъ; еженедѣльныхъ изданій 7: 3 армянскихъ, 2 греческихъ и 2 французскихъ; наконецъ 2 раза въ мѣсяць выходитъ 1 изданіе греческое и сверхъ того безъ опредѣленнаго срока выходитъ 1 изданіе турецкое для дамъ. Нѣмецкія изданія, несмотря на сдѣланныя попытки, не удаются.

* * *

Иностранцы чиновники въ Японіи.

По новѣйшимъ свѣдѣніямъ иностранцевъ занимающихъ въ Японіи должности государственной службы числится до 300 человекъ; по національностямъ они распредѣляются слѣдующимъ образомъ: 41 американецъ, 170 англичанъ, 69 французовъ, и т. д.

* * *

Полиція и народное образование въ Берлинѣ,
Вѣнѣ и С.–Петербургѣ.

Не ручаясь за достовѣрность цифръ, заимствуемъ изъ „Education Nationale“, парижскаго изданія, слѣдующія данныя, не лишенныя интереса:

Городъ издерживаетъ:

въ С.–Петербургѣ на полицію	51 %	на
школы.	1 %	
„ Вѣнѣ.	21 %	
.	9 %	
„ Берлинѣ.	31 %	
.	14 %	

* *
* *

Чехъ, поросенокъ и король Венгріи.

Какой–то крестьянинъ чехъ, по случаю украденнаго у него со двора поросенка, претерпѣвъ всевозможныя неудачи при хожденіи по этому дѣлу въ полиціи и мѣстныхъ судахъ, рѣшился отправиться съ жалобою къ самому императору, который въ то время королемъ Венгріи жилъ въ Офенѣ. Пришедши пѣшкомъ въ Офенъ, онъ имѣлъ счастье, подходя ко дворцу,

встрѣтитъ короля Венгріи верхомъ возвращающагося съ прогулки.

— Откуда вы? спрашиваетъ крестьянина король.

— Изъ Чехіи, ваше величество.

— Что же вамъ нужно?

Крестьянинъ разсказаль всю свою исторію про украденнаго поросенка.

Король засмѣялся и затѣмъ началъ разспрашивать чеха о его житьѣ—бытьѣ.

— Въ сущности, съ которыхъ поръ чехи перешли на лѣвую сторону?

— А съ тѣхъ поръ вѣроятно, ваше величество, какъ приходится даже изъ—за поросенка таскаться въ Офень, отвѣчалъ крестьянинъ.

* * *

„La femme de Claude” — новая комедія
Александра Дюма—сына.

Тому годъ назадъ Дюма—сынъ издалъ книгу „L'homme femme”, имѣвшую чуть ли не 30 изданій въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Книженку эту прочель весь читающій міръ Европы и Америки; въ ней, говоря о женщинѣ—супругѣ, почтенный авторъ между прочимъ даетъ слѣдующій совѣтъ своему воображаемому сыну: если жена твоя тебя обманеть — убей ее.

Этотъ новый принципъ религии Дюма—сына — авторъ вздумалъ провести въ трехъ—актной комедіи „La femme de Claude”, сводящей съ ума весь Парижъ въ настоящую минуту.

Конецъ этой комедіи дѣйствительно новъ: мужъ цѣлится въ невѣрную жену изъ ружья и убиваетъ ее, говоря: „voleuse”! (воровка).

Невѣрная жена падаетъ мертвою!

Но любопытно и замѣчательно въ этой пьесѣ то, что авторъ именно этою пьесою доказалъ, какъ никуда не годенъ и не выдерживаетъ критики его принципъ нравственности, о которомъ мы сейчасъ сказали по поводу его книжки „L' homme femme”.

„Voleuse”, говоритъ Claude въ комедіи Дюма—сына, и убиваетъ жену свою Cesarine, въ ту минуту, когда застаетъ ее ворующей изъ ящика его рисунки и чертежи имъ сдѣланнаго новой системы ружья, съ цѣлью это открытіе продать своему любовнику и его врагу.

Но означаетъ ли это слово „voleuse”, что авторъ рѣшился дать ружье въ руки мужу для убійства жены только тогда, когда эта жена сдѣлалась воровкою, а не тогда, когда она ему измѣнила.

* * *

ИЗВѢСТІЯ У НАСЪ.

**Безтактность иныхъ провинціальныхъ
корреспондентовъ газетъ.**

Грѣшный человѣкъ, каюсь, не могу, читая подчасъ, провинціальныя корреспонденціи въ нашихъ газетахъ не представлять себѣ иного корреспондента иначе какъ въ образѣ того домашняго животнаго, которое такъ любитъ рыться въ самыхъ нечистыхъ углахъ того двора, гдѣ имѣетъ жительство, и хрюканьемъ своимъ какъ будто говорить: „эхъ, люди, люди, какія вы право св... не понимаете наслажденія съ утра до вечера рыться въ грязи!“

Но изъ всѣхъ скандальныхъ и грязныхъ корреспонденцій изъ провинціи, возмущаютъ всего болѣе тѣ, которыя съ особеннымъ злорадствомъ и наслажденіемъ описываютъ какіе либо скандалы относящіеся къ нашимъ священникамъ.

Неужели между нами такъ мало понимающихъ на сколько такая безтактность предосудительна и вредна для нашего безъ того уже ничего не уважающаго общества и безъ того мало уважаемаго духовенства!

Все дѣло въ тонѣ и образѣ изложенія. Можно рассказать фактъ такъ, чтобы уваженіе къ сану священника не было оскорбляемо, можно и такъ

изложить, чтобы ясно видно было, что скандалъ здѣсь только предлогъ, а цѣль оскорбить именно *санъ священника*. И вотъ этотъ то послѣдній тонъ всего чаще мы встрѣчаемъ въ разсказахъ о священникахъ.

* * *

По этому поводу приводимъ изъ газеты „Современность“ интересное письмо одного изъ сельскихъ священниковъ, изъ Владимірской губерніи, въ отвѣтъ на корреспонденцію газеты „Голось“, съ особеннымъ злорадствомъ оскорбляющую этого священника.

„Въ № 84 газеты „Современность“, со словъ газеты „Голось“, перепечатано было извѣстіе о жалобѣ прихожанъ на своего приходскаго священника Г. С. (т. е. меня, Григорья Соловьева), въ томъ, что будто онъ поступаетъ съ своей паствой не по священству. Долгомъ считаю отвѣтить пишущему, что ложь всегда сама собой падаетъ.

„Такъ: пишутъ, будто приглашаютъ священника за четыре версты напутствовать умирающую крестьянку, а священникъ не ѣдетъ, и требуетъ впередъ пять рублей. Но, во первыхъ, не четыре, а пять верстъ отъ нашего погоста до деревни Симонцева. Во вторыхъ, положительно невѣрно, будто меня приглашали и будто я безъ

пяти рублей не ѣхаль. Въ самой жалобѣ этого не говорится. Сама крестьянка Васса Иванова подъ присягой показала слѣдующее: „я подводы за священникомъ не присылала, а пѣшемъ я дошла только до погоста, и мнѣ кто то, не упомню, встрѣтись со мной на погостѣ, сказалъ, что священника дома нѣтъ; я къ нему и не ходила и болѣе никого не просила о причащеніи больной матери моей". По спросу всѣхъ живущихъ въ нашемъ погостѣ Саваркѣ, никто не сказалъ, чтобы кто нибудь видѣлъ эту Вассу Иванову приходящую не только ко мнѣ, но и на погостъ нашъ. Спрашивается теперь: съ кого же я спросилъ пять рублей и кто меня приглашалъ для напутствованія больной Дарьи Ѳедоровой?

„Пишуть далѣе въ „Голосѣ", что привозять хоронить тѣло, а священникъ не хоронить: „умерла—де безъ покаянія. Везуть трупъ обратно домой и онъ пять дней остается безъ погребенія. Хорошо, что, по требованію крестьянъ, вмѣшалась полиція и заставила похоронить покойницу". Но дѣло было вовсе не такъ, какъ пишетъ корреспондентъ „Голоса", а вотъ какъ: января 6 дня предъ литургіею приходитъ ко мнѣ рядовой Сергѣй Ивановъ и просить позволенія рыть могилу! На спросъ мой, для кого, — онъ отвѣтилъ, что „въ ночи умерла моя мать". Конечно, я, какъ ничего не знавшій ни о болѣзни,

ни о смерти его матери, сказалъ ему: „нѣтъ, подожди рыть могилу, а также и привозить мать свою къ церкви“; а самъ сейчасъ же позвалъ притчъ и объявилъ ему объ этомъ. Согласились донести объ этомъ становому приставу, хотя солдатъ и просилъ насъ не объявлять полиціи, и предлагалъ намъ три рубля за то, чтобы мы похоронили мать его не донося полиціи; но предложеніе его, конечно, нами было отвергнуто, и мы порѣшили донести полиціи; а такъ какъ настало уже время служить литургію, то я съ причтомъ и ушелъ въ церковь. По окончаніи литургіи, выходя изъ церкви, я увидѣлъ на паперти церкви гробъ умершей, и удивившись самоволію означеннаго солдата, приказалъ бывшему у богослуженія сотскому убрать гробъ съ паперти въ усыпальницу, находящуюся при нашей церкви. Меня, конечно, не послушали, оставили гробъ на паперти. Тогда я сотскому сейчасъ же далъ отношеніе къ становому приставу, въ которомъ обстоятельно все выяснилъ и просилъ его принять зависящія отъ него мѣры. Къ этому заявленію полиціи меня побуждало то, что дѣти умершей поведенія неодобрительнаго, а равно и то, что, не болѣе какъ за день до этого, я былъ въ деревнѣ Симонцевѣ тоже для пріобщенія больной крестьянки, а о болѣзни Дарьи Ѳедоровой мнѣ

никто ничего не говорилъ. На другой день вечеромъ прибылъ становой приставъ въ деревню Симонцево поздно вечеромъ. Какъ мнѣ рассказывали, понятые, въ числѣ шести человекъ, съ сотскимъ взяли гробъ съ паперти и увезли въ деревню Симонцево. Седьмого числа меня дома не было; я ѣздилъ въ городъ Вязники для погребенія моего близкаго родственника. Возвращаясь изъ Вязниковъ 8 числа въ половинѣ дня, я былъ остановленъ въ деревнѣ Симонцевѣ солдатомъ Сергѣемъ Ивановымъ, который подалъ мнѣ отношеніе становаго пристава. Прочитавши отношеніе, я отвѣтилъ: „привозите хотя сейчасъ же“. При этомъ Сергѣй Ивановъ выразилъ желаніе привезти тѣло завтра за литургію. Дѣйствительно слѣдующій день былъ воскресный; привезли, похоронили и ничего намъ за это не пожертвовали, а мы и не просили. Все это — какъ самъ Сергѣй Ивановъ, такъ и сотскій показали и подтвердили присягою. Спрашивается: справедливо ли то, будто, по требованію крестьянъ, въ это дѣло вмѣшивалась полиція и трупъ безъ погребенія оставался пять дней, какъ повѣствуетъ корреспондентъ „Голоса"? Сочтите дни съ 6 по 9 августа — сколько будетъ ихъ? Только *три*, а не *пять*. Позволю себѣ при этомъ спросить: какъ бы иначе поступилъ на моемъ мѣстѣ другой, поступающій

по священству? И что тутъ есть противнаго священству и незаконнаго? Если же дѣйствительно крестьянка Дарья Ѳедорова умерла безъ приобщенія по моему нерадѣнію, то для чего я сталъ бы доносить объ этомъ полиціи? Естественнѣе всего, я постарался бы скрыть это отъ полиціи и родныхъ ея успокоить, видя свою вину. Что касается неприобщенія мною святыхъ тайнъ крестьянки деревни Сколепова Прасковьи Дмитріевой, то скажу, что въ этомъ извѣстіи еще болѣе лжи. Вотъ что подъ присягой показала сноха ея, крестьянка Домна Артемьева: „свекровь моя изъ шести недѣль никогда не выходила изъ причастья. Умерла она приобщенною св. тайнъ и похоронена добрымъ порядкомъ, и при погребеніи притязаній со стороны причта никакихъ не было“. О крестьянкѣ Маріи Степановой скажу, что она и теперь еще жива и постоянно, какъ набожная старушка, приобщается святыхъ тайнъ, безъ приобщенія изъ церкви не уходила и не уходитъ, когда объ этомъ просить и желаетъ.

„Чтль же послѣ этого, заботливо спрашиваетъ лживый корреспондентъ „Голоса“, со священникомъ? Перемѣститъ въ другой приходъ? Да чѣмъ же, говоритъ онъ, виноваты будутъ прихожане, что имъ дадутъ такого (подразумѣвается: *никуда негоднаго*)

священника? Лишить его сана, спрашивает потомъ печальникъ—корреспондентъ „Голоса“, и отвѣчаетъ: „жаль семьи“. А я прибавлю: за что же лишить меня сана? Развѣ за недобросовѣстную ложь корреспондента „Голоса“ и за то, что я десять лѣтъ служу безъ порока и всячески стараюсь учить своихъ пасомыхъ добру, заботясь о возвышеніи ихъ въ нравственномъ отношеніи и наставляя ихъ, насколько умѣю, истинамъ православной вѣры?! По мнѣнію заботливаго корреспондента „Голоса“, нужно перевоспитать все духовенство, а для этого, говоритъ онъ, нужны годы, многіе годы, чтобы исправить 900—лѣтнюю порчу. Нужно ли, я думаю, перевоспитывать? Передовыхъ дѣятелей изъ духовенства не мало и ничѣмъ, кажется, не меньше, какъ и въ другихъ сословіяхъ. Да отъ кого и всѣ сословія получили первоначальное образованіе, какъ не отъ духовенства? Что касается 900—лѣтней порчи, то не нужно ли убавить этой цифры или не лучше ли совсѣмъ уничтожить ее? Современное духовенство нуждается въ радикальномъ нравственномъ перевоспитаніи столько же, сколько и все вообще русское общество. Что—же касается въ частности духовенства, то нужно позаботиться прежде всего о матеріальномъ обезпеченіи его, которое во всѣ времена и у всѣхъ народовъ служило

однимъ изъ сильнѣйшихъ рычаговъ въ дѣлѣ нравственнаго улучшенія общественной жизни. Бѣдность и приниженность заключаютъ въ себѣ слишкомъ мало гарантій къ возвышенію чьей бы то ни было нравственности.

„Корреспонденту „Голоса“ угодно было назвать меня не бѣднымъ. Какъ ни лестно слышать это, но не могу не заявить, что и это не правда, такъ какъ я не имѣю никакого богатства кромѣ долговъ. Да и отъ чего мнѣ быть богатымъ? Я сынъ бѣднѣйшаго отца, сельскаго пономаря, у котораго было восемь человѣкъ дѣтей и всѣхъ онъ воспиталъ, всѣхъ пристроилъ. Жену я взялъ сироту, а за ней въ приданое одинъ гнилой домъ, да еще четверыхъ сиротъ на воспитаніе, которыя, по моему же старанію, пристроились. Отъ прихода я получаю 200 рублей и изъ нихъ долженъ отдать сто и болѣе рублей работнику въ лѣто и другимъ рабочимъ при обработкѣ земли. Одинъ всего не успѣешь сдѣлать: отвлекаетъ должность, а если не работать, то нечѣмъ будетъ жить. Отъ того—то, какъ только есть свободное время отъ должности, и пашешь, и косишь, и молотишь, и все дѣлаешь тамъ. Незавидна доля сельскаго священника! А корреспондентъ „Голоса“ еще относитъ меня къ людямъ современнымъ. Куда намъ? Я не понимаю даже что это за

современность... По выраженію корреспондента, она „ѣсть и задаетъ меня“. Должно быть это что-то такое злое и кровожадное, и я боюсь ея. Корреспондентъ пишетъ, что жалоба подана епархіальному архіепископу *въ половинѣ* августа. Нѣтъ, она подана только 24 августа. Какъ же узналъ корреспондентъ объ ней раньше? Должно быть онъ состоитъ въ какихъ нибудь отношеніяхъ съ повѣреннымъ крестьянъ, подавшихъ на меня жалобу, По этому, я полагаю, небезызвѣстно писавшему, съ чего именно взялась эта жалоба? А если ему неизвѣстно, то прошу выслушать меня. Въ приходѣ нашемъ пожелалъ быть церковнымъ старостою или, правильнѣе сказать, пожелалъ числиться старостою церковнымъ помѣщикъ и дворянинъ Ш-л-въ. Такъ какъ я съ издѣтства не привыкъ кривить душою и измѣнять истинѣ, да и долгъ мой настаивать и благовременно и безвременно на правдѣ; то замѣчая разныя, несоотвѣтствующія должности старосты притязанія, а также неправильныя его дѣйствія въ распоряженіи по церкви и имуществу ея, дѣлалъ ему замѣчанія. Какъ дворянину, ему не понравилось. Ему хотѣлось, чтобы священникъ дѣлалъ все по его мановенію, ему желалось подчинить священника своей волѣ, хотѣлось, чтобы священникъ унижалъ себя предъ нимъ до рабства.

Но это ему не удалось. Что же дѣлать? Нужно отомстить за это, а себя не бросить лицомъ въ грязь. Вотъ просить онъ прихожанъ: „Напишите мнѣ приговоръ на священника, что мы его не желаемъ, что онъ вотъ и то, и то дѣлаеть, а я уже буду ходатайствовать у преосвященнаго о перемѣнѣ его; а если не напишете, то я не буду служить, я не могу съ нимъ служить. Вы мнѣ только напишете, а тамъ ужъ мое будетъ дѣло, я васъ отъ всего освобожу!"

* * *

Вопіющія слезы крестьянина.

Изъ той же газеты „Современность" заимствуемъ слѣдующій интересный и живой рассказъ изъ крестьянскаго быта Смоленской губ. Гжатскаго уѣзда.

„Слезы каждаго вообще человѣка всегда бываютъ жгучи, когда онъ плачетъ отъ горя. Въ такихъ точно слезахъ иногда выражаетъ свое горе и крестьянинъ. Мнѣ на дняхъ пришлось видѣть эти жгучія слезы. Это обстоятельство такъ тронуло меня, причины, вызывавшія эти слезы, на столько возмутительны, что я рѣшился предать этотъ фактъ гласности. Дѣло вотъ въ чемъ. Гжатскаго уѣзда (Смолен. губ.) крестьяне села Дятлова состоятъ на выкупѣ и платежи

выкупные доселѣ платили неисправно. Вслѣдствіе понужденія со стороны мирового посредника къ сбору платежей, у неплательщиковъ описали скоть и назначили продажу на 14 декабря прошлаго 1872 года. Одинъ изъ крестьянъ этого села, Фетисъ Панкратовъ уплатилъ еще прежде выкупные платежи и потому его скоть въ продажу назначенъ не былъ. На торги явилось два покупателя—товарищи, торгующіе вмѣстѣ, заедино. Торги начались. Обошли все село; торги кончились. Покупатели, возвращаясь чрезъ слободу на другой конецъ, упрекали сельскаго старосту Петра Семенова: „что же ты насъ цѣльный день проволочилъ, и мы пользы и на рубль не получили, а призвалъ насъ"... Тогда староста, подойдя къ избѣ Фетиса Панкратова, около которой сей послѣдній стоялъ, сталъ требовать чтобы онъ засыпалъ въ магазинъ 2 куля овса, которые онъ бралъ на посѣвъ; на это Панкратовъ объяснилъ, что еще большая часть крестьянъ не всыпали овесъ, онъ же завтра доставить, а теперъ уже поздно (было 5 ч. вечера), и къ тому же у него нѣтъ. Но староста требовалъ неотступно *сію минуту*, и не соглашаясь ждать не только до утра, но даже два часа, требовалъ *немедленной отдачи*. Когда же не могъ получить, то сейчасъ приступилъ къ

продажѣ скота, принадлежащаго крестьянину Панкратову; и сколько этотъ ни умолялъ старосту не продавать, обождать два часа, говоря, что онъ доставитъ непременно и предлагалъ въ залогъ скотину, — но староста былъ неумолимъ и скоть проданъ за 12 рублей. Покупатели—кулаки увели его. Продана корова стельная первымъ теленкомъ — стоящая 20 р.; телочка, около года, стоящая 5 р. и двѣ овцы—матки, изъ коихъ одна стоитъ 6 р. И такъ скоть, стоящій 31 руб., проданъ за 12 р. Послѣ этого рождается вопросъ, и не одинъ... и между прочимъ слѣдующіе: имѣлъ—ли право староста за овесъ брать деньги? Почему онъ не бралъ тогда, когда еще только былъ овесъ намолочень? Двѣнадцать ли рублей стоятъ 2 куля овса? Правильно ли произведена продажа безъ описи, безъ утвержденья посредника, безъ оповѣщенія о продажѣ, и притомъ позднѣе 2 часовъ по полудни! Не обязанъ ли былъ староста подождать до утра, или два—три часа, тѣмъ болѣе, что другіе и до сихъ поръ не всыпали еще?

„Какъ бы то ни было, крестьянинъ раззорень: человекъ онъ состоятельный, живетъ хорошо, но лишь денегъ въ тотъ день у него не было, а на завтра онъ приноситъ старшинѣ деньги, но старшина не принялъ, а скоть можно бы

возвратить еще, — онъ ночеваль у Панкратова и покупщики ночевали въ волостномъ правленіи.

„Когда узнала обо всемъ этомъ беременная жена Панкратова, то ахнула, и — какъ будто помѣшалась.

„Разсказывая мнѣ все описанное здѣсь, Фетисъ Панкратовъ плакаль... и — такъ плакаль, что едвали я забуду когда нибудь эти вопіющія слезы... Староста тотъ-же крестьянинъ, а между тѣмъ раззоряетъ своего сосѣда за чарку водки отъ кулака-покупателя"...

* * *

Турція какъ эдемъ.

Было время, когда поэты говорили: „Känsst du dass Land, wo die Citronen blühen" и туда, въ тѣ благодатныя края, направляли свои чистыя мечты!

На дняхъ мы узнаемъ изъ газетъ, что въ орловской гимназіи между молодежью (которая въ наше время была не менѣ поэтична самого Гёте), три гимназиста сговорились *бѣжать въ Турцію!*

Какая чепуха должно быть была у нихъ въ головѣ!

Но бѣда не въ этомъ, а въ томъ, что сговорились они въ то же время бѣжать на

украденныя однимъ изъ нихъ у отца своего деньги!

* * *

Адресъ женской гимназіи земству.

Энергія и настойчивость прекрасныя вещи! Въ томъ же Орлѣ воспитанницы женской гимназіи подали за поголовною подписью адресъ орловскому земскому собранію объ ассигнованіи 1,700 руб. на устройство физическаго кабинета.

Земство немедленно ихъ ассигновало!

О, если бы всѣ адреса такъ немедленно и точно исполнялись, какъ хорошо было бы жить на свѣтѣ.

* * *

Полезная инициатива моршанской уѣздной управы.

Моршанская уѣздная земская управа приняла на себя инициативу по отличному дѣлу: пріисканіе выгодныхъ для крестьянъ зимнихъ вечернихъ занятій.

* * *

Женскій вопросъ у киргизовъ.

Вотъ чтѣ пишутъ „Туркестанскія Вѣдомости“ о женскомъ вопросѣ между киргизами:

„Недовольство женщины своимъ положеніемъ, даже и въ настоящее время, лучше всего свидѣтельствуется тѣмъ непрерывнымъ рядомъ просьбъ о разводѣ, который приходится выслушивать начальнику уѣзда. Одинъ весьма умный киргизъ по справедливости выразился, что на Иссыкъ-кулѣ теперь разводы составляютъ „чинъ-улу-дау“, т. е. „самое старшее дѣло“.

„Протестъ женщины противъ своего положенія вызываетъ въ то же время протестъ мужчинъ, которые безпрестанно заявляютъ, что ежели будутъ много допускать разводовъ, то тогда многіе киргизы останутся безъ жень, особливо люди недостаточные, у которыхъ всѣ жены уйдутъ къ богатымъ.

„Такія заявленія показываютъ, что надобно быть осторожнымъ въ дѣлахъ разводныхъ.

„Женщина въ жизни киргизъ занимаетъ мѣсто гораздо низшее, въ сравненіи съ мужчиною; за убійство ея кунъ платится въ половину менѣе; вся работа домашняя лежитъ всецѣло на женщинѣ. Вьючить юрты, ставить ихъ, готовить кушанья, кормить дѣтей, доить скоть, обшивать семью — все это лежитъ на обязанности женщины. Проснувшійся мужъ потребууетъ ѣсть; поѣсть — сядетъ на лошадь, возьметъ ястреба или ружье,

отправится на охоту или подоѣтъ въ гости къ сосѣду; а въ это время жена, хотя бы и беременная, должна разобрать юрту, навьючить ее, рассадить на вьюки дѣтей и прицѣпивъ животныхъ другъ къ другу, кочевать съ этимъ караваномъ на новое мѣсто, гдѣ опять, ей же придется развьючить, поставить юрту и приготовить ѣсть проголодавшемуся мужу, который какъ разъ поспѣетъ домой къ тому времени, когда все готово. Переночевавъ, мужъ на другой день точно также покидаетъ семью и спѣшитъ куда нибудь разогнать скуку. Онъ знаетъ, что непременно наткнется на какое нибудь развлеченіе: свадьбу, разборъ дѣла біемъ, драку и т. п. На первой онъ посмотритъ на игры, на судѣ онъ послушаетъ, а въ дракѣ онъ приметъ чью нибудь сторону. Не выпадетъ на долю скучающему киргизу какое нибудь развлеченіе, въ родѣ сказанныхъ, онъ вспомнитъ какое нибудь старое дѣло съ товарищемъ, гдѣ послѣ баранты (чабара) его обдѣлили, и отправится къ бію взыскивать недоданное; онъ упорно настаиваетъ въ этомъ случаѣ чтобы товарищъ принялъ присягу, надѣясь, что такимъ средствомъ удастся ему сорвать, какъ говорится, что нибудь съ отвѣтчика. Вообще киргизы неохотно приступаютъ къ присягѣ и иногда готовы заплатить излишнее, только бы не подвергнуться

очистительной присягѣ. Не остается и подобныхъ дѣлъ, онъ вспомнить, что когда-то подарилъ пріятелю тамырству (дружбѣ) лошадь или ямбу, а тотъ не отдалъ его ничѣмъ. Занятіе найдено; киргизъ отправляется къ тамыру (пріятелю) и проситъ подарка; въ случаѣ отказа — требуетъ и отказывающаго тянетъ къ суду. Однимъ словомъ, по возможности, киргизъ найдетъ себѣ развлеченіе; но жена его не оторвется изъ юрты; уѣзжай она — и хозяйство пропало!"

* * *

Чайныя плантація на Кавказѣ.

Газета „Кавказъ" сообщаетъ, что составилось частное товарищество на Кавказѣ съ цѣлью осуществить проектъ разведенія чайныхъ плантацій. Товарищество это въ настоящее время занято опредѣленіемъ пунктовъ, пригодныхъ, сообразно условіямъ широты и долготы, для разведенія плантацій, такъ чтобы чайные кусты не нуждались въ акклиматизированіи, а изъ роднаго грунта пересаживались бы въ соотвѣтственный на Кавказѣ грунтъ.

* * *

Самоуправство крестьянъ.

Въ анналы крестьянской нынѣшней жизни начинаютъ вноситься факты, свидѣтельствующіе о томъ, увы, что мы уж давно предвидѣли — о дѣйстви *водки и пьянства на массы крестьянъ*.

Вотъ случай изъ крестьянской жизни Самарской губерніи, слишкомъ краснорѣчиво это доказывающій.

„Въ Самарской губерніи Самарскаго уѣзда, въ деревнѣ Григорьевкѣ крестьяне цѣлымъ сходомъ порѣшили убить двухъ своихъ односельчанъ, Василья Андронова и Севастьяна Келейнова. Первый былъ убитъ, второй, побитый, успѣлъ укрыться. „Самарскія Вѣдомости“ освѣщаютъ этотъ фактъ слѣдующими подробностями:

„Севастьянъ Келейновъ и Василій Андроновъ родные братья по матери. Оба самага дурнаго поведенія и воровство обратилось у нихъ въ промысель. Въ особенности Василій Андроновъ обременялъ общество своими вредными поступками, такъ что оно рѣшилось по приговору удалить его изъ среды своей. Приговоръ общества былъ исполненъ и Василій Андроновъ, въ числѣ другихъ, 28 іюня текущаго года отправленъ изъ г. Самары на парходѣ въ Тобольскую губернію на жительство. Между тѣмъ Андроновъ, во время ли слѣдованія или уже съ мѣста ссылки, успѣлъ бѣжать и въ недавнее время появился опять въ дер. Григорьевкѣ, гдѣ и

скрывался въ домахъ своихъ родственниковъ, съ цѣлью отомстить обществу за удаленіе его изъ мѣста жительства. Скрываясь такимъ образомъ, онъ производилъ у однихъ воровство и поджоги, а другимъ постоянно угрожалъ убійствомъ. Вслѣдствіе такихъ угрозъ многіе но вечерамъ боялись даже выходить на дворъ, оставляя скоть безъ корма, а окна закладывали на ночь досками. Отъ такихъ поступковъ Андропова жители дер. Григорьевки, по словамъ ихъ, постоянно находились въ большомъ страхѣ; кромѣ того Андроновъ распустилъ слухъ, что его теперь даже никто изловить не можетъ, — что онъ въ состояніи превратиться въ муху и вылетѣтъ въ щель. Находясь въ возбужденномъ состояніи отъ грозившей опасности, крестьяне 3-го декабря собрались на сходку, откуда старались устранить родственниковъ и друзей Андропова и на этой-то сходкѣ рѣшили окружить вечеромъ домъ Севастьяна Келейнова и поймать Василю Андропова, „порѣшить“ съ нимъ. Такое рѣшеніе сходки мотивировано тѣмъ, что если, изловивъ Андропова, представить его по начальству, то онъ опять убѣжитъ и тогда уже разорить всѣхъ окончательно. Сказано — сдѣлано. Дождавшись сумерекъ, вся сходка, подъ предводительствомъ старосты, разными дорогами направилась къ дому Севастьяна Келейнова, окружила его и,

войдя во дворъ, розыскала Василя Андрона, съ которымъ тутъ же и порѣшила, убивъ его на мѣстѣ. Андрона били почти всѣ и послѣ совершенія убійства бѣжали. Кто тащилъ въ рѣку убитаго и подсунулъ подъ ледъ, вѣрныхъ указаній изъ народной молвы получить было нельзя. По рассказамъ взрослыхъ дѣтей Севастьяна Келейнова, сестры его Козиной и дочери Гришиной, прибѣжавшихъ на шумъ, собравшійся во дворъ народъ и имъ наносилъ побои собственно уже за то, что они умоляли народъ не убивать Василя. По показанію семейныхъ изъ дома Келейнова, бывшимъ во дворъ ихъ народомъ взломанъ пробой у чулана, взяты оттуда два ружья, которыя тутъ же были изломаны и брошены въ рѣку; также унесено будто бы крестьянами двѣ пары новыхъ кожаныхъ сапоговъ и нѣсколько фунтовъ сальныхъ свѣчей. Севастьянъ Келейновъ, давшій пріютъ въ своемъ домѣ бѣглому ссыльному, былъ счастливѣе своего брата, успѣлъ во время бѣжать отъ разъяренной толпы и 5 декабря, вечеромъ, явился въ станovouю квартиру съ заявленіемъ о случившемся, въ то время, когда приставъ находился уже на мѣстѣ происшествія для производства дознанія. По показанію Севастьяна Келейнова, онъ, пользуясь суматохою въ собравшейся на дворъ у него толпѣ, успѣлъ

скрыться и спрятаться въ зайлищѣ. Во время его бѣгства двое изъ крестьянъ преслѣдовали его, но настичь не могли".

* * *

Случай другаго рода самоуправства крестьянъ мы узнаемъ изъ газеты „Современныя Извѣстія": Крестьяне Московской губ. Дмитровскаго уѣзда дер. Вороновой въ числѣ 100 человекъ составили приговоръ о томъ, что они находятъ неправильнымъ платежъ казенныхъ недоимокъ до общей круговой порукѣ, и при требованіи уплаты податей оказали сопротивленіе мировому посреднику, становому приставу и волостному старшинѣ.

* * *

Таинственный поджигатель въ исторіи нашихъ пожаровъ.

Въ прошлый разъ мы говорили, что атмосфера является иногда причиною нашихъ прошлыхъ сельскихъ пожаровъ.

Сегодня намъ приходится указывать на новую причину пожаровъ: какая-то таинственная сила поджигаетъ у насъ на Руси! Доказательствомъ тому служитъ слѣдующій любопытный случай въ Ново-Екатеринославской слободѣ, въ

Купянскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи, нами заимствуемый изъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“:

„Въ нашей слободѣ еще въ прошломъ году появился таинственный поджигатель, который своими поджогами поставилъ жителей въ такое плачевное положеніе, что многіе изъ нихъ должны были отказаться отъ своихъ домовъ и жить въ продолженіе всего лѣта подъ открытымъ небомъ. Уѣздный исправникъ, становой приставъ, три полиціанта изъ штата губернскаго жандармскаго управленія, судебный слѣдователь, наконецъ, слѣдователь по особенно важнымъ дѣламъ изюмскаго окружнаго суда, истожили всю энергію и весь запасъ судебно-полицейскихъ тонкостей, но не могли достигнуть никакого результата. Они только убѣдились, что поджигатель стоитъ внѣ всякой опасности и умѣетъ оставаться невидимкою, несмотря на то, что его отыскиваютъ съ напряженнымъ усиліемъ сотни глазъ сельскихъ аргусовъ, въ лицѣ сотскихъ и пятисотскихъ, обязанныхъ день и ночь занимать свои наблюдательные посты, имѣя у себя въ резервѣ ночные обходы, организованные изъ мѣстныхъ жителей. Дерзость поджигателя тѣмъ болѣе обидна для нашихъ аргусовъ, что онъ, предупреждая подметными письмами о своемъ намѣреніи *попотивать краснымъ птѣшкою* то того, то другаго изъ

жителей, приурочиваетъ всегда поджогъ къ такому времени, когда осторожность, какъ со стороны властей, такъ и со стороны жителей, бываетъ доведена до нес plus ultra. До настоящаго времени всѣхъ поджоговъ было 53 и всѣ они были сдѣланы около базарной площади. Если осторожность приноситъ пользу, то главнѣйшимъ образомъ потому, что при ней пожары не принимаютъ обширныхъ размѣровъ и прекращаются въ самомъ началѣ. Самый большой пожаръ былъ въ маѣ мѣсяцѣ, когда, по случаю бывшей бури, въ одинъ разъ сгорѣло 13 дворовъ со всѣми надворными постройками и когда жертвами его сдѣлались двѣ души — мать и 18-лѣтняя дочь изъ семейства Алещенковыхъ, подозрѣваемыхъ обществомъ въ поджогѣ. Случилось такъ, что онѣ, не находя выхода изъ своего двора, объятаго со всѣхъ сторонъ пламенемъ, стали переносить свои пожитки изъ дома въ погребъ, стоявшій среди двора подъ соломенною крышею и увлеклись этою операціею до того, что должны были остаться въ погребѣ навсегда, не имѣя возможности выйти оттуда, такъ какъ пламя мгновенно охватило его.

„Въ послѣднее время около мѣсяца не было пожаровъ и одно обстоятельство подало поводъ думать, что поджигатель наконецъ отысканъ. Послѣ поджога, произведеннаго 30 ноября во

дворъ аптекаря г. Ковшарева, но не успѣвшаго перейти въ пожаръ, потому что своевременно усмотрѣна была дымившаяся въ щепкахъ тряпка, пропитанная горючимъ составомъ, — былъ арестованъ ночнымъ обходомъ сидѣвшій во рву отставной солдатъ-полякъ, родомъ изъ Варшавы. Этотъ солдатъ проживалъ здѣсь около двухъ лѣтъ и занимался сапожнымъ мастерствомъ. По приводѣ его въ квартиру становаго пристава г. Давыдова, онъ далъ такое сбивчивое показаніе, которое навлекло на него сильное подозрѣніе, когда же черезъ нѣсколько дней солдатъ объявилъ себя сумасшедшимъ и неспособнымъ давать показанія, то подозрѣніе перешло въ убѣжденіе, что онъ то и есть давно отыскиваемый поджигатель. Разумѣется его отправили въ Харьковъ для освидѣтельствованія его умственныхъ способностей, а такъ какъ съ выбытіемъ его прекратились пожары, то многіе и стали думать, что этому злу пришелъ конецъ. Но и обыскъ, произведенный въ квартирѣ арестованнаго поляка, не далъ никакихъ данныхъ, которыя бы могли совершенно увѣрить въ томъ, что этотъ полякъ есть поджигатель и потому власти продолжаютъ розыскъ и надѣются отыскать поджигателя по новымъ слѣдамъ, на которые они недавно напали и которые,

составляя судебно-полицейскую тайну, не могут быть преданы гласности."

* * *

Прогрессъ въ дѣлѣ мошенничества.

Однажды насъ сидѣло нѣсколько человѣкъ въ вагонѣ желѣзной дороги, и кто-то, по поводу только что оконченной операціи осмотра билетовъ, замѣтилъ: какъ странно, отчего это до сихъ поръ нѣтъ поддѣльвателей желѣзно-дорожныхъ билетовъ?

Оказывается, что мы и этой отрасли промышленности дождались. Въ газетѣ „Голосъ" одесскій корреспондентъ повѣствуетъ о розыскахъ поддѣльвателей желѣзно-дорожныхъ билетовъ; образовалась цѣлая компанія, въ составъ которой будто бы вошли и оберъ-кондукторы и кассиры!

* * *

Фактъ благотворительности изъ ряда вонъ.

Мы знаемъ что многіе выигрываютъ 75 тыс. руб. на лоттерей внутренняго займа.

Мы знаемъ и то, что многіе жертвуютъ на добрыя дѣла изъ своего избытка.

Но вотъ фактъ, — за достовѣрность котораго мы ручаемся, встрѣчающійся не часто, если не *никогда!*

Господинъ NN служитъ и живетъ своимъ жалованьемъ. Случайно онъ сдѣлался хозяиномъ одного билета внутренняго займа. Билетъ этотъ выигрываетъ 75 тыс. рублей. Г-нъ NN беретъ эти 75 тыс. рублей и раздаетъ ихъ нуждающимся въ деньгахъ безвозмездно.

— Почему вы это дѣлаете? спрашиваетъ его кто-то.

— А потому, что деньги не мои.

— Какъ не ваши?

— Да, не мои, я своими считаю только тѣ деньги, которыя зарабатываю трудомъ!

Въ нашъ вѣкъ $\frac{9}{10}$ людей назовутъ этотъ фактъ проявленіемъ сумасшествія!

* * *

Красивое слово.

Дѣйствіе происходитъ въ книжномъ магазинѣ Я. И-кова.

Входитъ покупатель.

— Это господинъ И-ковъ? спрашиваетъ онъ у одного изъ прикащиковъ, указывая на одного старичка, просто и не изящно одѣтаго.

— *Какъ можно, помилуйте*, отвѣчаетъ съ улыбкою презрѣнія прикащикъ, *они никогда въ лавкѣ не сидятъ!*

Это „*какъ можно, помилуйте*“ не дурное слово!

— А гдѣ жъ онъ сидитъ—то? спрашиваетъ покупатель.

— Помилуйте, *они*—съ предсѣдательствуютъ въ своемъ банкѣ (общество взаимного кредита).

И это недурное слово!

— А лучше бы онъ сидѣлъ въ своей лавкѣ, заключилъ покупатель, тогда бы больше было у васъ порядка!

* * *

Другое слово, но печальное.

Въ селѣ С. собранъ волостной сходъ для выбора волостныхъ судей.

— Что вы собрались? спрашиваетъ у крестьянъ прохожій.

— А судей избираемъ.

— Ну, Богъ въ помощь, избирайте, только трезвыхъ.

— Охъ, родимый, отвѣчаетъ крестьянинъ, гдѣ намъ трезвыхъ—то взять, коль, вишь, выбираютъ—то все пьяные!

* * *

Политическое слово.

Во время пребывания Государя, по случаю выставки, въ Парижѣ одинъ изъ русскихъ государственныхъ людей въ бесѣдѣ съ Наполеономъ съ глазу на глазъ, сказалъ—де ему слѣдующія замѣчательныя слова:

„Sire, avec une politique, d'ou l' honnĕtetĕ est bannie, on ne fonde pas de dynastie".

Слова эти приписываютъ нашему канцлеру.

Оптимистъ.

СОВРЕМЕННАЯ ХЛЕСТАКОВЩИНА.

ВОСПОМИНАНІЯ СТАРОЖИЛА.

«Тамъ у насъ и вистъ свой
составился:
министръ иностранныхъ дѣлъ,
французскій
посланникъ, нѣмецкій
посланникъ —
и я.»

«Ревизоръ»,

дѣйствіе III, явл. 6.

Неоднократно приходится всякому слышать и читать указанія на то что составляет такія особенности нашей общественной жизни, какія не существуют ни въ какой другой странѣ и мѣшаютъ тому, чтобы у насъ сдѣлались возможными многія явленія, составляющія обыкновенную принадлежность другихъ образованныхъ обществъ.

Одна изъ такихъ особенностей состоитъ въ полномъ отсутствіи у насъ преданій и знакомства съ лицами, нравами и вообще характеромъ даже только что минувшей эпохи. Всякій, кому вздумалось бы рассказывать о томъ, что лѣтъ тридцать тому происходило напримѣръ въ тѣхъ или другихъ сферахъ петербургскаго общества, можетъ быть увѣренъ, что $\frac{9}{10}$ слушателей или читателей, принадлежащихъ даже къ однороднымъ—же, но только современнымъ сферамъ, гдѣ должны были бы, повидимому, сохраняться вѣрныя извѣстія о недавнемъ ихъ прошедшемъ, — ничего не знаютъ объ этомъ прошедшемъ, и что онъ можетъ повѣщать какую угодно небывальщину и заслужить довѣріе. Люди, составляющіе затѣмъ остальную $\frac{1}{10}$ часть публики, знающую дѣло, пожмутъ только плечами или махнутъ рукой, а новый фондъ—Кампенгаузенъ будетъ продолжать болѣе и

болѣе авторитетнымъ тономъ свое „Не любо, не слушай, а лгать не мѣшай”. Если-же и поднимутся рѣдкіе голоса, фактически опровергающіе бредни и выдумки, смѣло распространяемыя разскащикомъ, то онъ, хотя и изгнанный, наконецъ, изъ разныхъ кружковъ, гдѣ его сначала слушали, по довѣрчивости, происходящей отъ невѣдѣнія, — все-таки долго еще будетъ держаться и проповѣдывать свои небылицы въ какомъ-нибудь уголку, неизвѣстно почему продолжающемъ давать ему радушный пріютъ, не смотря на то, что фантастичность его разсказовъ публично обличена безконечное число разъ. Не раздайся-же такой противорѣчащій имъ голосъ, — всѣ эти басни такъ и пошли бы за истину между всѣми, кто самъ не жилъ въ эпоху, которую, яко бы, описываетъ досужій ихъ авторъ, отвѣчающій на фактическія доказательства его грубыхъ ошибокъ только такою-же грубою (а это не мало) бранью, или изрѣдка — ребяческими отговорками и нескладными оправданіями.

При такихъ условіяхъ едва ли можно назвать „созрѣвшимъ” общество, такъ сказать, „не помнящее родства”, и само оно, доказывая полное незнаніе своего вчерашняго дня и какъ бы подтверждая, что считаетъ себя живущимъ только съ сегодняшняго, — даетъ кому угодно

поводъ къ производству надъ нимъ экспериментовъ, всегда возможныхъ тамъ, гдѣ смѣлая ложь встрѣчаетъ „tabula rasa”.

Одно изъ безцеремоннѣйшихъ явленій въ современной литературѣ осязательно доказываетъ полное отсутствіе у насъ такого знакомства со вчерашнимъ днемъ, нигдѣ въ другой странѣ немислимое.

Года полтора тому назадъ стали появляться, а затѣмъ немедленно и распространяться безъ всякой мѣры, въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, подъ разными заглавіями, воспоминанія „Петербургскаго старожила”, и вскорѣ ихъ авторъ объявилъ самъ, что подъ этимъ псевдонимомъ скрывается Владиміръ Петровичъ Бурнашовъ.

По собственнымъ рассказамъ автора, по библиографическимъ справкамъ и по воспоминаніямъ людей жившихъ въ Петербургѣ за 30 и 40 лѣтъ тому назадъ, оказалось что г. Бурнашовъ служилъ тогда до столоначальника въ министерствѣ финансовъ, потомъ въ военномъ министерствѣ. Былъ танцоромъ на вечерахъ въ обществѣ средней руки, состоялъ сотрудникомъ „Сѣверной Пчелы” Греча и Булгарина, „Эконома” Булгарина и Песоцкаго, написалъ панегирикъ табачному фабриканту Жукову, которымъ кичится и доселѣ, часто по заказу

разныхъ властей сочинялъ хвалебныя статеечки для „Пчелки”, составилъ нѣсколько компиляцій для дѣтей и по части сельскаго хозяйства, изученнаго имъ при производствѣ миниатюрныхъ опытовъ на удѣльной земледѣльческой фермѣ, которой онъ долгое время былъ почти официальнымъ панегиристомъ, а потомъ и начальникомъ хотя теперь онъ самъ называетъ ея хозяйство шарлатанствомъ, а самое существованіе ея чуть не преступленіемъ. Затѣмъ около, кажется, четверти вѣка о г. Бурнашовѣ не было ничего слышно.

Нынѣ, когда въ публикѣ сталъ замѣчаться вкусъ къ чтенію всякихъ статей ретроспективнаго содержанія, г. Бурнашовъ счелъ удобнымъ подѣлиться съ нею своими воспоминаніями, которымъ и конца не предвидится. Статьи его, пишущіяся съ быстротою молніи (самъ онъ говоритъ, что еще съ молодю получилъ прозвище „Быстропишева”), стали послѣдовательно наводнять и „Зарю”, и „Русскій Вѣстникъ”, и „Русскій Міръ”, и „Русскій Архивъ” и „Биржевыя Вѣдомости”. Всѣ эти статьи отличались и отличаются упоминаніями о мельчайшихъ подробностяхъ всякаго, даже ничтожнаго обстоятельства, тономъ полной самоувѣренности въ непогрѣшимости заключающихся въ нихъ рассказовъ, съ

категорическими подтвержденіями, что все пишущееся авторомъ основано на современныхъ этимъ происшествіямъ памятныхъ его запискахъ. Къ этому надобно прибавить, что авторъ то и дѣло выводитъ много разнородныхъ извѣстныхъ или замѣчательныхъ лицъ, объясняя, что былъ съ ними въ близкихъ отношеніяхъ.

Очевидно, что всѣ журналы приняли сначала воспоминанія г. Бурнашова за нѣчто серьезное или по крайней мѣрѣ за достойное вниманія публики, если рѣшились печатать ихъ. Тутъ—то и оказалось упомянутое нами выше полное отсутствіе знакомства современной журналистики съ недавнимъ, даже ея—же собственнымъ, прошедшимъ.

Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ г. Бурнашовъ безпрепятственно продолжалъ свои фантастическія повѣствованія, произошелъ у него на конецъ „казусъ”, по истинѣ небывалый даже въ нашей литературѣ, съ г. Подолинскимъ, заявившимъ, что все рассказанное о немъ и о сношеніяхъ съ нимъ г. Бурнашова — не заключаетъ въ себѣ ни единого слова правды; что онъ никогда не видалъ ни г. Бурнашова, ни тѣхъ, у кого они, по словамъ его, будто бы, встрѣчались, и изъ всего этого само собою выходило заключеніе, что все это было выдуманно г. Бурнашовымъ, вѣроятно въ

надеждѣ на то, что онъ, г. Подолинскій, умеръ, а слѣдовательно и уличить г. Бурнашова некому.

Послѣ такого жестокаго удара г. Бурнашову оставалось только умолкнуть и скрыться отъ стыда съ журнальной арены. Но онъ напечаталъ смѣхотворный отвѣтъ г. Подолинскому, ни съ чѣмъ не сообразный и, разумѣется, никого не обманувшій, а затѣмъ сталъ, по прежнему, являться въ печати, такъ какъ нѣкоторые журналы, къ изумленію, продолжаютъ даже послѣ такого „неожиданнаго реприманда” принимать статьи г. Бурнашова.

Но, какъ говорятъ французы, *le grelot ыtait attaché*, и съ тѣхъ поръ пошли обличенія на его такъ называемыя воспоминанія. Фактами, цифрами, ссылками на источники сокрушено было въ прахъ разными лицами и въ разныхъ статьяхъ почти все чтъ рассказывалъ г. Бурнашовъ (и до „казуса” съ г. Подолинскимъ и послѣ того) обо всемъ, чтъ касается не только до неподлежащихъ повѣркѣ, по ничтожности своей, мелкихъ анекдотовъ изъ прежнихъ канцелярій или съ кухни Булгаринскаго „Эконома”, а и того что относится до такихъ общественныхъ или литературныхъ сферъ, которыхъ жизнь и у насъ не можетъ пройти совсѣмъ безслѣдно, или по ихъ значенію, спасающему ихъ отъ полнаго забвенія, или по

причинѣ сохранившихся печатныхъ документовъ. Доказано было несомнѣнно, что всѣ рассказы г. Бурнашова, такъ сказать, кишать несообразностями, всякаго рода анахронизмами, явными выдумками, рѣшительными невозможностями. Оказалось ясно какъ день, что онъ взводилъ небывальщину на гр. Канкринъ, гр. Перовскаго, графовъ Вьельгорскихъ и другихъ; приплелъ Сперанскаго къ анекдоту, который вовсе не могъ даже и происходить; видѣлъ Ермолова въ Орлѣ, когда онъ еще съ полгода послѣ того былъ въ Грузіи; представлялъ Карамзина играющимъ въ „буриме“; выводилъ Жуковскаго дѣйствующимъ въ Петербургѣ, когда его тамъ не было; графиню Мордвинову заставлялъ сидѣть въ театрѣ два года послѣ ея кончины; толковалъ о министерствѣ государственныхъ имуществъ за четыре года до его основанія; видѣлъ бывшихъ еще въ дѣйствительности мальчиками — уже въ офицерскихъ эполетахъ; смотрѣлъ на сценѣ пьесы и читалъ книги, которыя еще долго послѣ того не были написаны авторами; сводилъ вмѣстѣ людей, не могшихъ въ данное время находиться лицомъ къ лицу; перепутывалъ множество событій даже ближе всего ему знакомаго журнальнаго и книгопродавческаго міра, и проч. и проч. Словомъ сказать, все воздвигнутое

доселѣ г. Бурнашовыхъ зданіе, составленное изъ множества разнородныхъ статей, вышло однимъ общимъ безобразіемъ. Видя ложность всѣхъ его показаній о томъ чтѣ еще можетъ быть опровергнуто, — ибо на это существуютъ факты, нельзя не заключить, что и болѣе мелкія, а слѣдовательно не оставившія слѣда обстоятельства его рассказовъ принадлежать къ области чистой фантазіи. Если авторъ имѣетъ смѣлость взводить доказанныя нынѣ небывальщины, — выставляя ихъ иногда даже въ неблагопріятномъ или смѣшномъ видѣ, — на государственныхъ людей, какъ Канкринъ, Сперанскій, Ермоловъ, Перовскій, на знаменитыхъ писателей, какъ Жуковскій или Лермонтовъ, или на лицъ, бывшихъ извѣстными всему Петербургу, какъ графы Вьельгорскіе, графиня Мордвинова, Столыпинъ и проч., выводя при томъ на сцену для оживленія своихъ рассказовъ, Особъ Царской Фамили и принадлежавшихъ ко двору и къ высшему правительству, — то чего же ожидать когда говоритъ авторъ о средней руки домахъ, гдѣ онъ былъ когда то принятъ, о скромныхъ своихъ сослуживцахъ или о мелкой литературной братіи, исчезнувшихъ безслѣдно? Можно ли повѣрить и такимъ рассказамъ г. Бурнашова, каковы, напр., повѣствованія его о неоднократныхъ похвалахъ,

которыя воздавалъ ему за панегирикъ табачному фабриканту — кто бы вы думали? самъ Пушкинъ!!

Но что дѣлать съ такою хлестаковщиною? Намъ кажется, что самое простое и цѣлесообразное было бы закрыть для нея доступъ къ изданіямъ, такъ какъ несомнѣнно эта хлестаковщина, къ ущербу самихъ журналовъ и къ стыду нашей литературы, — эксплуатируетъ тѣ же редакціи, мистифируетъ безстыднымъ образомъ публику, и безусловно вредить, искажая смыслъ историческихъ событій и личностей.

Не дѣло ли самой журналистики вывести введенную ею же въ заблужденіе публику изъ положенія семейства Сквозниковъ—Дмухановскихъ, Ляпкина—Тяпкина, Земляники и комп., слушающихъ съ почтеніемъ рассказы Ивана Александровича Хлестакова о связяхъ его съ Пушкинымъ, объ отношеніяхъ его къ разнымъ сановникамъ и о другихъ столь же правдоподобныхъ сообщеніяхъ?

Давнишній обыватель Петербурга.

Типографія А. Траншеля, Невскій пр. д. № 45.

Редакторъ—Издатель **Ө. М. Достоевскій.**

